

Путешествие
ПУШКИНА
в Оренбургский край

**Игорь
СМОЛЬНИКОВ**

Путешествие
ПУШКИНА
в Оренбургский
край

*От Москвы
до Нижнего Новгорода*

19

*От Нижнего Новгорода
до Казани*

75

*От Казани
до Симбирска*

125

*От Симбирска
до Оренбурга*

165

*От Оренбурга
до Уральска и Болдина*

215

Москва «Мысль» 1991

ББК 63.3(2)47
С51

Редакция литературы
по общим проблемам географии

Рецензент

Т. Н. Евстафьева

Художник

В. Е. Валершус

Цветные фотографии выполнены:

В. П. Мельниковым (вещи купца Крупеникова),

И. Ф. Смольниковым (натурные фото),

В. С. Терещенным (портреты, литографии, домик Нащокина)

С $\frac{1805080000-016}{004(01)-91}$ 78-91

ISBN 5-244-00477-8

© И. Ф. Смольников 1991

Татьяне Крыловой —
жене и спутнице автора
в пушкинских маршрутах
посвящается

Предисловие

Путешествие начинается с подготовки. Книга — с предисловия. Или, как писали в старину, с предуведомления. Наша книга — путешествие, причем, несомненно, в старину. Событие, о котором пойдет речь, отдалено от нас более чем на сто пятьдесят лет. Так что предуведомление необходимо.

Но вот что характерно.

Чем дальше мы уходим от тех лет, тем более проясняются они для нас. Мы словно не ощущаем времени. Без труда или с трудом, но преодолеваем его. Переносимся туда, где ожидает нас чарующая улыбка смуглого курчавого человека, ироничновенный взгляд его прекрасных голубых глаз, дружеская, умная, необходимая нам, как воздух, речь.

Она продолжает звучать — и с каждым годом явственней, откровенней; мы слышим в ней то, что недоступно было нашим предшественникам. Мы следим за каждой его мыслью, боясь упустить самые малые оттенки. Следовать же мыслям великого человека есть наука самая занимательная. Это сказал он. Сказал о другом, о других, но мы-то теперь понимаем, что это относится в первую очередь к нему и к нам. Это ведь мы *следуем* его мыслям. Мы вслед за ним поворяем пленительные строки, выходящие из-под его пера. Мы вслед за ним отправляемся в *занимательные* путешествия по страницам написанных им произведений.

И в другие путешествия — в пространстве нашей земли, нашей природы, которую так любил он. Эта любовь тоже как драгоценное наследство передана нам. Любовь к золотым михайловским рощам и широколиственным дубравам Украины, к солнечному побережью Крыма и укромным уголкам Тверского края. Ко всем тем местам необъятной России, которые посетил он.

«...Вновь я посетил тот уголок земли...»

Он любил путешествовать. Порой его путешествия были вынужденными, как у некоторых его героев.

Им овладевало «беспокойство, охота к перемене мест...». Так произошло в 1829 году, когда он не получил определенного ответа на свое сватовство. Он кинулся в путешествие на Юг, в действующую армию, в Арзрум, вызвав неудовольствие властей, у которых не испросил разрешения, удивив друзей и родных, подарив нам после этого бегства в Закавказье удивительные записки, стихи и проложив для будущих поколений еще один маршрут, связанный с его необыкновенной судьбой.

Однажды он написал *дорожные жалобы*:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

В иронических строках он помянул и голодную тоску, когда путник вынужден соблюдать пост, и возможную смерть — от чумы, мороза, злодейского ножа или какой-нибудь другой напасти. И всей этой дорожной маяте противопоставил соблазнительные, но — увы — не всегда доступные ему, вечному страннику, картины:

*То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!*

*То ли дело фюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..*

По Мясницкой ему приходилось «разъезжать» неоднократно. На ней помещался Московский почтамт. Кроме операций со всякого рода почтовой корреспонденцией почтамт того времени ведал ямским двором с почтовыми лошадьми. Сюда накануне отправления в то свое путешествие из Москвы в Оренбург он заехал выправить подорожную.

Впрочем, последовательность событий была не столь однозначной. Она к тому же не лишена для нас интереса, поскольку вводит в атмосферу начала того путешествия.

Московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков был знаком Пушкину и ранее. Когда поэт прибыл в Москву, слух об этом распространился быстро.

На другой день по приезде, поздно вечером, «нашел я,— пишет он жене,— у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер. Жена его была также именинница. Я не поехал за неимением бального платья, и за небритие усов, которые отрощаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудрено попасть и не поплясать»*.

Берег Оки по дороге из Москвы в Нижний Новгород

Что касается балов и танцев, они нас в данный момент не занимают. А вот упоминание об усах — любопытно. Строка в письме — словно мгновенный портрет. Вроде его же рисунок пером: схвачено самое характерное; несколько штрихов — и мы видим, как выглядел он в тот месяц. Непохоже на себя: к бакенбардам прибавились усы. О них он упоминает еще раз и тоже в связи с визитом к хозяину почтовых дорог, лошадей и дилижансов.

Отчитываясь о пребывании в Москве, Пушкин сообщал жене, что на следующий по прибытии день, утром — это было после Натальина дня, то есть 27 августа, — поехал к Булгакову «извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для зрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стихи».

Лист или, точнее, открытый лист, о котором упоминает Пушкин, — это и есть так называемая подорожная, документ для получения почтовых лошадей.

Как чиновник 10-го класса по тогдашней табели о рангах, то есть титулярный советник, Пушкин имел право получить по такому листу три лошади.

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951. Т. 10. С. 440—441. В дальнейшем все цитаты из произведений Пушкина (кроме специально оговоренных) даются по этому изданию. Текст «Истории Пугачева» и материалов, относящихся к ней, дается по Полн. собр. соч. А. С. Пушкина в 16 т. (Изд. АН СССР, 1938—1940. Т. 9, кн. 1, 2).

Много это или мало?

Вопрос может показаться нам даже несуразным. Тройка лошадей! Сколько песен звучит о тройках с той почтовой поры! Нам эта сказочная езда может привидеться лишь во сне или в кино. Для людей первой трети XIX века это дорожные будни.

Как они оборачивались для Пушкина, свидетельствует его первое письмо жене во время того путешествия, начавшегося в четверг утром 17 августа 1833 года. А началось оно при весьма неблагоприятных условиях (погодных).

«Ты помнишь, — пишет он, — что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку*. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время».

Какая выразительная картина! Как по-пушкински строга и выпукла! Два-три слова — и создан образ. Мы словно сами присутствуем при этом и все видим своими глазами — и этот мост, стоявший дыбом, и белые волны болот (эффект пригибаемой ветром болотной травы), и эти бешеные порывы балтийского ветра, создающие поразительный эффект на поверхности воды: «в лужицах была буря».

Да, это Пушкин с его даром двумя-тремя словами запечатлеть картину и выразить ее суть.

Но в нашу задачу не входит подробный разговор о достоинствах пушкинской прозы. У нас цель другая. Мы хотим воскресить обстановку и обстоятельства, в которых начиналось и про-

* На Черной речке, под Петербургом, Пушкины снимали в тот год лачу.

Из газеты «Московские ведомости» от 21 августа 1833 года

«По причине возставшей в ночи с 16-го по 17-е ч. с. м. и продолжавшейся во весь следующий день жесточайшей бури, патрoл Ижора, на которой Государь император изволил сесть для отбытия в Штеттин, не могиши, не подвергаясь опасности, продолжать путь, возвратился и бросил якорь при Петергофе, где Е. им. вел. изволил выдти на берег 18-го числа вече-

ходило то путешествие. А первое письмо жене в этом смысле уникально. Нигде потом, ни в одном из одиннадцати писем жене с дороги, он не задерживается так обстоятельно на дорожных условиях.

Дорога из Петербурга в Москву была лишь вступлением, увертюрой — и заезд в Торжок, в Малинники, где проживали его старинные приятели Вульфы, и посещение Павловского...*

Эта часть пути и по дорожно-погодным условиям отличалась от следующей, основной. Буря, разыгравшаяся в Невской губе, принесла тучи, дожди. Дорога размокла.

«Ямщики закладывают коляску шестерней, страдая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу**, буду писать тебе из Яропольца»***.

Дороги, значит, так развезло, что тройки лошадей не хватало.

По поводу же чиновников 10-го класса, коим являлся Пушкин, в «Правилах, изданных по высочайшему повелению 6 июня 1808 года для проезжающих на почтах» (эти правила действовали и в 1833 году) было сказано следующее: «Протоиереям... капитанам, титулярным советникам и всем чинам, состоящим в 9—14 классах, — на 3 лошадей», то есть вышеупомянутым категориям пассажиров выдаются подорожные на три лошади.

Для сравнения: «особам 1 класса» полагалось двадцать лошадей; митрополитам, действительным тайным советникам и другим особам 2 класса — пятнадцать;

ром. Препроводив ночь в Царском Селе, Гос. имп. 19-го августа вечером вновь отправился в дорогу сухим путем в сопровождении генерал-адъютанта графа Бенкендорфа».

Практически одновременно царь и поэт покидали столицу. Царь с Бенкендорфом — на запад. Пушкин — на юг и восток. Когда 19 августа царь «вновь отправился в дорогу», Пушкин приближался к Торжку.

* Малинники — тверское имение П. А. Осиповой-Вульф, Павловское — имение Вульфов.

** Генерал Р. Р. Анреп, помешавшись, залез в болото, просидел там двое суток, простудился и умер.

*** Ярополец — усадьба Гончаровых в 18 километрах от Волоколамска. «Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна, — сообщил Пушкин жене, — позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен».

архимандритам, майорам, коллежским ассессорам, «синодским и сенатским протоколистам и всем чинам, состоящим в 8 классе,— на 4 лошади» *.

Почтовый дорожник издания 1829 года. Подобным дорожником пользовался Пушкин

Титульный лист почтового дорожника издания 1829 года

Иными словами, по тогдашней дорожной «иерархии» первый поэт России не дотянул даже до сенатского или синодского протоколиста.

Он мог получить лишних лошадей за дополнительную плату. Но смотритель мог и не дать. На то была его воля. *Требовать* титулярный советник не имел права.

В письме из Нижнего Новгорода Пушкин рассказывает о таком обычном небрежении смотрителей к не слишком чиновным проезжающим.

На второй или третьей станции, где ему не давали лошадей, он встретил некую городничиху, едущую с родственницей в том же направлении, что и Пушкин. Городничиха приняла сначала Пушкина за смотрителя

* Почтовый дорожник. Изд. 2-е. СПб., 1829. С. 435—440.

и «нараспев начал меня усовещивать и уговаривать: как вам не стыдно? и что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вымне ни одной со вчерашнего дня не даете».

Пушкин повел себя как истый джентльмен. Узнав про эти трйки, одну он уступил городничихе, а другую взял себе. Городничиха так была восхищена его «рыцарским поступком», что решила от него не отставать и путешествовать под его покровительством, «на что я великодушно согласился».

Сквозь путливый тон письма пробиваются реальные черточки стационной обстановки.

После Москвы погода не в пример петербургской благоприятствовала спокойной и быстрой езде; можно было обходиться положенной чиновнику 10-го класса тройкой. Пушкин тем не менее был заинтересован в лишних лошадях и, когда возникала возможность, нанимал их.

Так, в одной из сентябрьских записей в его дорожной тетради зачится: «Станция дано 84 руб. /нанято за 84/ дано 14/даю 50». Запись приходится на 15—17 сентября, когда Пушкин проделал путь от Симбирска до Бузулука, а затем до Оренбурга. Так вот, 84 рубля — это плата за 420 верст, от Симбирска до Бузулука, из расчета четырех лошадей по 5 копеек ассигнациями за лошадь*. А 50 рублей — это стоимость 250-верстного пути от Бузулука до Оренбурга.

Так что ехал Пушкин по-всякому: и шестерней, и тройкой, и четверкой лошадей.

Лошади же были почтовые и лишь на некоторых участках вольны, то есть нанятые у жителей тех мест, где не было почтовой службы и где подорожная не играла никакой роли.

Надо обратить внимание и на пушкинскую коляску.

Она у Пушкина была своя, приспособленная как будто к длительным путешествиям. Но уже на участке от Петербурга до Москвы ее так растрясло на проселочных дорогах, что она потребовала «подправок». Из-за коляски Пушкин задержался в Москве. «Каретник насили

* 420 верст — по расчетам одного из возможных вариантов пути от Симбирска до Бузулука. В четвертой главе рассматриваются эти варианты.

Постоялый двор.

Раскрашенная литография с оригинала К. И. Кольмана. 1820

выдал мне коляску, — жаловался он же, — нет мне счастья с каретниками».

В этих словах — напоминание о прошлогодней истории. Тогда, в сентябре, Пушкин также жаловался: «Каретник мой — плут; взял с меня за ючинку 500 руб., а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука: не иметь дела с полуталантами. Фрибелус или Иохим* взяли бы с меня 100 р. лишних, но зато не надули бы меня».

С грустью читаешь эти строки. Неискоренима российская традиция, связанная с разного рода дорожными и экипажными полуталантами. Нет нам счастья с ними. Во времена Пушкина мучались владельцы колясок,

* Известные каретные мастера в Петербурге.

бричек и прочих соответствовавших той лошадиной эпохе экипажей. Нынче — непреодолимые трудности с ремонтом иных, самодвижущихся экипажей. А суть, как ни печально, прежняя, заматерело пошехонская, доставлявшая столько неприятностей еще Александру Сергеевичу Пушкину.

Бичом его путешествий были и дороги.

В статье «Путешествие из Москвы в Петербург», начатой в декабре 1833 года, он делился своими дорожными впечатлениями:

«Вообще дороги в России (благодаря про странству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее о них заботились. Например: дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землею, которая при первом дождике обращается в слякоть?»

Без иронии, очевидно, вообще нельзя было писать об отечественных дорогах. В «Евгении Онегине», правда, он утверждал: «Теперь у нас дороги плохи...» И уносился мечтой в будущее:

*Современем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.*

Само слово «шоссе» звучало в этой строфе дерзко. Даже В. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (первое издание при жизни автора, в 1863—1866 годах) не признал за этим словом права российского гражданства. «Слово для нас вовсе чуждое», — комментировал он.

Вот ведь как! А все потому, что шоссе — от французского *chaussée* — означало дорогу, мощенную щебнем. Впервые оно вообще официально зарегистрировано, пожалуй, лишь «Словарем церковнославянского и русского языка» в 1847 году. А во времена Пушкина и молодости Даля таких «убитых щебнем» (выражение Даля) дорог в России нигде и не было, разве что от Петербурга до Царского Села и Петергофа. А в тот край, куда отправлялся Пушкин ранней осенью 1833 года, вели дороги иные.

Схема маршрута Пушкина в путешествии 1833 года
 Цифрами на карте обозначены: 1—Москва,
 2—Владимир, 3—Муром, 4—Нижний Новгород,
 5—Васильсурск, 6—Чебоксары, 7—Казань, 8—Ла-
 шиев, 9—Тетюши, 10—Симбирск, 11—Алатырь,

12—Большое Болдино, 13—Сенгилей, 14—Сызрань,
 15—Самара, 16—Бузулук, 17—Татищево,
 18—Оренбург, 19—Уральск

Пунктирной линией дан предполагаемый маршрут
 А. С. Пушкина

Какие же?

На этот счет красноречивы характеристики
 в дорожных справочниках и трудах по географии России.
 Вот одна из них: «...только почтовые дороги могут считаться
 в лучшем состоянии; на них мосты исправно поддержи-
 ваются и, по сторонам, дороги обрыты канавами для

стока воды. Остальные же дороги: скотопрогонные, торговые и проселочные остаются в натуральном виде и отличаются одна от другой только шириною» *.

Какие «преимущества» давала почтовая дорога по сравнению с теми, что «оставались в натуральном виде», дает представление одно из самых ранних писем Пушкина Наталье Николаевне, когда она была еще его

* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Часть I. СПб., 1868. С. 147.

невестой, а он тщетно пытался вырваться из холерных карантинных Нижегородской губернии:

«Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы: представьте себе, насыпи с обеих сторон,— ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью,— зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами».

Но так — будем справедливы — происходило в ненастье. В сухую погоду эти «ящики» становились вполне проезжими. Не забудем также, что тогда, осенью 1830 года, Пушкин не мог из-за холеры вырваться из Болдина, был раздражен... Его раздражение распространилось и на характеристику дорог.

Начало осени 1833 года выдалось сухим. Пушкин беспрепятственно мог следовать по любой дороге — почтовой, торговой, проселочной. Почтовые были, разумеется, предпочтительнее.

Нередко все эти дороги совмещались. Разницы для путешествующего по сути не было никакой. Когда почтовая сливалась, например, со скотогонной, увеличивалась лишь вдвое ее ширина и достигала семидесяти сажен. Впрочем, порой поля запахивали так, что они захватывали часть дороги и суживали требуемые по правилам для прогона скота 70 сажен ширины.

Были еще дороги для арестантов. Эти дороги тоже порой совпадали с почтовыми, но чаще прокладывались особо и не совпадали «с ближайшими расстояниями городов», а «сообразены» были «с удобствами относительно беспрепятственного конвоирования арестантских партий этапными командами».

Так сказано в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» и опубликованных в 1868 году.

За тридцать пять лет после Пушкина мало что изменилось на этих дорогах России.

В своих письмах с дороги во время того путешествия он не упоминает о встречах с арестантами, хотя дорога из Петербурга в Оренбург не раз совпадала с арестантской. Приятельница Пушкиных А. О. Смирнова-Россет вспоминает об одном дорожном эпизоде, пережитом поэтом:

«Пушкин мне рассказывал, что под Нижним он встретил этапных. С ними шла девушка не в оковах, у нас женщин не заковывают. Она была чудной красоты и укрывалась от солнца широким листом капусты. «А ты, красавица, за что?» Она весело ответила: «Убила незаконнорожденную дочь, пяти лет, и мать за то, что постоянно журила». Пушкин оцепенел от ужаса».

Что же заставило Пушкина отправиться в столь дальнюю дорогу — из Петербурга в Москву, а от туда — в Оренбург и Уральск?

Ответ на этот вопрос заставляет обратиться к замыслам Пушкина, посвященным Петру I.

Интерес к личности Петра, к его роли в истории России и к его месту в общеевропейской истории усиливается у Пушкина в конце 20-х — начале 30-х годов. Это было связано как с революционными событиями во Франции в 1830 году, с восстанием в Польше, так и с усиливавшимся недовольством русского народа, которое столь бурно проявилось во время холерных бунтов 1830 года и восстаний новгородских поселений.

Пушкин задумывается над судьбами российского дворянства, над отношением его к народу и народа к нему.

Русская история XVIII века виделась ему как взаимосвязанная и взаимообусловленная цепь политических событий, социальных столкновений, начатых в эпоху Петра и продолженных во время царствования его преемников, вплоть до Екатерины II, до грозных потрясений, испытанных самодержавно-крепостническим государством в пугачевскую эпоху.

Характерно, что, испрашивая разрешение в середине 1831 года на работу в архивах, Пушкин объясняет это своим «желанием написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III»*, то есть выражает намерение не ограничиться собственно историей Петра I, но продлить исследование вплоть до петровского внука, того недолго процарствовавшего петровского наследника, имя которого было непосредственно использовано Пугачевым в его дерзкой попытке поколебать трон Екатерины II.

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 256.

К 1833 году Пушкин проделал огромную работу. Он изучил сотни печатных и рукописных источников, сделал многочисленные выписки, копии, добыл мало кому известные, а то и вовсе не известные другим историкам документы из эпохи Петра. Одновременно с этим им задумывается художественное произведение, в центр которого он ставит судьбу офицера-дворянина, оказавшегося в водовороте бурных событий пугачевской эпохи и примкнувшего к пугачевцам.

«Подсказкой» для этого сюжета явилось не что иное, как углубленное знакомство с документами, относящимися к Петру I и ко всему XVIII столетию.

В феврале 1832 года Пушкин получает от Николая I в подарок «Полное собрание законов Российской империи». Подарок был сделан не случайно. Царь был заинтересован в том, чтобы Пушкин в наикратчайший срок написал историю Петра. Собрание законов включало в себя множество ценнейших документов — и из эпохи Петра, и из более поздних времен, в частности материалы о пугачевском восстании. В одном из них, в «Сентенции 1775 года января 10. О наказании смертной казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. С присоединением объявления прощаемым преступникам», Пушкин, видимо, впервые и прочитал о Михаиле Шванвиче, дворянине, который присоединился к бунтовщикам.

Неординарная судьба этого человека увлекла Пушкина. Он набрасывает план произведения об этом дворянине, произведения, которое впоследствии станет романом «Капитанская дочка». Вместе с образом главного героя все требовательнее и отчетливее вырисовывается перед автором и драматическая фигура Пугачева.

«Процесс создания «Капитанской дочки», — писала И. Н. Петрунина, — поразительный пример взаимодействия образно-художественной и исследовательской мысли. Развитие художественного замысла привело на определенном этапе к историческим изучением, из которых возникла «История Пугачева». Работа историка откорректировала работу художника и дала ей новое направление» *.

* Петрунина И. Н., Фридляндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 117.

Мы говорим о логике научной и художественной мысли поэта. Начав с эпохи Петра, он невольно объял в своих творческих устремлениях весь XVIII век. Постигая политические, социальные, нравственные закономерности и коллизии этого века, он неизбежно выходил на последнюю его треть, которая с наибольшей силой сконцентрировала в себе противоречия всей эпохи. Углубление в реалии гражданской войны, осененной именем «изменника, бунтовщика и самозванца» Пугачева, привело Пушкина, с одной стороны, к роману из этой эпохи, с другой — к историческому труду. К началу 1833 года возникла необходимость углубить, уточнить знание фактов и обстоятельств этой войны знакомством с живыми ее свидетелями, а также с теми документальными источниками, которые находились за пределами столицы, в губернских городах, захваченных волной пугачевских событий полвека назад. Возникла необходимость побывать в местах, где бушевала пугачевщина.

Работая над пугачевской темой, Пушкин приходил к очень важному для осознания русской истории выводу о неизбежности борьбы неимущих, обездоленных, бесправных людей с теми, у кого в руках находилась власть, привилегии, богатство. В «Замечаниях о бунте», посланных Пушкиным царю как приложение к «Истории Пугачева», он написал об этом недвусмысленно: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».

Вникая в реальные факты пугачевской эпопеи, знакомясь с судьбами десятков и сотен участников войны, которую вели казаки, крестьяне, беднейшие слои населения против дворян, помещиков, царских войск, Пушкин приходил к выводу о непримиримости интересов дворян и угнетенных, обездоленных людей России, прежде всего крестьянства*.

Надо было своими глазами увидеть места, где разворачивались эти грозные события. Надо было услышать людей, которые принимали в них участие, и записать их рассказы.

* Об этом подробно пишет Г. П. Макогоненко в первой главе книги «Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836)» [Л., 1982].

«Дыном дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади» — эти памятные всем нам строки Гоголь писал спустя примерно три или четыре года после того пушкинского путешествия. Почему они вспоминаются? Потому что в тот сухой сентябрь дорога за пушкинской коляской действительно дымилась; ехать он старался быстро, все отставало и оставалось позади во время этого долгого пути, мелькали полосатые верстовые столбы, флагбаумы и будки с солдатами инвалидов команд при въезде в города, гремели под колесами деревянные настилы мостов...

По одному такому мосту тех времен мы с вами проедем, когда пушкинский маршрут выведет нас в оренбургские степи.

*...Усадили меня в коляску,
и я выехал на большую дорогу.
Из письма А. С. Пушкина жене*

В Москве Пушкин вновь встретился с Сергеем Александровичем Соболевским, с которым вместе уезжал из Петербурга и расстался в Торжке.

Соболевский был моложе Пушкина на четыре года и учился вместе со Львом Сергеевичем Пушкиным в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте. Там с ним Пушкин и познакомился.

О Соболевском можно было бы рассказывать много. Мы ограничимся лишь упоминанием о том, что поэт останавливался у него в Москве, читал ему свои произведения; Соболевский хлопотал об издании «Руслана и Людмилы», «Братьев-разбойников», второй главы «Евгения Онегина»; после напечатания «Истории Пугачевского бунта» помогал в ее продаже.

Соболевский был человек книжный, то есть любил и собирал книги; остроумный, сочинял веселые и злые эпиграммы. Пушкин питал к нему самые дружеские чувства.

Вместе с Соболевским и Шевыревым Пушкин навестил Киреевского и там, как он доложил жене, «пил за твое здоровье».

Шевырев и Киреевский тоже не случайные люди в пушкинском окружении, хотя между ними и Пушкиным не было той дружеской теплоты и непринужденности, как между ним и Соболевским.

Степан Петрович Шевырев был профессиональным литератором, поэтом, критиком, по своим взглядам довольно чуждым Пушкину.

Киреевский — это скорее всего Иван Васильевич, брат Петра Васильевича Киреевского, известного собирателя русских народных песен. В августе Петра Киреевского в Москве не было*.

* П. В. Киреевский писал 13 сентября 1833 года Н. М. Языкову: «У нас все, слава богу, здоровы. Мы возвратились в Москву дней пять тому назад» (цит. по: Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. М.; Л., 1935. С. 46.)

Вот такая компания собралась в Москве 26 августа.

На следующий день Пушкин был приглашен на обед к Суденке.

Михаил Осипович Судиенко, или Суденко, как пишет его фамилию Пушкин,— фигура примечатель-

Портрет С. А. Соболевского.
Литография М. Н. Полторацкого. 1844

Портрет М. О. Судиенки.
Художник И. А. Печев. Акварель. 1840

ная. Товарищ холостой жизни поэта—так рекомендует его Пушкин в письме из Нижнего Новгорода, откуда продолжал «всеподданнейше» доносить Наталье Николаевне о московских событиях и встречах. Некоторое время Судиенко был адъютантом у Бенкендорфа, затем вышел в отставку и мирно жил в Москве. За год до поездки в Оренбург Пушкин просил у него взаймы 25 тысяч рублей. Судиенко по каким-то причинам не дал или не смог дать, хотя был человеком богатым.

«Теперь и он женат,—рекомендует его Пушкин жене,—и он сделал двух ребят, и он перестал играть—но у него 125 000 доходу, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей имянинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского».

Это было днем. Вечер Пушкин провел у На-

Нижний Новгород.

Раскрашенная литография. Фрагмент. 1872

щокина: «...да какой вечер! шампанское, лафит*, зажженный пунш с ананасами — и все за твое здоровье, красота моя».

Пушкин словно уговаривает Наталью Николаевну, словно просит ее не сердиться за свой отъезд и за то, что надолго оставил ее. Он все время пользуется случаем напомнить ей о ее красоте, о том, что она прекраснее всех и никто с ней не может сравниться; что его поведение в дороге безупречно; что если он с кем-то и бражничал, то поднимал бокал только за ее здоровье; что если кому-то в дороге он уделял внимание, то это были вовсе не красивые женщины.

Как это было в случае с городничихой: «Ты

* Сорт красного виноградного вина, его привозили из Франции; название — от имени на юге Франции Château Lafitte (замок Лафит).

спросишь: хороша ли городничиха? — заканчивал Пушкин эпизод о ней. — Вот то-то, что не хороша, ангел мой, Таша, о том-то я и горюю. — Уф! кончил. Отпусти и помилуй».

Весь этот эпизод, занявший целую страницу письма, просвечен иронией и написан едва ли не для того, чтобы возбудить у жены хоть ненадолго ревнивые чувства, недаром в конце этот акцентированный вопрос — «хороша ли» попутчица?

Во втором письме с дороги, из Павловского, вспомнив, как «назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями», пишет, что «вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш * etc. живет управитель», что «из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет»; сообщив обо всех этих подробностях, он льстит своей жене напрапую: «Много спрашивают меня о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают — и какая ты: *брюнетка* или *блондинка*, *худинькая* или *плотнинькая*».

В Торжке «толстая» мадемуазель Пожарская, «та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты **», провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я встречу ее(?) ахнула».

«Ты видишь, моя женка, — довольный, подытоживает Пушкин, стараясь, несомненно, в итоге всей этой шутовой болтовни сделать приятное жене, — что слава твоя распространилась по всем уездам».

Мы, кроме того, ощущаем в этих строках аромат той наполненной влюбленностью атмосферы, которой еще недавно — «назад тому пять лет» — дышал неженатый Пушкин, когда бывал в этих краях и в других, по соседству, в Псковской губернии, что и выразил однажды в своем «Признании»:

* Пушкин имеет в виду трех Анет, то есть Анн, — Анну Николаевну и Анну Ивановну Вульф, Анну Петровну Керн, а также Евпраксию Николаевну Вульф, Александру Ивановну и Марию Ивановну Осиповых.

** От хозяйки торжеской гостиницы Д. Е. Пожарской и пошли, как говорится, по «белу свету» знаменитые и ныне *пожарские* котлеты.

И ваши слезы в одиночку,
 И речи в уголку вдвоем,
 И путешествия в Опочку,
 И фортепьяно вечерком?..
 Ахмя! жальтесь надо мною.
 Не смею требовать любви.
 Быть может, за грехи мои,
 Мой ангел, я любви не стою!
 Но притворитесь! *

Но чувствуем мы и другое. Сам шуточный тон дорожных впечатлений, воскресивший на миг былые влюбленности, оттеняет непохожесть на старые увлечения его нового чувства.

Свидетельством силы, серьезности его любви к жене являются заключительные строки письма, отправленного из Павловского. Эти строки хорошо известны всем, кто хоть однажды интересовался отношением Пушкина к жене. Они стали своеобразным камертоном, который помогает сквозь завесу времени, противоречивость отзывов современников, недомолвок и иронии *его* писем к ней и отсутствие *ее* писем к нему увидеть и оценить по достоинству ту женщину, которую он избрал себе в жены: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица».

Письмо не предназначалось для чужих глаз.

А вот напечатанное в 1831 году в одном из столичных альманахов стихотворение.

Будучи женихом, три года назад он написал посвященное ей, его Натали, стихотворение «Мадона». Оно заканчивалось такими тоже хорошо нам памятными строками:

*Исполнились мои желания, Творец
 Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
 Чистейшей прелести чистейший образец.*

Едва началось путешествие, а он уже беспокоится о ней. «Пиши мне о своей груднице и о прочем» — это в первом письме. В пятом, из Нижнего Новгорода: «Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю

* Стихотворение посвящено Александре Ивановне Осиповой.

Портрет Н. Н. Пушкиной.
Художник А. Н. Брюлов. Акварель. 1832

первое число*. Тебя терпят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, M-me Sichler etc., у тебя не хватает денег, Смирдин** перед тобой извиняется, ты беспокоишься — сердисься на меня — и поделом. А это еще хорошая сторона картины — что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие, непредвиденные случаи...»

Он даже роняет фразу, что «Пугачев не стоит того» — Пугачев — это то, ради чего он затеял свою осеннюю экспедицию.

Но Пугачев — это не только удовлетворение его жажды проникнуть в глубины русской истории, познать законы, по которым «метались народы» и потрясались основы самодержавного государства. Пугачев — это печатный труд, книга, которая должна дать реальный доход***. Судиенко может жить припеваючи, имея сто двадцать пять тысяч годового дохода, а у нас, «мой ангел, это впереди».

«Того и гляди, я на него плюну, — рассуждает Пушкин о Пугачеве, — и явлюсь к тебе». Однако и он сам, и она прекрасно понимают, что ни «плюнуть» на Пугачева, ни прервать путешествие он не имеет права. И Пушкин дружески-шутливо «утешает»: «Ангел мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится». О ней, о семье — о сыне и дочери — он не забывает ни на минуту ни в дороге, ни во время встреч с друзьями в Москве.

В Москве же он встретил многих. Правда,

* Ежемесячно первого числа производились расчеты с прислугой и поставщиками.

** А. Ф. Смирдин — петербургский издатель и книгопродавец. В 1830 году он приобрел право на продажу в течение четырех лет всех ранее печатавшихся и нераспроданных произведений Пушкина.

*** Пушкин получил из казны на печатание «Истории Пугачева» ссуду в 20 тысяч рублей. Книга вышла тиражом в 3 тысячи экземпляров. Он рассчитывал получить от продажи 40 тысяч рублей, однако выручил не более 20 тысяч. После смерти Пушкина осталось в его квартире 1775 непроданных экземпляров.

«По поводу денег у меня к тебе просьба, которая, возможно, удивит тебя, но, что делать, я сейчас в таком затруднительном положении и не могу обратиться к мужу, местопребывания которого не знаю, потому что он путешествует по России и только в конце сентября или начале октября будет в своем нижегородском поместье, вот почем-то му я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стесненном положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей... <...> Мой муж оставил мне достаточно денег.

многих и не встретил: «Здесь Орлов, Бобринский* и другие мои старые знакомые. Но мне надоели мои старые знакомые. Никого не увижу».

Общался Пушкин и с Петром Яковлевичем Чаадаевым. «Чаадаев потолстел, похорошел и поздоровел», — сообщает он жене. Но внешние признаки здоровья и благополучия, понятно, не были главными в его впечатлениях от встречи со старым другом и духовным наставником.

Наставничества давно не было, и наверняка в ту встречу Пушкин продолжил диалог с Чаадаевым по поводу его труда, с которым познакомился еще два года назад. Это был один из первых вариантов того «Философического письма», которое в 1836 году, будучи напечатанным, потрясло Россию как гром.

Пушкин был хорошо осведомлен об этой работе Чаадаева и еще в июле 1831 года, приехав из Москвы в Петербург, писал оттуда своему другу (письмо написано по-французски):

«Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся».

Да, те «беседы» начались еще в ту пору, когда Пушкин был лицеистом, а старший его годами, более умудренный опытом и знаниями Чаадаев квартировал со своим полком в Софии, на окраине Царского Села. Потом был переезд Пушкина в Петербург, южная ссылка, ссылка в Михайловское...

Чаадаевский взгляд на историю оспаривался Пушкиным. «Ваше понимание истории

но я была вынуждена все их отдать хозяйке квартиры, которую только что сняла; я не ожидала, что придется дать задаток 1600 рублей, вот почему я теперь без копейки в кармане. Ради бога, отвесь мне поскорее; до 15 числа этого месяца твое письмо еще может меня застать на Черной речке, а позднее я буду уже в городе».

Из письма Н. Н. Пушкиной брату, Д. Н. Гончарову, от 1 сентября 1833 года. Ободовская И., Деметьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975. С. 159—160. Письмо написано по-французски.

* А. А. Бобринский, граф, камерониймейстер, нередко выручал Пушкина, когда тот, получив придворное звание камер-юнкера, а с ним обременительные для себя обязанности, нарушал правила придворного этикета. М. Ф. Орлов, генерал-майор, — член Союза благоденствия, бывший командир 16-й пехотной дивизии, расквартированной на Юге, где Пушкин с ним часто общался.

для меня совершенно ново,—тактично писал он,—и я не всегда могу согласиться с вами...»

Через три года, когда труд Чаадаева был напечатан в журнале «Телескоп», Пушкин откликнулся еще одним обстоятельным письмом. В нем он признавал, что многое у Чаадаева «глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь,—писал Пушкин,—как бы ваши религиозные исторические воззрения вам не повредили...». Для Пушкина была неприемлема та скептическая оценка, которая прозвучала у Чаадаева по отношению к отечественной истории. Он не хотел видеть в ней смысла, во всяком случае такого, каким «отличалась история Западной Европы, проникнутая истинным христианством».

Портрет П. Я. Чаадаева.
Гравюра Штатгенштада. 1840-е гг.

«Что же касается нашей исторической ничтожности,—возражал Пушкин,—то я решительно не могу с вами согласиться».

Он называл имена-вехи этой истории, отмечавшие события эпохального масштаба — «войны Олега и Святослава», «татарское нашествие», «оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе». «А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж?»

Пушкин собирал материалы для написания истории Петра I. Из эпохи Екатерины II он выбрал один из самых драматичных эпизодов и ехал в глубь России, чтобы там, на месте, изучить все, что хранило память о Крестьянской войне под предводительством Пугачева.

В эту августовскую встречу с Чаадаевым Пуш-

кин конечно же должен был «продолжить беседы» на эти живо занимавшие их обоих темы.

Пушкинские письма к жене в ряде важных, а подчас и ключевых моментов дают лишь своеобразный пунктир. Часто тон их, как мы могли убедиться, окрашен юмором.

Портрет Н. Н. Раевского.
Художник Е. Долгорукий. Карандаш. 1811.

Порой пушкинский юмор помогает нам увидеть живую сценку того пребывания в Москве, как в случае с еще одним старинным приятелем, Николаем Раевским*. Пушкин неожиданно столкнулся с ним в книжной лавке университета.

Сцена встречи передана Пушкиным «в лицах» по-французски (приятели, естественно, обменивались репликами на французском языке).

— Собачий сын, — сказал Раевский с нежностью Пушкину, — почему ты не зашел ко мне?

— Скотина, — отвечал ему Пушкин с чувством, — что ты сделал с моей малороссийской рукописью?*

Обменявшись этими репликами, страшно обрадовавшись друг другу, «поехали мы, — продолжает Пушкин в письме, — вместе как ни в чем не бывало, он держа меня за ворот всенародно, чтобы я не выскочил из коляски».

Встреча в книжной лавке была не случайной. «По своему обыкновению, — сообщал Пушкин жене, — бродил я по книжным лавкам и ничего путного не нашел».

Вот только в одной из них встретил старого друга... Они «отобедали вместе глаз на глаз, — докладыва-

* Н. Н. Раевский — младший сын генерала Н. Н. Раевского, героя Отечественной войны 1812 года.

** Имелся в виду список с памятника украинской письменности «История Руссов»; подарен Пушкину М. А. Максимовичем (см. об этом: Литературное наследство. Т. 58).

ет Пушкин и добавляет в скобках: — (виноват: втроем с бутылкой мадеры). Потом, для разнообразия жизни, провел опять вечер у Нащокина...»

С Павлом Воиновичем Нащокиным Пушкин встречался каждый день во время того краткого пребывания в Москве. Да иначе и не могло быть. Павел Воинович,

Здание университетской книжной лавки на Страстном бульваре

или, как ласково называл его Пушкин, Войныч, был самым близким, душевным другом Пушкина в Москве.

Войныч... с портрета смотрит он спокойным, внимательным, слегка усталым взглядом. Волосы, небрежно причесанные, падают на высокий лоб. Весь его вид — домашний, непарадный, неофициальный. Да он и был таким. За то и отличал его Пушкин — за добросердечие, отзывчивость. А еще — и это, несомненно, главное — за оригинальный ум. За независимость взглядов.

Когда три года назад на Москву накатила холера, он просит передать Павлу Воиновичу, «чтобы он непременно был жив... что, если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, то есть умного и дружеского». Своим живым, ни на кого не похожим слогом рассказывал Войныч Пушкину разные истории — от полулегендарных, из восемнадцатого века, до самых что ни на есть современных. Так, на его рассказы

опирались сюжеты и повести Пушкина «Дубровский» и поэмы «Домик в Коломне».

В «Истории Пугачева» Пушкин упомянет его отца, генерал-майора Воина Васильевича Нащокина, хотя тот и не принимал участия в военных действиях против повстанцев. Сделал это Пушкин, кажется, единственно из уважения к своему другу и стремления привлечь к имени Нащокина внимание царя*.

Дело в том, что беглое упоминание В. В. Нащокина в третьей главе «Истории Пугачева» («Генерал-майор Кар... находился в Петербурге, при приеме рекрут. Ему было велено сдать свою бригаду генерал-майору Нащокину и спешить к местам, угрожаемым опасностью») дало автору возможность еще раз и гораздо полнее представить этого генерала в «Замечаниях о бунте». Они имели принципиальный характер и были специально составлены так, чтобы привлечь внимание Николая I к ряду важных аспектов пугачевской эпопеи.

О генерале Нащокине (со слов его сына) Пушкин поместил в «Замечаниях о бунте» следующий абзац:

«Сей Нащокин был тот самый, который дал пощечину Суворову (после того Суворов, увидя его, всегда прятался и говорил: боюсь, боюсь! он дерется!). Нащокин был один из самых странных людей того времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее. Государь Павел Петрович любил его и при восшествии своем на престол звал его в службу. Нащокин отвечал государю: вы горячи, и я горяч; служба впрок мне не пойдет. Государь пожаловал ему деревни в Костромской губернии, куда он и удалился. Он был крестником императрицы Елисаветы и умер в 1809 году».

Царь, однако, оставил без внимания и этот сюжет, и имя Нащокина. Так что, если и существовала пушкинская попытка заинтересовать царя, она своей цели не достигла. Зато мы теперь убеждаемся в том, что милейший Павел Воинович был некоторым образом причастен к конкретным фактам, упоминаемым на страницах

* «Конечно, тут был умысел — как-то помочь Павлу Воиновичу, который как раз тогда женился, скрывался и бедствовал: вдруг царь призывает, расспросит о Нащокине-отце... вдруг наградит, поощрит...» (Эйдельман Н. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 226).

*Портрет П. В. Нацюкина.
Художник К. П. Мазер. Карандаш. 1839*

«Истории Пугачева» Это для нас существенно, ибо косвенно свидетельствует о том, что во время тех московских встреч Пушкина с Нащокиным затрагивалась главная тогда для поэта тема — тема, которая влекла его из Москвы на восток и юг, в пугачевские края.

Навещая Павла Воиновича, Пушкин конечно же рассматривал его звестный уже тогда широкому кругу людей *домик*.

Еще в начале 30-х годов П. В. Нащокин решил сделать уменьшенную копию своей квартиры со всей обстановкой. Зато достойная одного «из самых странных людей того времени», если воспользоваться пушкинской характеристикой данной Нащокину-старшему. За годы создания *домика* Нащокина было несколько квартир (он не раз переезжал, так что в итоге появилось удивительное произведение — «Маленький домик», как называл его сам Нащокин, миниатюрная копия городской квартиры, типичной для посвященного помещика первой половины XIX века. В *домике* было все — от гостиного гарнитура из красного дерева до дорожных пистолетов. Мебель гарнитура была ю всех смыслах подлинная, только в несколько раз меньше настоящей, а из пистолетов можно было стрелять крохотными пулями.

В предметах *домика* словно оживал лесковский Левша, демонстрируя необыкновенное мастерство мебельщика, оружейника, специалиста по бронзе, фарфору и т. д. *

Пушкин не раз любовался этим чудесным произведением. В нащокинском *домике* была даже «Пушкинская комната» — миниатюрное повторение той, в которой обыкновенно жил поэт, когда останавливался у своего друга.

В мае 1836 года, в свой последний визит Павлу Воиновичу, Пушкин писал жене: «Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков».

Домик восхищал Пушкина.

В другой раз он писал о своем друге: «У него в *домике* был пир: подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей».

* Левша, по воле автора, жил как раз в эпоху детства и отрочества людей, к поколению которых принадлежали Пушкин и Нащокин.

Напольные часы. Буфет, стол, стулья и посуда из гостиной домика Нащокина

«Маленький домик» московского эпикурейца и хлебосола Павла Воиновича Нащокина... Фантазия изощренного эстета... Прихоть богатого барина (за один рояль он заплатил полторы тысячи рублей)...

По-разному можно называть это уникальное произведение прикладного — впрочем, прикладного ли? — искусства той эпохи. Но для нас несомненно одно: рассматривая этот домик во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, мы словно входим в ту квартиру, в которой не раз бывал поэт.

Нащокинский *домик* дарит нам эту редчайшую возможность: ведь ничего другого из реальных интерьеров домов и квартир пушкинских друзей в Москве не сохранилось, до наших дней не дошло. Тем более в таком первозданном и подлинном виде.

Задержимся в одной из комнат. Мысленно

Фрагмент гостиной домика Нащокина

отодвинем кресла, присядем в одно из них. Представим, как неспешно текла беседа двух друзей...

«Нащокин мил до чрезвычайности... смешит меня до упаду».

Это — пушкинские слова.

Может быть, в последний, памятный им обоим вечер они сидели за круглым столом. Он был точно такой же, какой можно видеть в *домике*. Все было точно такое, только размером больше — круглый стол и кресла из красного дерева, лампа, рояль...

Это не имитация того, что могло быть в доме той поры и что нередко мы видим в иных музеях, воскрешающих тот быт, тот стиль. Это то, что любил и к чему прикасался Пушкин. Оттого и иллюзия присутствия в пушкинской обстановке, в пушкинской атмосфере иная, животрепещущая.

Спасибо Павлу Воиновичу. Спасибо за то, что его причуда, увлеченность обернулись для нас сохранением не просто еще одной пушкинской реликвии, а самой сути и духа любимого поэтом дома.

Рассматривая *домик*, можно представить ту квартиру, в которой он был накануне отъезда в Нижний Новгород, где, как он сообщал жене, Павел Воинович «задал мне прощальный обед со стерлядями и жженкой». Из нее он вышел на улицу, сел в поданную ему исправленную каретниками коляску и «выехал на большую дорогу».

Прежде чем мы последуем за ним, нам надо вернуться назад, в Петербург, и хотя бы бегло проделать другую, тоже очень важную, проложенную им дорогу.

Без нее не было бы и той, что повела из Москвы в Нижний Новгород, а затем через Казань и Симбирск в Оренбург.

Это дорога пушкинского замысла книги о Пугачеве, дорога его поисков и находок в пугачевской теме.

Тема же эта, надо сказать, была по сути запретной, то есть о Пугачеве и пугачевском восстании можно было писать и печатать, но только так: о Пугачеве как о разбойнике, исчадии ада, а о пугачевском восстании как о бунте.

Недаром же, читая и цензурируя пушкинский труд, царь высказался в том смысле, что Пугачев не может иметь истории, и переименовал книгу из «Истории Пугачева» (так озаглавил Пушкин) в «Историю пугачевского бунта».

Ныне, когда проделана огромная работа по изучению этого труда, когда несколькими поколениями читателей накоплен опыт в постижении этой книги Пушкина, стало очевидным: название, данное царем, вовсе не искажало всего смысла книги. Труд Пушкина — это книга не только о Пугачеве, но и о пугачевском бунте, как официально именовалось это восстание народа, об антидворянских, антиправительственных действиях бунтующих народных масс.

Эти *действия*, это движение истории всегда волновало поэта. Стихия народного волеизъявления в драматические моменты истории исследовалась Пушкиным в «Борисе Годунове». Причем уже тогда, работая над первой своей большой драмой, он вывел закон для сочине-

ний, вскрывающих тайны и механизм истории: «Что движет трагедию? Какова цель ее? Судьба человеческая, судьба народная».

Его влекли к себе яркие личности, герои и вершители истории. Но его так же, а с годами все больше привлекали те незаметные в исторических катаклизмах люди, без участия которых тем не менее никакой истории не происходит, которые становились жертвой исторических событий и придавали им особый характер, требующий от неравнодушных потомков внимательного и пристрастного рассмотрения.

Пушкину виделся маленький чиновник, живущий в огромном, воздвигнутом Петром городе, попадающий в роковой водоворот стихий... Он думал о судьбе армейского офицера, которого увлекли события крестьянской войны и даже соединили с ее предводителем...

Еще в январе он записал план такой истории:

«Шванвич за буйство сослан в гарнизон. Степная крепость — подступает Пуг<ачев> — Шв<анвич> передает ему крепость — взятие крепости — Шв<анвич> делается сообщником Пуг<ачева> — Ведет свое отделение в Нижний — Спасает соседа отца своего. — Чика между тем чуть было не повесил ста<рого> Шв<анвича> — Шв<анвич> привозит сына в П<етер>Б<ург>. Ор<лов> выпрашивает его прощение».

Так ли будут развиваться события (в романе, повести) или как-нибудь иначе, он еще с полной определенностью сказать не мог. Но личность Шванвича занимала его все более и более.

Первые сведения о нем Пушкин, как мы знаем, извлек из правительственной «сентенции» 1775 года.

В восьмом пункте этого документа значилось: «Подпоручика Михайла Швановича за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцевым приказам,

Портрет Николая I.
Художник А. Клоддер. Акварель. 1827.

предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, преломя над ним шпагу».

Судьба была неординарной, наказание суровым. Мотивы, которые заставили Швановича примкнуть к Пугачеву, обозначены не были. Пушкин размышлял над ними.

Тогда же или даже ранее, осенью 1832 года, он записал еще один план, в центре которого тот же герой:

«Крестьянск<ий> бунт — помещик пристань держит, сын его — Мятель — кабак — разбойн<ик> вожатый — Шванвич ст<арый> — Молод<ой> чел<овек> едет к соседу, бывш<ему> воеводой — Марья Ал. сосватана за плем<янина> кот<орого> не люб<ит>. — М<олодой> Шв<анвич> встречает разб<ойника> вожат<ого> — вступает к Пугачеву. Он предвод<ительствует> шайкой — Является к Марьи Ал. — спасает семейство, и всех».

Есть еще несколько строк о «последней сцене», но мы прервем здесь цитату из этого плана.

Нам важно понять: пушкинская мысль упорно пробивалась к единственно верному, безупречно сопряженному с логикой и правдой истории варианту повествования о *судьбе человеческой*, попавшей в водоворот *судьбы народной*.

Но многое было еще неясно.

Исследователи творчества Пушкина полагают, что в один из приездов в Москву, а именно осенью 1832 года, он мог познакомить П. В. Нащокина со сведениями о Шванвиче, почерпнутыми из «сентенции» (они были помещены в двадцатом томе «Полного собрания законов Российской империи», подаренном Пушкину Николаем I еще в феврале 1832 года)*. А Нащокин, в свою очередь, рассказал ему историю дворянина Островского, «который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имениа и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить сначала подьячих, потом и других»**.

Так столкнулись, соединились, начали сложную и до сих пор не до конца, не во всех деталях бесспорно прослеженную «жизнь» в творческом сознании

* Подробнее об этом можно прочитать в книге Н. Н. Петруниной «Проза Пушкина» (Л., 1987).

** Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым. Л., 1925. С. 27.

Пушкина герои ральной русской истории — Шванвич и Островский, котрым суждено было войти некоторыми чертами своей судьбы и характера в образы Швабрина и Гринева в «Капитанской дочке» и Дубровского в одноименной незаконченной повести.

Кстати ее незаконченность скорее всего тоже связана с постепенным углублением Пушкина в ту историческую коллизию, которая вынуждала некоторых дворян и офицеров во время восстания 1773—1774 годов примыкать к пугачевцам.

Автопортрет Пушкина. 1826

«Дубровского», как известно, Пушкин начал писать раньше «Капитанской дочки». Но не ранее того, как пугачевская тема стала живо занимать его. Пушкин словно терял интерес к этому отчасти мелодраматическому сюжету — в «Дубровском» — по мере того, как открывались горизонты «судьбы человеческой» и «судьбы народной» в более глубокой, исторически мотивированной связи.

Горизонты открывались постепенно.

Многое открыли документы и книги, изучавшиеся Пушкиным перед путешествием в места восстания. «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, — писал впоследствии Пушкин, отвечая критикам «Истории Пугачева». Кроме печатных им были прочитаны и изучены груды рукописных материалов. Пользоваться этими источниками приходилось с осмотрительностью. Так, в изложении хода военных действий он должен был опираться на противоречивые донесения различных начальников, показания казаков, беглых крестьян.

В библиотеке Пушкина сохранились, например, книги Алексея Левшина «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, Орд и степей» и «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков», обе изданные в Санкт-Петербурге в 1832 году; вторая

имеет на полях карандашные отчеркивания — свидетельство внимания Пушкина к отдельным страницам; труд коллежского советника и императорской Академии наук корреспондента Петра Рычкова «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии». Эта книга вышла в свет еще до пугачевских событий, в 1762 году. Пушкин читал ее также с карандашом в руках, оставив на некоторых страницах пометки.

П. И. Рычков был участником обороны Оренбурга, когда город осадили пугачевцы. Во второй части «Истории Пугачева», в «Приложениях», в разделе «Сказания современников», Пушкин поместил обширную «Летопись Рычкова», посвященную осаде (со своими комментариями). Сведения, почерпнутые из этой «летописи», он использовал при написании своей истории.

Настольной книгой в прямом смысле во время работы для Пушкина стали «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова», написанные его сыном и содержащие не только факты биографии генерала, отправленного Екатериной II против Пугачева, но и ценнейшие сведения о начале кампании правительственных войск. Эту книгу, изданную в 1817 году, Пушкин читал с особенным вниманием. Она имеет немало его пометок (и мы к ним в ряде случаев еще обратимся).

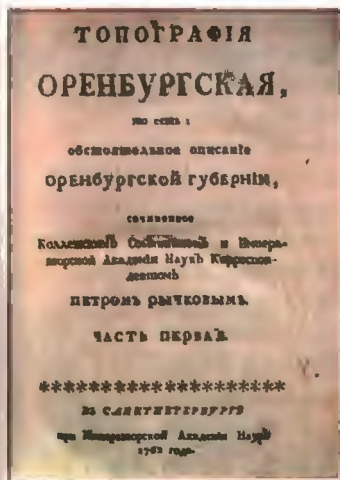
Для того чтобы иметь доступ к пугачевским материалам, скрытым в архивах, Пушкин даже прибегнул к «военной хитрости».

В феврале 1833 года он обратился к военному министру А. И. Чернышову с просьбой просмотреть документы, находящиеся в архивах Главного штаба и относящиеся к... Суворову. Министр выразил согласие. Тогда Пушкин в письме от 9 февраля конкретно обозначил бумаги, интересующие его в первую очередь: 1) следственное дело о Пугачеве; 2) донесения Суворова во время кампании 1794 года; 3) донесения его 1799 года; 4) приказы его по войскам.

Министр просьбу удовлетворил. Пушкин тут же поблагодарил, и в выражениях, подчеркнуто изысканных: «Приношу Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность <...> Почитаю обязанностью в точности исполнить приказания Вашего сиятельства (т. е. вернуть документы после работы с ними в целостности и сохранности.— И. С.) и препоручаю себя и впредь высокой Вашей

благосклонности. С душевным почтением и совершенной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейший слуга...»

Никакой истории Суворова Пушкин писать не собирался. Суворов нужен был как ключ, который помог бы открыть доступ к архивным источникам о Пугачеве.

Титульный лист книги
«Топография Оренбургская»

Портрет А. И. Бибикова.
Гравюра

Военный министр в отличие от Пушкина, наверное, не слишком отчетливо представлял степень участия прославленного полководца в пугачевских событиях. Суворов же, как известно, был вызван Екатериной из-под Силистрии (турецкой крепости, которую он осаждал) лишь на заключительном этапе пугачевской эпопеи.

«Государственная коллегия», отмечает в последней главе «Истории Пугачева» Пушкин, вызывала Суворова, но «граф Румянцев не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства».

«Такова была слава Суворова!» — добавляет Пушкин.

Военного министра нетрудно было убедить, что задуман труд именно о Суворове. Но в бумагах,

присланных из ведомства Чернышова, естественно, не оказалось большинства интересующих Пушкина документов. Ему нужны были «донесения» не 1799, а 1774 года!

Однако первый шаг в отношениях с Чернышовым был сделан. Пушкин смело делает второй. В начале марта он пишет министру еще раз, вновь прибегая к «реверансам», которых можно было бы избежать в иной, не столь «тонкой» ситуации: «Принося Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность, осмеливаюсь беспокоить Вас еще одною просьбою; благосклонность и просвещенная снисходительность Вашего сиятельства совсем избаловали меня».

После чего прямо, без обиняков излагает суть дела, а оно касается *Пугачева*.

«В бумагах, касательно Пугачева, — разъясняет Пушкин, — полученных мною пред сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерала-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в военную коллегию, так же как и рапортов князя Голицына, Михельсона и самого Суворова — тут не находится. Если угодно будет Вашему сиятельству оные донесения и рапорты (с января 1774 по конец того же года) приказать мне доставить, то почту сие за истинное благодеяние».

Тут можно, даже необходимо подчеркнуть то упорство, с каким Пушкин пробивается к интересующим его документам; с какой настойчивостью стремится получить *все* относящееся к его герою; с какой осторожностью, осмотрительностью ведет переписку с правительственными чиновниками, не раскрывая перед ними до времени истинной цели своего интереса к этой эпохе. Он не без основания опасается, что, узнав об этой цели, они смогут закрыть доступ к архивным материалам.

Впрочем, всех архивов Пушкину все равно не открыли. Ему оказался недоступен один из самых главных — с протоколами допросов самого Пугачева. Шестидесять лет спустя после этих допросов они являлись строгой государственной тайной.

Но многое Пушкин получил и в очень короткий срок, менее чем за два месяца, написал первый вариант «Истории Пугачева» — к 22 мая 1833 года.

Любопытно, Гоголь, встречавшийся в то время с Пушкиным, сообщал в Москву историку М. П. Погодину: «Пушкин уже почти кончил *Историю Пугачева*. Это

будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман!»*

Очевидно, Пушкин разговаривал с Гоголем о своих занятиях пугачевской темой. Гоголь сразу уловил два возможных варианта «обработки» этой темы — исторический, научный, и романический.

В творческом сознании Пушкина они стали «жить» одновременно, обогащая друг друга, дополняя, а подчас и оспаривая. В итоге, как мы знаем, из-под пера Пушкина вышло два самостоятельных, но теснейшим образом связанных друг с другом произведения — научный труд «История Пугачева» и роман «Капитанская дочка». Сюжет романа оказался подчинен строгой логике исторических закономерностей, а научный труд сверкал по-пушкински точными и красочными характеристиками, хотя, естественно, труд выдержан в строгой системе научного, логического мышления, а роман пронизан образностью, поэзией. Такой чуткий читатель, как Марина Цветаева, различала два разных образа в центральной фигуре: «Пугачева «Капитанской дочки» писал поэт, Пугачева «Истории пугачевского бунта» — прозаик. Потому и не получился один Пугачев. Как Пугачевым «Капитанской дочки» нельзя не зачароваться — так от Пугачева пугачевского бунта нельзя не отвратиться»**.

Но все это будет потом, когда и научный труд, и роман будут закончены. А пока — весной 1833 года — Пушкин находился в самом начале грандиозной работы. По мере того как он погружался в документальный материал, по мере того как возникали все новые и новые варианты в судьбе дворянина, волею случая сблившегося с Пугачевым, становилось ясно: необходимо отправиться в те места, о которых рассказывали в своих воспоминаниях очевидцы, упоминали военные реляции.

Еще в феврале Пушкин пишет Нащокину, что летом съездит в «Нижний да, может быть, в Астрахань». Маршрут обозначен в самом общем плане. Однако понятно: он хочет проложить этот маршрут по местам пугачевских событий. В этом же письме он признается: «Путешествие нужно мне нравственно и физически».

* Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1940. С. 269.

** Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967. С. 141—142.

Для себя он твердо решает вопрос о поездке. Однако ее осуществление было сопряжено с немалыми трудностями. Надо добиться разрешения у властей. Второй раз Пушкин прибегает к «фигуре умолчания», не рассекречивая перед «высокими инстанциями» истинной цели планируемого путешествия.

Во второй половине июля он набрасывает по-французски письмо А. Х. Бенкендорфу, у которого должен был испрашивать разрешения на поездки и который строго следил за тем, чтобы поднадзорный поэт без его согласия никуда не отлучался.

Пушкин пишет:

«Генерал,

Обстоятельства принуждают меня вскоре уехать на 2—3 месяца в мое нижегородское имение— мне хотелось бы воспользоваться этим и съездить в Оренбург и Казань, которых я еще не видел. Прошу его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний».

На этом черновик письма прерывается. Как Пушкин мотивировал необходимость знакомства с архивами этих городов, мы не знаем. Но знаем, что ответил не Бенкендорф, который в это время отсутствовал, а А. Н. Мордвинов, управляющий III отделением императорской канцелярии. Мордвинов проявил служебную бдительность и поинтересовался причиной столь неожиданной в глазах начальства поездки и «занятий» в архивах. Пушкин тотчас ответил. Черновик ответа сохранился. Это вторая черновая редакция—Пушкин взвешивал каждое слово: от Мордвина зависела судьба поездки.

Вот этот черновик:

«Милостивый государь
Александр Николаевич,

Спешу ответить со всею искренностью на вопросы Вашего превосходительства.

В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной*. Мне необходимо

* Пушкин не считает нужным упомянуть в письме этому чиновнику, что за два года им написаны и даже напечатаны такие «чисто литературные» произведения, как: «Клеветникам России», «Бородинская

Портрет А. Х. Бенкендорфа.
Художник П. Ф. Соколов. Акварель. 1835

месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? они одни доставляют мне независимость и способ проживать с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государя, имеют цель более важную и полезную.

Кроме жалования, определенного мне щедростию его величества*, нет у меня постоянного дохода; годовщина», «Фхо», «Сказка о царе Салтане», кроме того, немало стихотворений. Впрочем, денег они Пушкину не «доставляли», и тут он действительно не лукавит.

* Имеется в виду жалование по зачислении в Иностранную коллегию, когда царь разрешил поэту «заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках» в связи с темой Петра I.

между тем жизнь в столице дорогá и с умножением моего семейства умножаются и расходы.

Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревнѣ: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

30 июля

Черная речка».

Роман в это время действительно приостановлен. Но это не тот роман, о котором Пушкин упоминает в письме. Приостановлена работа над «Дубровским», действие которого не имеет никакого отношения ни к Казани, ни к Оренбургу. «Капитанская дочка» существует в это время лишь в набросках планов. Ее сюжет, выражаясь крылатыми пушкинскими словами — «дадь свободного романа», различается сквозь «магический кристалл» еще весьма «неясно».

Нони управляющему III отделением, ни шефу жандармов, ни самому царю не положено пока знать об истинных намерениях поэта. Он до поры до времени делает все возможное, чтобы замысел не раскрылся, чтобы никто не разрушил его.

Мордвинов доложил о просьбе Пушкина царю. Царь удовлетворился разъяснением причин испрашиваемого отпуска Пушкин получил не только свободу передвижения, но и свободу действий: его поездка санкционировалась официально, он мог рассчитывать на то, что и в Казани, и в Оренбурге ему будут доступны *закрытые* хранилища губернских архивов. Пушкин же предполагал, что в этих архивах сможет выявить дополнительные материалы.

Мещать он не стал. Устроив на даче на Черной речке семейство, 17 августа утром он выехал из Петербурга, 25-го в полдень прибыл в Москву, провел в ней четыре дня и во вторник 29 августа, к вечеру, после прощального обеда у Павла Воиновича Нащокина, выехал в Нижний Новгород.

Пушкин покидал Москву в хорошем настроении. Он находился под впечатлением последнего застолья у Павла Воиновича, возвращался в мыслях к разговорам и с ним, и с другими оставшимися в Москве друзьями, приятелями, знакомыми.

О том, что мог видеть Пушкин из окна своей

Финляндская река в том месте, где на одной из дач
Мини-терры жил с семьей Пушкин

коляски при выезде, написал он сам в седьмой главе романа «Евгений Онегин»:

*Возок несется чрез ухабы,
Мелькают мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

Только учтем три момента. Во-первых, весь этот «калейдоскоп» надо повернуть в обратном порядке; Татьяна, чьи впечатления переданы в этой строфе, въезжала в Москву, а Пушкин выезжал. Саней в конце августа он, конечно, не видел. И наконец, пересекал Москву из

центра в другом направлении: Татьяна по Тверской, а он скорее всего по Чистым прудам, через Москва-реку и далее на Владимирский тракт.

День клонился к вечеру, погода стояла чудесная. Голубым меркнувшим сводом сияло небо. Дорога была гладкой, накатанной — ничто не мешало сосредоточиться на своих мыслях. Пушкин постепенно отходил от московских впечатлений, думал о том, что ждет его в путешествии, вглядывался в проплывающие мимо пейзажи.

Он вспоминал эту дорогу.

Три года назад ему уже приходилось проезжать здесь. Та первая поездка в сторону Владимира, а затем Мурома никогда не изгладится из памяти. Тогда он ехал в Болдино, родовое имение отца, вступать во владение выделенной ему отцом деревенькой Кистенево с двумястами душ крестьян, которые составляли главную часть того предсвадебного подарка, который делал не слишком богатый и щедрый его отец. То путешествие в нижегородские края было связано с предстоящей женильбой, с хлопотами по устройству собственного дома, с семейным счастьем... Он собирался побыстрее закончить все формальности по вводу во владение, закладке имения (нуждался в наличных) и вернуться к невесте в Москву, но из-за холеры застрял в деревне на три долгих месяца. Теперь об этом можно было вспоминать спокойно, а тогда он не находил себе места, пытался прорваться сквозь холерные карантинные, нервничал, ждал известий из Москвы и, как ни удивительно, писал. Впрочем, что же удивительного? Осень всегда была его любимым временем года. Но он был заперт, томился в неизвестности (все, что угодно, могло случиться с Натали в холерной Москве!), стремился к невесте... Однако все в ту памятную ему осень сложилось так, что ушел с головой в работу. Даже сейчас, спустя три года, удивлялся сам себе — сколько же он писал!

Что-то напишется в эту осень?

Тогда в Болдине его заперли обстоятельства. Теперь после путешествия он намеревался заехать в Болдино и остаться там по своей воле — по крайней мере на срок, который потребуется для завершения окончательной отделки *Пугачева*. Это надо сделать непременно. Как там сложатся обстоятельства по возвращении в Петербург, неизвестно. А этот труд надо завершить как можно скорее.

Ничто не должно отвечь. Слишком большие надежды на него возложены. А в деревне — он в этом уверен — никто не станет отвлекать.

Была еще одна, тайная мысль: он *хотел* посетить Болдино.

В нем так хорошо работалось в ту сумасшедшую осень тридцатого года. Пушкин хотел вновь ощутить-

За Москвой рядом с дорогой шелестят березы,
млеют поля

ся в старом барском доме, зажечь вечером свечи, воскресить то состояние, какое переживал здесь, мечтая о невесте и покрывая своим стремительным почерком белые, рассыпающиеся до столу листы. Хотел вновь скакать верхом по подмороженной утром дороге. Хотел вновь, пусть ненадолго, окунуться в ту атмосферу, которая предшествовала ныне обретенному им семейному счастью.

Как пойдет в Болдине работа, накатит ли на него «дурь» (как он изволил называть вдохновение), он еще не знал. Несколько сюжетов тревожили его воображение, давно собирался засесть за них... Но *Пугачева* он завершит непременно. Тут и вдохновение не самый главный помощник. Основное уже сделано, остальное должно дать путешествие. А книги и выписки из документов, необходимые для работы, взяты с собой. Они в сундуке, накрепко привязанном сзади к коляске.

В Москве пришлось перепаковать этот цен-

Богдино.
Акварель неизвестного художника. 1878

ный груз. «Книги, взятые мною в дорогу,—с досадой писал он жене из Москвы,—перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня...»

Но там, от Петербурга до Новгорода и в особенности от Торжка до Яропольца и затем до матушки-Москвы, дорога вытрясла из него душу. Здесь по крайней мере поначалу она не терзала. Коляска катилась спокойно. При желании можно было бы даже читать. Но Пушкин не читал и ничего пока не заносил в дорожную книжку.

В деревне Новой и маленьком уездном городишке Богородске он поменял лошадей. На западе над лесом пурпурно высвечивались облака. Восток темнел холодным ультрамарином. В Богородске лошадей меняли долго. Пушкин вышел на окраину. За почтовым двором сразу начиналось поле. Вдыхал острый вечерний запах

трав. Слушал, как плыли над окрестностью звуки благо-веста — высокая колокольня темным силуэтом вставала в закатном небе...

Омрачил настроение и даже взбесил Пушкина его слуга Гаврила.

Он и до Москвы был несносен. Худо исполнял свои обязанности, врал, поворовывал провизию из погребца. Appetит у этого тощего, невзрачного на вид малого был удивительный; казалось, его не кормили всю предыдущую жизнь. А тут еще на первой станции, когда долго не давали лошадей, он, пьяный, полез объясняться со зрителем. Пушкин прикрикнул на Гаврилу, тот обиделся и потом, когда выехали, сидя на козлах, все оборачивался к Пушкину и громко изливал свои обиды. Он мешал ямщику править лошадьми. Мешал Пушкину думать о своем.

Пушкин велел ямщику остановиться. Гавриле — слезть с козел. Тот послушно слез, но, когда понял в чем дело, зашелся в истерике.

Коляска укатила. Гаврила остался на большой дороге. Пушкин еще долго слышал его вопли, но они на него не подействовали. Нахала и пьяницу надо было проучить, а до следующей станции оставалось всего верст пять. А вась протрезвеет на вечерней прохладе.

Но пьяным везет. Не успели подъехать к почтовому двору, как вскоре явился Гаврила — его подвез попутный экипаж.

Он на самом деле протрезвел, а весь следующий день был молчалив и отменно исполнитель.

К следующей почтовой станции, в Плотаве, Пушкин подъезжал уже в темноте. Вряд ли он поехал бы дальше, да и с лошадьми опять была задержка. «Дорога хорошая, — кратко известил он об этом жену, — но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов...» А в Плотаве путникам предоставляли сносный ночлег.

Пушкину эта станция была памятна еще по прошлой поездке. Здесь он останавливался, возвращаясь из Болдина в начале декабря 1830 года. Здесь писал *post scriptum* к «Моей родословной». Стихотворение тогда наделало шума в обеих столицах. Дело дошло до царя. Тот передал Пушкину через Бенкендорфа: в стихах, мол, «много остроумия, но более всего желчи. Для чести его

пера и особенно его ума будет лучше, если он не станет распространять их» *.

Что же, Пушкин мог прислушаться к монаршему совету — стихи уже независимо от автора «распространились» в обществе, надавав пощечин новой знати, которая делала карьеру лакейством, угодничеством, а порой и прямым предательством.

Эта небольшая деревенька Платова, на полпути между Москвою и Владимиром, теперь для него навсегда «озвучена» теми хлесткими стихами.

На следующий день опять замелькали верстовые столбы. Одна за другой оставались позади деревни и городки с погостами, церквами, избами, деревянными домиками обывателей — Киржач, Покров, Петушки, неожиданное здесь, не так еще далеко от Москвы во Владимирской губернии, Болдино.

Еще тогда, в первую поездку, приглядываясь к тому, что проносилось за окном коляски, Пушкин отметил большую по сравнению с новгородскими и псковскими краями опрятность, нарядность и видимую глазом зажиточность здешних мест. Избы радовали глаз тесовыми крышами, затейливой резьбой наличников, кокошников, полотенец.

У Пушкина в библиотеке хранилась книга «Барон Мейерберг и путешествие его по России», переведенная с немецкого и напечатанная в Санкт-Петербурге в 1827 году. Оный барон был приметливый путешественник. В своей книге он поместил даже рисунки, изображающие русскую деревню XVII столетия. Вспоминая их, Пушкин должен был признать, что ничто не было так похоже на ту двухсотлетней давности деревню, как русская деревня 1833 года.

«Изда, мельница, забор — даже эта елка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства...» **

Во Владимире Пушкин не задерживался. Пе-

* Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1974. С. 596.

** Взято из статьи Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург», начатой в Болдино 2 декабря 1833 года.

Речка протекает рядом с речкой Большой Киржач

реправившись через Клязьму, он велел остановить лошадей, вылез из коляски. Высоко на горе, над светлой, согретой солнцем зеленью деревьев, сверкал золотой каплей купол Успенского собора. Он, словно маяк, бросал свой луч сверху в заклыминские дали, указывая путь в муромские леса.

Места, овеванные историей, легендами, когда-то опасные, с лихими разбойничками, подстерегавшими путника где-нибудь в лесной чащобе, через которую пролегла «дороженька прямоезжая».

Ныне «разбойнички» повывелись. Что бы там ни болтали досужие люди, а царь наш молодец — при нем полиция от службы не бегаёт; надзор над всей Россией учреждён образцовый. Можно путешествовать без боязни. Дорожные пистолеты тоже, конечно, не помешают. Как говорится, на царя надейся, а сам не плошай...

На подъезде к Мурому Пушкин вспомнил забавную книжку Александра Фомича Вельтмана, которого как литератора уважал. «Муромские леса» — так называлась эта книжка. Вельтман подарил ее Пушкину и сделал на ней надпись: «Первому Поэту России от сочинителя»*.

Вельтман почему-то назвал ее «повестью в стихах», хотя это была самая что ни на есть романтическая, «разбойничья» драма. Как произведение подобного рода, она была абсолютно чужда Пушкину. Но сейчас, в высоком густом лесу, едва ли не на месте ее действия, вспоминалось ее начало:

* А. Ф. Вельтман — прозаик, поэт, автор переиздававшихся уже не раз в советское время «Приключений, почерпнутых из моря житейского». «Муромские леса» напечатаны в 1831 году.

Владимир.
Художник П. П. Свищев. Тушь. 1821

*Вечернее солнце за муромским лесом
Сгорело. Летят, как огонь, облака.
С полуночи ветер, и шумно Ока
Несется под мрачным сосновым навесом.*

Тут почтенный Александр Фомич точен — все списано с натуры. Шумит столетний лес на подъезде к Мурому. Славно шумит. Совсем бы неплохо повстречать здесь разбойничков. Но разбойники, похоже, остались лишь на страницах литературных сочинений*.

* К 1833 году относятся стихи Пушкина:

*В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил-был дьяк с своей дьячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.*

Пушкин вспоминал своего «Дубровского».

От него надо было уходить. Для русской жизни важнее не эти сюжеты с разбойниками. В литературу надо вводить других героев и другие *мятежи*. Благородные предводители разбойничьих шаек пусть остаются романтикам...

От Мурома одна дорога шла на Ардатов,

Перехват Кляльму и обернувшись, путник видит над кронами деревьев золотые купола Успенского и Дмитриевского соборов Владимира

Лукоянов и дальше к Болдину, другая — на Нижний Новгород. В Муроме опять долго ждали лошадей.

Городничиха и ее тетушка, рассчитывая на неиссякающее пушкинское рыцарство, предложили совместную прогулку по городу. Отказать им в этом значило бы разрушить представление о великодушном попутчике. Пушкин оставил коляску попечительству Гаврилы и отправился сопровождать дам.

Гостиный двор он осмотрел со вниманием — ему на самом деле был любопытен выбор товаров в этом маленьком, но оживленном городке. От посещения церквей отказался. Его же спутницы оказались примерными богомолками: они знали, к каким иконам в какой церкви надо непременно приложиться. Пушкин оставил их в этом похвальном занятии, пообещав прислать Гаврилу, если лошадей подадут до их возвращения.

Но беспокоить слугу не пришлось. Похоже было, что по всей дороге от Москвы до Нижнего лошадей не хватало. Подходила к завершению Нижегородская ярмарка, езда по тракту оживилась необыкновенно.

В Муроме задержала его и переправа. Однако на это Пушкин не сетовал. Переправы, особенно через большие реки, настраивали на особенный лад. Ямщики не спеша загоняли лошадей с экипажами на помост. Паромщик следил, чтобы не было перегрузки да чтобы хорошенько закрепили колеса да не спускали глаз с лошадей. Все вылезали из своих колясок, кибиток, телег. Паромщик покрикивал на гребцов, люди смешивались у перил, и тут можно было послушаться всякого разговору. Час времени уйдет, а то и больше — чего только не узнаешь, стоя на пароме среди толпы!

Но вот паром пристает к берегу, перекидывают сходни. Держа под уздцы лошадей, осторожно сводят их по доскам, всяк рассаживается в свой экипаж, пеший люд еще раньше уходит восвояси, и нет уже тесного паромного сообщества — у каждого свой маршрут, своя дорога, каждый уносит с собой свои заботы и радости, которыми, если случится добрый собеседник, поделится попутчик во время неспешного скольжения парома по речной глади.

Ока, возможно, как никакая другая река Средней России, склоняет к такому общению. Ока-кормилица, как зовут ее в народе. Бег ее нетороплив, воды прозрачны, красиво отражают в себе облака, маковки церквей и шпили колоколен левого высокого берега. А правый берег низок, песчанен, так и зовет пробежаться босыми ногами! Вон ребятишки — гоняются в свое удовольствие по рассыпчатому песочку...

Проезжал Пушкин почтовые станции в селах Монаково, Озябликово, Ярымово. Менял лошадей. В Павловском не задерживался — там станции не было.

*Портрет А. Ф. Вельмана.
Травюра неизвестного художника. 1841*

А Павловское — славное село. Едешь по его улице, как по кузнечной слободе: стук молотков из открытых ворот кузен, дымки над ними, мужики в кожаных прожженных фартуках возле своих домов.

В Павловском дорога вновь сближается с Окой. Тут поневоле задержишься, помедлишь, залюбуешься просторными видами.

*Панорама Мурама (на переднем плане рыбаки).
Итография А. Диранда. 1839*

В Ворсме — привычная уже задержка из-за лошадей. Пушкин не стал томиться на станции, пошел вперед сначала по улице, потом по деревянному мосту через речку Кишму к озеру.

Озеро Ворсинское поражало своей тишиной и прозрачностью. Смогришь в воду с берега: видишь дно — не видишь воды. Но вот потянул ветерок, озерная гладь наморщилась, обозначила границу воды, чуть пригуманила донный песок.

По прогибающимся мосткам, укрепленным на сваях, Пушкин прошел с берега на остров, к монастырю. С мостков было видно, как в воде ходит рыба.

Чудесное место облюбовали монахи.

На острове вокруг монастыря луг; за островом, на другой стороне озера, тоже зеленый луг. За лугом — лес. В вечернем небе он встает зубчатой темной

стеной, загораживая от недоброго взгляда это благодатное место.

Ворота монастыря были открыты. Монашек просеменил по двору, быстро глянув на вошедшего. В окне братского корпуса, невысоко над землей, огонек — кто-то приступил к вечернему бдению.

Память подсказывала давние строки:

*Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безмянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...*

Так все это на Руси и происходит: теплятся в кельях лампы, склоняются над правдивыми сказаньями книжники и мудрецы. Ничто не может остановить, замедлить их подвижническую работу. Ни мор, ни глад, ни разоренье. Ни наветы недругов, ни немилость царей. Цари сами, и чаще всего того не ведая, находятся во власти этих правдолюбцев.

Как говорил Пимен, летописец из Чудова монастыря,

*Да ведают потомки православных
Земли родной минушую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья,
Спасителя смиренно умоляют.*

Ворсма — вотчина графа Шереметева. Их род выдвинулся при Петре Первом. Ныне Шереметевы не те. Владелец села отдает на откуп ломку каменной плиты, годной «на выжигу извести». О том сообщали читателям «Московские ведомости» 21 августа 1833 года. А в Богородске, предпоследнем большом селе перед Нижним Новгородом, владелец поощрял кожевенное производство, коим с успехом занимались его крестьяне. Вообще, чем ближе к Нижнему, тем очевиднее становилось, что это край торговый, промышленный и предприимчивый.

«Село Павловское можно назвать селением вулканическим. Взойди во всякий дом, и ты везде увидишь наковальни, молотки, пилы, терпуги, сверлы, шила, и тому подобное. Всякого возраста крестьяне трудятся здесь над работою ножей, вилок, пистолетов, замков и тому подобного — и таким образом снабжая нас оружием для защищения себя от явных и потаенных врагов,

А вот и шлагбаум на въезде в пределы Нижнего Новгорода. Шлагбаум поднят по случаю обилия проезжающих. Усатый инвалид важно отдает честь. Краска на его полосатой будке пооблупилась. Рядом такая же облупленная деревянная пирамида с двумя губернскими гербами. На столбе мышиного цвета дощечка с надписью: «Граница Нижегородского уезда».

Слева остался монастырь. За невысокой оградой видны были его постройки и высокий собор в лесах. Дорога пошла вдоль канатных заводов: сплошными рядами тянулись рубленные сараи, а за ними, прямо в поле, стояли деревянные козлы с намотанными на них бечевой разной толщины, смолеными судовыми канатами.

Слева от дороги за негустыми деревьями располагались ямские слободы.

Впереди, на горе, красовались башни кремля. Ямщик правил прямо на них.

Коляска пересекла овраг, проехала по дамбе, проложенной через пруды, и наконец Московский тракт слился с широкой городской улицей, на которой стояли деревянные и каменные дома.

Ямской двор и почтовая станция находились на главной городской площади, напротив стены кремля, рядом с огромным Благовещенским собором и небольшой церковью Алексея Митрополита, сплошь обстроенной крытыми лавками и амбарчиками. Церковь это не украшало; купеческие разномастные, обшарпанные строения лепились понизу, закрывая резной цоколь, и бедная церковь производила впечатление нарядной барыни, у которой испачкался в грязи низ пышного платья.

Торговля эта, ясное дело, шла с разрешения церковных властей и не без отчислений в их пользу.

Площадь, наполовину мощенная, кишела народом. Подъезжали и отъезжали экипажи. Пушкин, не задерживаясь, отправился в гостиницу, которая располагалась тут же, напротив Георгиевской башни кремля. Это были номера А. Г. Деулина — лучшее, чем располагал славный приволжский город.

... доставляют и способ кушать рябчиков и фазанов способнейшим образом с приличными Европейцам чистотою, а не так, как дикие Американцы, подобно зверям, рвут съестную добычу свою когтями».

Из книги «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году Максима Невзорова». 1803. Экземпляр находился в библиотеке Пушкина

Руины монастыря. Вдали за озером Воронеж

Заняв комнаты с видом на кремль, Пушкин наскоро позавтракал и велел Гавриле разузнать о бани — после тряски, пыли, ночевок на почтовых станциях, четырехсот сорока верст, которые одолевались полных четыре дня, вожделенной бани ничего не было на свете.

После бани Пушкин нанес визит нижегородскому губернатору.

Военный и гражданский губернатор Нижнего Новгорода Михаил Петрович Бутурлин принял Пушкина ласково. Усадил на сафьянном диване, сам сел рядом и, глядя в глаза собеседника долгим, теплым взглядом, расспрашивал о дороге, о Москве, о Петербурге, о делах, приведших Александра Сергеевича в Нижегородскую губернию. Одобрил его намерение возможно полнее ознакомиться с материалами о пугачевском бунте и посетить для этой цели Казань, Симбирск и Оренбург. Возможно, он

дал распоряжение кому-нибудь из чиновников проводить гостя в Губернский архив, в котором тот мог обнаружить полезные для его занятий бумаги. После пожара, случившегося за три года до нашествия Наполеона, архив переведен был в Дмитровскую башню кремля.

Пушкин мог воспользоваться губернаторским разрешением и в таком случае познакомился с донесени-

Они и сейчас благодатны, луга вокруг монастыря

Схема маршрута от Мурома до Нижнего Новгорода:

- 1 — Муром, 2 — Манаково, 3 — Озлябликово,
- 4 — Ярмово, 5 — Алешково, 6 — Доскино,
- 7 — Нижний Новгород

ями чиновников, распоряжениями по губернии, приказами высшего начальства, относящимися к пугачевской эпохе.

Так это было или нет, мы доподлинно не знаем. Но мы знаем, что губернатор был в высшей степени предупредителен к поэту. А это не могло не озадачить Пушкина. Отчего такая предупредительность? Может быть, губернатор истинно сочувствует предприятию, затянному Пушкиным? А это в свою очередь усилено его уважением к поэтическому таланту гостя? Именно так изволила выразиться супруга губернатора, с которой познакомился Пушкин; а сам губернатор выказал недурное знание отечественной словесности.

Он был весьма образован, Михаил Петрович Бутурлин. Однако в процессе беседы, едва ли не по-домашнему, на покойном, обитом великолепным сафьяном диване Пушкин укреплялся в мысли, что тут что-то не

так, что сверх провинциального радушия и гостеприимства существует еще *нечто*, определяющее степень этого радушия и гостеприимства.

Забегая вперед, скажем: Пушкин не ошибся. Чутье его не подвело. Губернатор принял поэта за важного чиновника, путешествующего инкогнито и имеющего *полномочия*. Сюжет этот нашел продолжение в Оренбурге.

Нижний Новгород.

Раскрашенная литография по рисунку П. П. Свижина.
1826

А тогда, в Нижнем, Пушкин только строил догадки, впрочем не возражая против дружеского обождения со стороны Михаила Петровича Бутурлина, и с благодарностью принял его приглашение назавтра отобедать вместе с ним и его супругой.

Забегая еще далее «вперед», можно извлечь из бумаг Александра Сергеевича любопытный план повести, получивший в его Собрании сочинений название «Криспин приезжает в губернию», составленный как раз вскоре после того путешествия.

Нижний Новгород — каким увидел его господин Леконт Де Лаво, автор книги «Описание Нижнего-Новгорода и ежегодной бывающей в нем ярмарки». «Сие описание составлено на самом месте в 1827 году», — сказано в примечании.

«Все плоскости лежат одна над другою и не представляют приятного вида в даль, деревянные же ограды образуют вертикальные линии, которые еще более делают приметную крутизну откосов. Чтобы поселиться на неприступной отлогости сей гора, человек должен был сражаться на каждом шагу с природою...»

«Криспин приезжает в губернию на ярманку — его принимают за... Губернатор честный дурак. — Губернаторша с ним кокетничает — Криспин сватается за дочь».

Похоже, что именно этот сюжет Пушкин «отдал» Гоголю для «Ревизора» *.

Модель, как говорится, налицо. Хотя, конечно, Бутурлин не был дураком, и Пушкин за его дочь не сватался. Что же касается ярмарки — это деталь живая. На ярмарку Пушкин отправился в тот же день. Скорее всего ближе к вечеру, после посещения Дмитровской башни.

В первом нижегородском письме Наталье Николаевне, от 2 сентября, он спешит сообщить, что съездил в баню, что в городе «улицы широкие и хорошо мощенные, дома построены основательно» (эту фразу он написал по-французски) и что едет «на ярманку: которая свои последние штуки показывает». А во втором письме, в тот же день, с сожалением пишет: «Ярманка кончилась — я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разезда, когда карета Гончаровых уже уехала».

Очень неожиданное сравнение. Но оно — следствие усиливающейся у Пушкина тоски по жене. Письмо позволяет нам краешком глаза коснуться самых заветных, самых задушевных его чувствований.

Пушкин уже более трех лет как женат. Все это время уже нет Натали Гончаровой, а есть Натали Пушкина, и лакей после бала выкликает к подъезду не «карету Гончаровых», а «карету Пушкиных». Но Пушкину сладостно вспомнить именно то время, когда в Москве он впервые увидел Наташу Гончарову, когда посещал те балы, на которых танцевала она, и при разезде, у крыльца,

«Народонаселение в Нижнем простирается до 17857 душ, из коих 10573 муж. пола и 7278 женск. пола. В сем населении считается дворян 392 муж. пола и 436 женск. пола. Духовенства 206 чел. муж. пола и 218 женск. и 814 семинаристов. Купеческого сословия считается: 685 муж. пола и 599 женск. Мецдан считается 2731 муж. пола и 2630 женск. пола. Крестьян 969 холбоначев 17 муж. и 17 женск. пола. Волыных 1591 муж. и 590 женск. пола...»

* Косвенным тому подтверждением является письмо Гоголя Пушкину от 7 октября 1835 года: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию».

с замиранием сердца слушал, как выкликают карету Гончаровых, а потом следил, как садится в нее его идеал, его мадонна...

Так естественно, что после этого воспоминания и выплеснувшегося вместе с ним сравнения он добавляет: «Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку (о них, об этих нескладных спутницах, только что шла речь

Георгиевская башня нижегородского кремля

Вид на кремль с Почаинской улицы

в письме.— И. С.)— я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало». И заканчивает письмо на пределе нежности, переходя на классический язык любви — итальянский: «Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro...» *

Мы замираем, читая эти строчки. Они не предназначались для нас. Но время вынесло свой приговор и выдало потомкам разрешение. В письмах Пушкина жене мы не только слышим признания, касающиеся их двоих и никого больше на свете,— мы черпаем нежность и отвагу самим быть нежными.

Есть пушкинские стихи «Я помню чудное мгновенье», «Я вас люблю, хоть я бешусь...», «Призна-

* Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное мое кровиночке, когда же я тебя опять увижу?..

ние», «Для берегов отчизны дальней...». Они тоже не предназначались для печати. Но теперь это наш катехизис чувств. Так и с пушкинскими письмами. Они давно уже переступили границы принадлежности двум существам, стали достоянием национальным.

Но их интимность никуда не делась. Все, что касалось их двоих, Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных, сохранилось. Для нас эти письма — драгоценный источник, помогающий увидеть и услышать Пушкина в конкретных ситуациях жизни — среди друзей, в общении с малосимпатичными людьми, дома, «среди пышных и парадных зал», в дороге...

С той дороги, которая вводила его все дальше и дальше на восток и юго-восток, тоже доносится до нас голос Пушкина. Он разговаривает с женой — но он разговаривает и с нами. Он словно знает, что мы тоже отнесемся к нему с сочувствием, пониманием и сердечной приязнью.

«Что у нас за погода! — восклицал он в первом нижегородском письме. — Дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у вас?»

В такую прекрасную погоду он совершил прогулку на Нижегородскую ярмарку, а потом гулял по городу и знакомился с его достопримечательностями.

Ярмарка, как мы уже знаем, закончилась. Но Пушкин не без интереса посетил ее территорию. А это была именно территория — большая площадь на низменном мысу при впадении Оки в Волгу.

Туда от гостиницы или от губернаторского дома * дорога шла через кремль по Ивановскому спуску. Можно было идти и по Зеленскому спуску — на нижний базар и дальше по плашкоутному мосту в Купавинскую слободу, где размещалась выставка, но Пушкин дважды в тот день ступал на булыжную мостовую Ивановского спуска, где в 1611 году «нижегородский мещанин» Кузьма Захарьич Минин обратился к горожанам с призывом создать ополчение и идти на помощь Москве. Отсюда, с Ивановского спуска, выступили нижегородцы под водительством Минина и Пожарского.

* Дом губернатора не сохранился. Он стоял напротив бывшего Дворянского собрания на Большой Покровке (ныне ул. Свердлова), где в настоящее время размещается здание областного суда.

Наверняка Пушкин подходил к памятнику Минину и Пожарскому — высокому обелиску из розового гранита. Он был сооружен всего за семь лет до приезда Пушкина в Нижний Новгород. По бокам обелиска, с двух сторон, были укреплены бронзовые горельефы героев с надписями: «Гражданину Минину благодарное потомство. 1826 г.», «Князю Пожарскому благодарное потомство.

Нижний Новгород. Дом Дворянского собрания

1826 г.». Автор обелиска был архитектор А. И. Мельников, а горельефов — И. П. Мартос. Почти на десять лет растянулось сооружение этого обелиска; нижегородцы давно хотели установить в своем городе памятник в честь национальных героев, но предназначенную для этого скульптуру И. П. Мартоса забрали в Москву и установили на Красной площади. Вот и пришлось ждать еще несколько лет.

На центральной площади кремля стоял небольшой, но выразительный и горделивый Архангельский собор. Он был завершен вскоре после бурных событий Смутного времени и посвящен покровителю русского воинства архангелу Михаилу. Возводили храм под руководством каменных дел мастера Лаврентия Возоулина.

Красиво сработал мастер. Его шатровый храм, окруженный со всех сторон башнями кремля, не терялся среди них, наоборот, смело и независимо подни-

мал свою главу выше всех, словно заглядывал за кремлевские стены, высматривая что-то важное, видное в заволжских даях лишь ему. Башни, как ратники, защищали его со всех сторон. Они были, возможно, чуть-чуть тяжеловесны, во всяком случае основательны и грозны, защищены кроваво-красной броней. А собор был сложен из белого камня и в ласковом солнечном свете, казалось, улыбался приветливо, приглашая к себе всякого, кто ступал на широкую площадь в центре кремля.

Собор тоже был ратником. Его высокий шатер, увенчанный луковицей, напоминавшей боевой шлем воина, не оставлял в этом никаких сомнений. Да и возвели его здесь в напоминание о ратных делах русских людей в далеком уже героическом прошлом.

А в земле, охраняемой им, вечным ратником, под чугунными плитами, покоился прах славного волжанина Кузьмы Захарыча Минина.

Та эпоха не переставала занимать Пушкина. В Михайловской ссылке он вплотную подступил к ее рубежу, создав «Бориса Годунова». Род Пушкиных имел прямое касательство к делам государства в то Смутное время. В набросках предисловия к «Борису Годунову», написанных по-французски четыре года назад, он намеревался познакомить читателей с одним из героев драмы:

«Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 году заседающим в Думе рядом с Козь-

Уже некоторые сведения о Нижнем Новгороде той эпохи, почерпнутые из книги Де Лаво.

В городе было свыше двух тысяч домов, одна гимназия и три приходских училища, военный госпиталь, две больницы и две аптеки, один дом для умалишенных, пансион для мальчиков, восемь мансионов для женский; воспитательный дом; восемь постоянных ресторанов и восемнадцать временных, двадцать шесть постоянных питейных заведений и восемь временных (на время ярмарки); семь гостиниц; два рынка, два базара, сохранил пять трактиров и одна кондитерская. Например, кофе продавался от 40 до 62 рублей за пуд, а чай — 550 рублей за ящик весом в тридцать фунтов.

Как поясняет «Толковый словарь живого великорусского языка» Дая, базар (слово татарского происхождения) означает торговлю на открытом месте, а рынок — тоже торг, но на городской или сельской площади.

мой Мининым, потом воеводой в Нижнем...»

Камень стен, камень башен не был для Пушкина мертвым камнем. Эти камни являлись свидетелями событий, разыгравшихся здесь более двухсот лет назад. Ему, автору драмы, оживившей события той эпохи, потому что нижегородского воеводы и заговорщика, поколебавшего трон русского царя, не составляло труда вообразить те картины, которые разыгрывались в нижегородском кремле, когда народное ополчение, увлекаемое Кузьмой Мининым, *текло* здесь по Ивановскому спуску вниз, к Волге.

Когда в 1829 году вышел в свет роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», Пушкин сразу же откликнулся на него статьей в «Литературной газете»*. Он высоко оценил этот роман — ничего похожего дотоле не было в русской литературе в этом трудном жанре исторической романистики, законодателем которой оставался непревзойденный Вальтер Скотт. Тем не менее Пушкин зорко подметил у своего соотечественника отдельные просчеты, и в частности в изображении исторических лиц. «Речь Минина, — писал Пушкин, — на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия».

Но эта и другие погрешности, заканчивал свою статью Пушкин, «не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху *Юрия Милославского*».

К роману с момента его прочтения Пушкин возвращался в мыслях неоднократно. Успех Загоскина подталкивал на соревнование с ним. Просчеты и погрешности вызвали желание избежать этого в собственном сочинении и усилить в нем то, что Пушкин обозначил в статье о «Юрии Милославском» следующей характеристикой: «Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшего происшествия исторического».

В нижегородском кремле, соприкасаясь с историей

* «Литературная газета», издаваемая А. Дельвигом, выходила в 1830—1831 годах.

«С одной стороны на гористом берегу возвышается древний кремль, и чешуйчатые колокольни высоко обозначаются на голубом небе, и весь город наклоняется и тянется к приволжскому скату. С другой, луговой, стороны взор объемлет изоборазительное пространство, усеянное селами и ордами, которые смешивают свои разноцветные воды у самого подножия города и, смешиваясь, образуют мыс, на котором кипит и бьет всему миру известная ярмарка...»
Из повести В. А. Сологуба «Тарантас»

и находясь в преддверии мест, к которым стремился, Пушкин не мог не осознать со всей отчетливостью те возможности, которые заключало в себе «обширнейшее происшествие историческое» минувшего столетия.

Его собственное «романическое происшествие» не оставляло его. Все очевиднее становилось: оно непременно должно войти в раму «происшествия исторического». Пушкин перебирал варианты, не останавливаясь пока ни на одном, и не спешил занести сменявшие друг друга планы на бумагу.

Городские впечатления отвлекали его. Возвращали из прошлого в современность. По плашкоутному мосту, который разбирался на ночь для прохода барок, Пушкин прошел на территорию ярмарки. Лавки, павильоны, амбары — все было пусто. Но сами ярмарочные строения впечатляли. Их можно было охватить все разом с одной точки, стоя в конце большой улицы, которая шла к ее центру. Отсюда были хорошо видны две церкви и мечеть, все ряды гостиного двора с его галереями. Пушкин представлял, как все это было живописно и полно движения, когда наполнялось торгующим и покупающим людом. Здесь все можно было найти — и предметы для удовлетворения прихоти утонченного денди, и вещи, необходимые в простой жизни, — от рогожи до конской сбруи. Здесь торговали шерстью и самыми лучшими азиатскими и европейскими тканями, стеклянными бусами, любимым украшением чувашских женщин, и драгоценностями из жемчуга и бриллиантов.

Ярмарка имела оборот не менее чем на 400 миллионов рублей*. Сюда привозили товары со всего света — железо, пряности, вина, невыделанную кожу, икру, хрустальную и деревянную посуду, сибирские кованные на демидовских заводах сундуки, казанское мыло, сырой шелк, так называемые армянские товары: сухую рыбу, кизлярскую водку, сарачинское пшено... В мастерских с утра до вечера работали бочары, колесники, оружейники, иконописцы, кузнецы, прачки. А на потеху и развлечение тысячной толпе давали свои представления фокусники и танцовщики. Их палатки разбивались на

* По данным книги Де Лаво «Описание Нижнего-Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки», в 1822 году всех товаров было привезено на 350 миллионов рублей.

правой стороне Оки, на обширном песчаном пространстве перед мостом. Здесь же разбивали свои таборы цыгане и устраивались площадки для игры в кегли.

Ничего этого Пушкин не застал. Лишь пики, воткнутые в землю перед входом в гауптвахту, свидетельствовали о том, что тут еще стоят казаки, которые вкупе с полицией надзирали за порядком на ярмарке.

Почти напротив рядов ярмарки располагался Благовещенский монастырь, основанный в 1370 году. Неподалеку от него стояла скромная часовня, в ней каждый любопытствующий мог увидеть камень с надписью, говорящей о случае, ставшем поводом для основания в этом месте часовни и монастыря:

«Лета 6878 * иже во святых отец наших Алексий митрополит, егда возвратися из орды, от царя Чанибека, прииде в Нижний-Новгород к великому князю Борису Константиновичу, у него же и сына крести, и приста выше Нижняго-Новгорода, при источнике, и возлюбил место оно, и возгради на месте том часовню».

Ивановский спуск на территории нижегородского кремля. Впереди Ивановская башня. В ее ворота выходило ополчение под водительством Минина и Пожарского

После прогулки, притомившись, можно было зачерпнуть из каменного колодца при часовне студеной вкусной воды...

Отдохнув, Пушкин вернулся в город.

Пройдя к Северной башне кремля, он еще раз сверху взглянул на ярмарку. Отсюда открывался просторный, на десятки верст вид. Осенний прозрачный воздух делал его четким. Видна была даже Балахна, городок в тридцати верстах, про который существовала поговорка «Балахня стоит, полы распахня» — город был мал, но несуразно длинен, шириною же всего 250 сажен.

На первом плане убегала круто вниз гора, поросшая деревьями и кустами, дальше, на просторном мысу при соединении Волги и Оки, пестрели постройки

* От «сотворения мира», то есть в 1370 году.

Портрет М. Н. Загоскина.
Художник Л. С. Бороздина. Акаварель. 1840

ярмарки, еще дальше расстилались заволжские дали и сама Волга, пересекаемая то песчаными отмелями, то островами и полуостровами, поросшими темно-зелеными кустарниками. Там и сям за Волгой виднелись маленькие озерки, оставшиеся после весеннего разлива и не просохшие за лето.

На обратном пути Пушкин задержался у Рождественской, или, как еще ее называли, Строгановской, церкви. О ней как о предмете особой гордости Нижнего Новгорода говорил Пушкину губернатор. Действительно, церковь Рождества Богородицы была чрезвычайно красива — из красного кирпича, с пилястрами, карнизами и орнаментами из белого камня. Изразцовые купола сияли бирюзой и киноварью. Две ее иконы, Спасителя и Богородицы, были, по преданию, заказаны Петром Великим для

строящегося в Санкт-Петербурге Петропавловского собора. Но Григорий Строганов убедил художника передать эти иконы Нижнему Новгороду. Так это было или нет, неважно. А вот то, что сама церковь являла собою совершенное творение российских зодчих, было несомненно.

На церковной колокольне имелись астрономические часы, которые показывали фазы луны и времена года. Куранты часов пробили семь вечера, когда по Суевтинскому съезду Пушкин стал подниматься в верхний город.

Утром следующего дня он опять пошел в кремль.

Дух захватывало от крутизны берега, на котором возвышались его башни и стены. Эта крепость была неприступной. Ее строил в самом начале XVI века флорентийский мастер Франческо, а затем неоднократно перестраивали. Пушкин, возможно, не увидел всей ее грандиозности и сурового величия, потому что высоту башен несколько уменьшили, почти наполовину сняли зубцы стен, а внутри, как, к сожалению, повелось и в других старых крепостях на Руси, застроили обывательскими и казенными домами, винными подвалами и складами.

Но Пушкин умел *очищать* увиденное от наслоения последующих времен.

Он хорошо представлял, как дважды, в 1695 году, во время Азовского похода, а потом в 1722 году, плывя по Волге, высаживался в Нижнем Петр Первый, поднимался и к кремлю, и к дому купца Чатыгина, у которого он останавливался. Этот дом на Почаинской улице и сейчас стоял — толстые, окрашенные белой известью стены, крутая тесовая крыша, резное нарядное крыльцо, маленькие, типичные для старого времени окошки. Он был больше похож не на жилой дом, а на небольшую крепость. Днем Пушкин обедал у губернатора. Сохранилось воспоминание гостыи Бутурлина Л. П. Никольской, поме-

В газете «Русский инвалид, или Военные ведомости» сентября 6 дня 1833 года напечатана следующая корреспонденция:

«Из Москвы от 27-го Августа пишут: Нижегородская ярмарка окончена. Судя по отзывам большей части купцов и фабрикантов, возвращающихся в Москву, можно полагать, что развязка оной была не так безвыгодна, как многие, по сообщению обстоятельств, опасались... Вообще ярмарка была бездепежная по той причине, что большая часть ходебщиков и родовых покупателей, не успев продать во многих губерниях прежних запасов, не могли производить настоящих платежей ни по прежним обязательствам, ни же по нынешним покупкам своим».

Церковь Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде

щицы Макарьевского уезда Нижегородской губернии. Мы имеем редкую возможность увидеть Пушкина в тот визит губернатору глазами одной из его современниц:

«В этот день у Бутурлиных обедал молодой человек; нас не познакомили, и я не знала, кто он. Я запомнила наружность этого гостя; по виду ему было более 30 лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы — вообще, неправильные черты. Но что у него было великолепного — это темно-серые с синеватым отливом глаза — большие, ясные. Нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее и притом ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Когда он смеялся, блестятели его белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорит; ах, сколько было ума и жизни в его неискusstvenной речи! А какой он веселый, любезный — прелесть!» *

Дом купца Чатыгина. Он неизменно привлекает художников

* Впервые напечатано в газете «Нижегородский биржевой листок», 1887, 30 января, № 24.

Глава вторая

От Нижнего Новгорода
до Казани

Я в Казани с пятого и до сих пор
не имел время тебе написать слова.

Из письма А. С. Пушкина жене

Третьего сентября после обеда у губернатора Пушкин распростился с Нижним Новгородом. По дороге, шедшей вдоль Волги по ее правому берегу, выехал в Казань.

Четвертого и пятого он в дороге.

В дороге находился и фельдъегерь, который в отличие от всех прочих проезжающих имел право на беспрепятственное получение лошадей. Однако послан он был из Петербурга с большим запозданием, а потому и в Нижний Новгород прибыл позже надлежащего срока.

Он вез пакет с бумагой касательно Пушкина. В Нижнем Новгороде Пушкина уже не было. Тем не менее по распоряжению губернатора открыли дело «О учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного советника Пушкина».

Сохранившиеся листы этого «дела» имеют странные на первый взгляд даты: «Началось 17 октября 1833 года на двух листах. Кончено 30 октября 1833 года».

Пушкин к этому времени закончил свое путешествие и вторую неделю находился в Болдине. Но Петербург распорядился — губернии выполняли приказ.

Что касается 30 октября, то в этот день Управление нижегородского губернатора получило из Казани бумагу, подтверждающую, что Пушкин «принят» тамошним полицмейстером, а, значит, Нижний Новгород более не несет ответственности перед высшими властями за поэта, который, оказывается, не только путешествует по приволжским губерниям с каким-то секретным предписанием, но и сам находится под секретным полицейским надзором.

Впрочем, военный и гражданский губернатор Нижнего Новгорода Бутурлин видал на своем веку и не такое, а потому, получив бумагу из Петербурга, с чистой совестью отдал распоряжение снести с Казанью.

Вот эта-то депеша и имеет дату 17 октября.

Что же означает она? То ли что в этот день была получена бумага из Петербурга, то ли что лишь в этот день нижегородский губернатор «отреагировал» на нее? Ведь на бумаге, составленной в Управлении нижегородского губернатора, стоит еще одна дата — 9 октября 1833 года... Все это свидетельствует о том, с каким скрипом поворачивался полицейский механизм.

Казанский кремль

Пушкина эти бумаги никак не коснулись. Он мог лишь догадываться, что его путешествие не останется бесконтрольным. Нам же они очень интересны, ибо позволяют воочию убедиться в том, с каким вниманием следило правительство за каждым шагом поэта.

Произошло так, что Пушкин как бы ускользнул из-под слежки. В Петербурге он усыпил бдительность властей, не раскрыв им главную цель своих интересов в приволжских губерниях. В путешествии опередил своих соглядатаев и невольно оказался на полной свободе.

Вот этот документ, от слова до слова — в том виде, в каком он находился в деле № 142 «О учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного советника Пушкина»*.

* Впервые напечатано в журнале «Русская старина» № 1 за 1882 год. Были наверняка и другие документы, но они до нас не дошли.

«17 октября

Секретно

Господину Казанскому Военному Губернатору

№ 4344
Управление
Нижегородского
военного
губернатора

Канцелярия
Стол 2

9 октября 1833 года
№ 433
Нижний Новгород

Санктпетербургский Обер-Полицеймейстер от 20 минувшего сентября за № 264 уведомил меня, что по Высочайше утвержденному положению Государственного Совета, объявленному предместнику его предписанием Господина Санктпетербургского Военного Генерал-Губернатора, от 19 августа 1828 года № 211, был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, Титулярного Советника Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии.

Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургские Губернии, я долгом считаю о вышеписанном известить Ваше Превосходительство, покорнейше прося в случае прибытия его в Казанскую Губернию учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время пребывания его в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его.

Военный губернатор (не разборчиво).
Секретарь И. Килчинский».

А Пушкин спокойно катил в своей коляске по почтовой дороге Нижегородской губернии. Оставались позади почтовые станции в селах Кстово, Осташиха, Чугуны. В Чугунах Пушкин, возможно, ночевал, но не исключено, что проехал до следующей станции в деревне Хмелевка, которая находилась за три версты от Васильурска, или Василя, как чаще называли этот городок в то время. Впрочем, станция располагалась за Васильурском, а перед горо-

Из письма Д. В. Давыдова Н. М. Языкову (из имения Маза Сызранского уезда Симбирской губернии) от 3 октября 1833 года: «Кстати о Пушкине; знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани был Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для

дом была переправа через Суру. На ней Пушкин мог и задержаться. Он выехал из Нижнего Новгорода ближе к вечеру и к Васильсурску попал поздно. Все, конечно, зависело от того, когда он выехал, как быстро ехал и не было ли задержки с лошадьми в Кстове и Осташихе.

Этого мы не знаем.

Переправа же через Суру хороша и поздним вечером, и ранним утром.

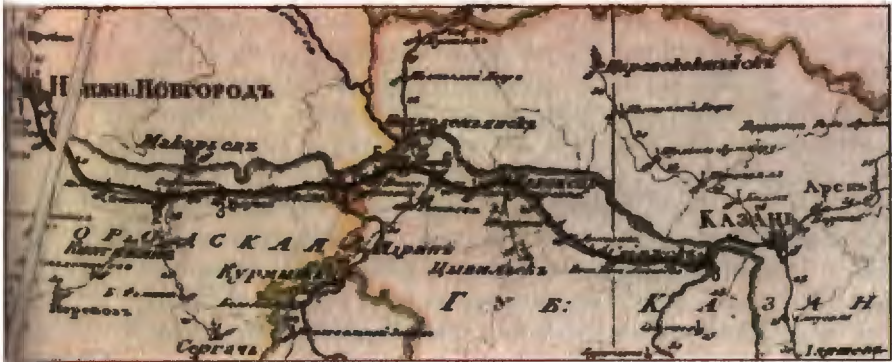

Схема маршрута от Нижнего Новгорода до Казани:

- 1 — Нижний Новгород, 2 — Летняя, 3 — Чугуны,
- 4 — Васильсурск, 5 — Емангаши, 6 — Виловатый Враг,
- 7 — Чебоксары, 8 — Свияжск, 9 — Казань

Сура — река чистая. С паромом утром хорошо видно, как в прозрачной воде ходит стайками стерлядь. Ранним утром над рекой стелется туман, тянет прохладой и такая тишина стоит, что слышен негромкий говорок людей с противоположного берега.

В наше время ничего такого не увидишь и не услышишь. Туман, правда, бывает, но, когда он поднимается

над рекой, другого берега вовсе не видно. Когда же туман рассеивается, противоположный берег виден далеко-далеко; не сразу поймешь, что перед тобой приток Волги Сура, про которую в старину ласково говорили, что течет она тихохонько, доньшко у ней серебряное, круты бережки позолоченные.

Нынче Сура не та.

сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. И так вот решенные загадки появления Пушкина в нашей и в Оренбургской губерниях. Если это правда, то дай бог! авось ли мы увидим что-нибудь близкое к Вальтер-Скотту».

Русская старина. 1884. № 7. С. 143—144

Волга, перегороженная плотинами, поднялась, а вместе с нею разлилась и Сура. Две реки образовали широкое водное пространство, на котором впору плавать трехмачтовым океанским парусником. Таких парусников, естественно, нет ни на Волге, ни на Суре, а вот разнообразные теплоходы — пассажирские, грузовые — проплывают в большом количестве. Не успеет скрыться из глаз одно судно, как появляется в поле зрения другое. И паром нынче ходит не такой, как в пушкинские времена. Паром как корабль: он способен вместить не один десяток современных средств передвижения.

Однако не будем обольщаться размерами и масштабами, характерными для XX века. Век этот, а точнее — вторая половина его, нанес великой реке величайший урон.

Водохранилища похоронили в себе тысячи гектаров плодороднейшей земли, пойменные луга. А пляжи? Они, между прочим, нужны не для одного лишь приятного отдыха у воды. Они нужны реке. Ее свободному, чистому течению. Нужны Природе. А значит — и человеку.

Волжская ГЭС, Чебоксарская ГЭС. Сколько лет гидроэлектростанциям и сколько Волге? ГЭС — дело рук человеческих. Мы хорошо помним строительство Волжской ГЭС, которая перегородила реку в Жигулях, как победно кричали об этом газетные заголовки... Что ж, все было правильно; страна вставала из руин Великой Отечественной; заводам, стройкам, городам требовалось электричество, много электричества, желательно было — возможно более дешевого. Гидроэлектростанции, по убеждению ученых, давали нам его.

С годами на Волге возник целый каскад гидроэлектростанций. Они и сейчас безотказно дают ток. Они помогли нам сделать рывок к звездам — запустить ракеты, овладеть атомом...

Все так. Из песни века, которую по праву можно назвать эпической, не выкинуть ни одного слова.

Не выкинуть и других слов... Тех, которые слагались народом о прекрасной реке, о ее красоте, о приволье ее вод и плёсов. Тех плёсов, какие видел Пушкин в окрестностях Козьмодемьянска, Свияжска, Васильсурска, Чебоксар, Симбирска и которых мы с вами сейчас не увидим. Их нет. Вода поднялась, разлилась, поглотила

красоту. И, кстати, как говорится, заодно замедлила свое течение. Да иначе и не могло быть в непомерно разлившихся водохранилищах. В них теперь нет того сильного могучего течения, которое очищало бы реку от нынешнего вредного, застойного цветения.

Но это цветение — пусть извинит читатель за невольный каламбур — это только цветочки. С Волгой стало происходить такое, о чем ни мы с вами, ни Пушкин, ни какой-нибудь другой писатель, одаренный воображением сказочника, и подумать не могли.

У слияния Суры с Волгой водная гладь поражает своей необозримостью. За Васильсурском, у Чебоксар тоже рукотворное море. Оно радует глаз, как радует его, как не может не радовать живая вода, разлившаяся привольно по земному лону.

Но эта вода не живая. Она если и не мертвая вовсе, то полумертвая. Здесь — в глубинах и на отмелях Чебоксарского водохранилища. В самом конце 80-х годов в нем запретили ловить рыбу. Не для того, чтобы сберечь ее стадо, дать нагуляться молодежи... А потому, что выловленная рыба стала опасной для человека. Волжская сказочная рыба — стерлядь, осетр, судак. Она теперь отравлена, набрав за последние годы выше всякой нормы ртути.

Да может ли быть такая норма?

Ртуть вместе с другими — тоже не целебными — отходами сбрасывали в воду. И вот концентрация ртути привела к катастрофе. Пока, как сообщали газеты, лишь в бассейне Чебоксарского водохранилища.

Что будет дальше? И можно ли нам спокойно продолжать наше путешествие?

Путешествие по Волге, по пушкинским местам становится путешествием по зоне бедствия.

От этого не избавишься. Это не выбросишь ни из головы, ни из сердца, как бы ни пленяла по-прежнему приволжская природа, как бы ни влек к себе властно пушкинский маршрут, как бы ни хотелось остаться в пределах не слишком спокойного, но не угрожавшего самому существованию человечества XIX столетия.

В пушкинские времена на деревянном плоскодонном пароме тесно размещалось несколько повозок; гребцы, стоя в рост, неспешно опускали в воду весла.

Вечером с парома можно было видеть, как светятся на другом берегу огоньки и, дрожа, колеблясь, отражаются в воде; как постепенно придвигаются, давая путнику понять, что скоро пристань, а за нею подъем по крутой песчаной дороге в засыпающий городок.

Во времена Пушкина в Васильсурске было не больше двух тысяч жителей. Городок привлекал своим уютом, близостью к двум рекам, обилием садов. Да и история у него была славная — основали город еще в 1523 году как важную крепостицу на Волге по велению московского князя Василия во время его похода на Казань. Имя князя и перешло к городу. Князь запретил русским купцам посещать Казань и ее ярмарку. А для торговли с приволжскими народами учредил ярмарку в Василе. Затем ее перевели на правый берег Волги выше по течению, в Макарьев. С 1816 года она была уже в Нижнем Новгороде (но еще долго именовалась Макарьевской).

В 30-е годы XIX века ничего воинственного в облике города не оставалось. Жители изготавливали деревянную посуду, полавки для рыболовных сетей и в изобилии ловили в Суре золотую стерлядь.

А еще славился Васильсурск дубовой рощей, посаженной по приказу Петра Первого. Столетние дубы приветствовали Пушкина шумом своих раскидистых крон.

Возможно, еще на пароме, когда было время, Пушкин разговорился с попутчицей. Он услышал, а потом кратко записал в своей дорожной книжке: «Васильс.<урск> пред<ание> о Пугачеве. Он в Курмыше повесил май.<ора> Юрлова за смелость его обличения — и мертвого секли нагайками. Жена его спасена его крестьянами. Сл.<ышал> от старухи, сестры ее — жив.<ущей> милостынею».

Сестра жены казненного майора... В молодости, значит, свидетельница этих страшных событий. Может быть, и ее вместе с сестрой, майоршей, спасали от смерти крестьяне.

Крестьяне спрятали, не выдали свою барыню, которая им никогда никакого зла не делала. А может быть, она и не дворянка вовсе была — Юрлов женился на простой девушке. Все бывало. Тысячи судеб. Тысячи историй.

Рассказчица в старости принуждена была жить милостыней. А может быть, нищета началась и не в старости. Пугачевщина разорила и обездолила мно-

гих — один раз и на всю жизнь. «Кто был богат, очутился нищим, кто был скуден — разбогател», — запишет Пушкин в Казани.

Судьба этой женщины осталась в стороне — Пушкина взволновал Юрлов.

Но может быть, и она тоже взволновала Пушкина? Просто ее судьба оттеснялась рождающимся сюжетом, другими, более необходимыми этому сюжету судьбами и не могла найти продолжения в дальнейших пушкинских заметках, записях, набросках, в беловом варианте исторического труда.

Курмыш — небольшой городок, расположенный на западе от Казани и Чебоксар. Во времена Пугачева он относился к нижегородскому наместничеству.

В выписке из рапорта курмышских инвалидов офицеров, сделанной ранее *, Пушкин уже фиксировал факт казни майора Юрлова.

Нам интересно движение пушкинской мысли — от этой первой выписки, где вместе с Юрловым перечислены и другие дворяне (Маковнин, Ульянов, по-

ручник Муромцев «с солдатами») — просто перечислены, без всяких пояснений и подробностей, но с подробным изложением поведения всей «инвалидной команды», к записи в дорожной книжке, которая свидетельствует о том, как сильно поразил Пушкина этот рассказ о судьбе офицера, фамилию которого он узнал в ряду прочих несколько дней назад. Наконец, до краткого, но по-пушкински насыщенного динамикой событий и психологической напряженностью изложения эпизода расправы над непокорными в восьмой главе «Истории Пугачева»: «20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу

* Эта выписка скорее всего сделана еще в Петербурге, когда Пушкин работал с архивными материалами.

Карта с частями Нижегородской, Казанской и Симбирской губерний из «Российского атласа, из сорока трех карт состоящего и на сорок одну губернию импершию разделяющего». 1800. Такой атлас, как предполагают, имелся у Пушкина

с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова была спасена ее дворовыми людьми».

Так, въезжая в места, докуда докатилась волна пугачевщины, Пушкин встретился с живыми ее свидетелями.

Занося бегло в дорожную книжку рассказы этих свидетелей, он мог уже представить, где в его историческом труде (черновой вариант которого написан) эти рассказы займут свое место.

«Капитанская дочка» в это время не обрела еще достаточной конкретности. Однако в судьбе Юрлова можно видеть прообраз мужественного капитана Миронова, который тоже отказался присягать самозванцу. Можно услышать «звучание» общей концепции романа, посвященного непримиримости той *гражданской* войны.

В свете всего изложенного становится понятным одно короткое, но чрезвычайно выразительное слово, которое осталось на полях принадлежащей Пушкину и сохранившейся в его библиотеке книги, посвященной жизнеописанию генерала А. И. Бибикова, начавшего по распоряжению царицы военную кампанию против Пугачева*.

В одном из примечаний на страницах этой книги подробно рассказывается о казни Пугачевым капитана Ставропольского гарнизона Калмыкова. Ему не только отрубили руки и ноги, но даже вспороли грудь, он же «и при сем последнем мучительном деянии,— утверждает примечание,— не престававал изобличать изменника в его злодействах и испустил дух, пребыв верным своему государю».

Не намереваясь оскорбить память мученика-капитана, Пушкин на все это преувеличение откликается на полях одним словом — «вздор».

Вспомним, как умирает *его* капитан в романе. Страшно. Просто. Без лишних, а тем более громких слов. Без романтически преподнесенного автором героизма. Но

* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. Сыном его сенатором Бибиковым. СПб., 1817.

с гордым сознанием выполненного им солдатского и человеческого долга.

Не так много записей в пушкинской дорожной книжке, и начата она здесь, в местах, где Пушкин впервые соприкоснулся с живой памятью о пугачевщине. А самая первая сделана в Чугунах, не доезжая Чебоксар: «Кар etc». Это указание на генерала Кара, который был отряжен организовать сопротивление Пугачеву и бессовестно струсил. Третья запись (после Курмышской истории) сделана за Чебоксарами — «слышал от зрителя»: «Пугачев ехал мимо копны сена — собачка бросилась на него. — Он велел разброс(ать) сено. Нашли двух барышен — он их, подумав, велел повесить».

Через две почтовые станции за Васильсурском начиналась Казанская губерния. Хмелевка и Емангаш еще Нижегородская, а Виловатый Враг уже Казанская.

Дорога здесь красивая, хотя и нелегкая для лошадей — много подъемов и спусков. Между Виловатым Врагом и Старым Сундырем целых три. Особенно крут спуск на мост через речку Ковжанку. Гаврила, тот не выдержал: хотя ямщик заклинил задние колеса, он не доверил свою драгоценную жизнь лошадям, спрыгнул с козел на землю и до самого моста бежал трусцой. Пушкин только посмеивался. Он доверял ямщикам — они знали свое дело. Он мало беспокоился по поводу того, что дорогу не огораживали перилами или хотя бы столбиками, когда она проходила по крутым косогорам и вдоль оврагов.

За Емангашем въехали в большой лес — дубы, вязы, клены, — он тянулся до Виловатого Врага. А на открытых местах дорога была обсажена березами. Их уже тронула желтизна, они тихо шелестели на ветру.

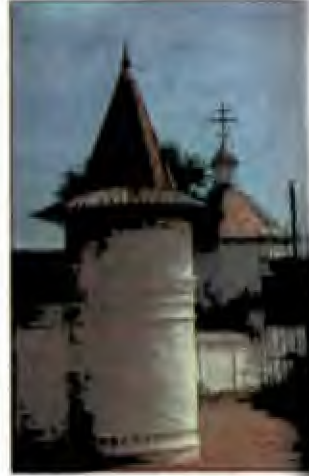
Следующая ночевка пришлось на Чебоксары, город раза в два больше Васильурска. В них было что-то общее — оно рождалось Волгой. Волга текла, осеняя город своей красотой, силой и спокойствием. Главная улица, сразу над плёсом, параллельно реке, словно стремилась вслед за рекою, в центре города всю старалась соответствовать ее величию, приподнималась, заглядывала в воду немногими двухэтажными домами, вставала на цыпочки куполами церквей и колокольнями, но не выдерживала бега, сникала, вновь опускалась до одноэтажного уровня

и где-то к окраине сконфуженно терялась в маленьких невзрачных домишках.

Церквей в Чебоксарах было много. Пушкин насчитал одиннадцать. Но его больше заинтересовал земляной вал при въезде в город. Вал неплохо сохранился, шел почти на версту и посередине имел широкое, сажени на четыре, место для въезда. На валу росли деревья. От

Чебоксары. Одно из сохранившихся строений Троицкого монастыря на берегу Волги

Чебоксары. Троицкий монастырь

него веяло стариной. Когда его строили? Кто? Может быть, при Иване Грозном, который основал город почти три столетия назад? А может быть, еще раньше? Какими-нибудь народами, которые пришли сюда и раньше воинов русского царя, и раньше татар? Приволжские болгары, чуваша? Но чуваша, кажется, не строили подобных оборонительных сооружений.

У чувашей существовала легенда о происхождении Чебоксар. Шобокшар, как называли они этот город.

Жили когда-то на берегу реки два йомси — колдуны и знахари — Чабак и Сар. Когда пришли русские, неуютно стало Чабаку и Сару. Подняли они бурю и с громом и молнией покинули насиженное место. От тех двух колдунов и произошло название города.

Отъезжая от Чебоксар, Пушкин долго еще видел высокую гору, на которой стоял собор.

От Аккозино до Тюрлемы опять окаймляли дорогу ряды берез. Солнце, выглядывая из-за туч, играло на их стволах. Пушкин любил это быстрое мелькание белых и черных, всгыхивающих пятен.

Женщины выносили к дороге сливу в лукошках, яблоки. У чувашских женщин, как бы бедно одеты они ни были, на груди непременно украшение из серебряных монет.

Пихчурино, Большое Аккозино, Тюрлема — чувашские селения.

Ожидая в Тюрлеме перемены лошадей, Пушкин прошелся по улице. Тюрлема показалась ему опрятнее Емангаша, черемисской деревни на границе с Нижегородской губернией. Чуваши были приветливы и услужливы. Они охотно и без боязни отвечали проезжему барину, когда он с ними заговаривал. От старого чуваша Пушкин узнал, что город, из которого он едет, — Нижний Новгород — называется Чол-Хола, что значит Каменный город. А он, Пушкин, — вырос. Очевидно, это было искаженное «урус», по-татарски — русский.

Отсюда начинался новый, неведомый Пушкину край, населенный разными народами — чувашами, черемисами, мордвой, татарами. В летописях он именовался Низовскими землями.

Лесов становилось все меньше. В некошеных полях, на откосах холмов царствовали дикие травы — пырей, метелка, кашка-клевер, тимофей-трава. Все чаще и больше, вытесняя другие травы, особенно по крутым южным склонам холмов, рос ковыль. Его горьковатый запах подавлял остальные.

От Чебоксар до Свияжска дорога шла по горам да оврагам, колеса то увязали в песке, то с перестуком катились по высохшей глине.

Тут было две переправы — через небольшие реки Цивиль и Свиягу. А затем — главная, через Волгу, под Свияжском.

Красива была Волга, пленительна!

Пушкин предался плавному скольжению по ее поверхности. У стрежня течение повлекло паром быстрее, гребцы налегли на весла сильнее. Воображение уводило от тяжелого парама к легким стругам, которые проплывали здесь по волжской стремнине.

А ведь ему удалось все это выразить еще семь

лет назад, не видя этой могучей реки не вбирая ее в себя всеми чувствами. В ссылке, в сухопутье:

*Как по Волге, реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке грбцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин...**

*Чебоксары. Введенский собор.
Середина XVII века*

Чебоксары. Башня Троицкого монастыря

Степана Разина Пушкин назвал единственным поэтическим лицом русской истории **. Он и сейчас повторил бы эти слова.

Пушкин стоял на пароме, облокотясь на перила, а может быть, прислонившись спиной к нагретой солнцем коляске. А может быть, сидел на складном стуле, который был взят в дорогу и который услужливо расставил не слишком расторопный его слуга. Стоял или сидел, смотрел, как медленно удаляется правый берег с дрожжами огоньками славного города Свияжска, в котором, как и в Чебоксарах, было больше церквей, чем хороших домов; смотрел, как приближается левый, более низкий

* Начало первой из трех «Песен о Стеньке Разине».

** В письме к брату Л. С. Пушкину из Михайловского в ноябре 1824 года.

берег, по которому предстояло проехать до Казани всего около сорока верст.

В Казань Пушкин въехал в двенадцатом часу ночи. Дорога долго тянулась мимо какой-то воды; нельзя было понять, река это или озеро; вода казалась застывшей, мертвой. Слева на горе обозначился силуэт стен и башен. Улица повела вверх. По-прежнему было темно. Ни в одном доме ни огонька. Наконец мелькнул свет, коляска въехала во двор дома с несколькими освещенными окнами. Ямщик слез с козел, подошел к Пушкину, который уже открыл дверь коляски, и сказал: «Приехали, ваше благородие».

Гостиница Дворянского собрания, в которой остановился Пушкин, была в центре города*. Утром он отправился к генералу Энгельгардту, тестю Баратынского. Тот должен был находиться в имении тестя неподалеку от Казани.

О Пушкине не успели еще доложить генералу, как сверху, с антресолей парадных сеней, раздался радостный голос Баратынского.

Они обнялись. В первые минуты Баратынский словно приглядывался к Пушкину, не узнавая его. Да и немудрено: усы и борода отросли изрядно, скрывали привычные черты лица. Тот Пушкин, который стоял перед Баратынским, отличался от прежнего, не был похож и на портрет, который некогда Баратынский повесил в своем кабинете**.

Потом Баратынский повел Пушкина к своему тестю. Тот без долгих предисловий заявил, что жить Пушкин должен в его доме, и послал своего человека в гостиницу забрать пушкинские вещи и слугу.

За кофеем и трубкой, которую через длинный

* Гостиница Дворянского собрания помещалась в трехэтажном корпусе дома, выстроенного купцом И. Ф. Дрябловым в Петропавловском переулке (ныне ул. Ш. С. Рахматулина). Дом Л. Н. Энгельгардта находился недалеко, на Грузинской улице (ныне ул. К. Маркса), и до наших дней не сохранился.

** «Портрет твой в «Северных цветах», — писал Баратынский Пушкину в феврале 1828 года, — чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете в благопристойном окладе». Это была сделанная для альманаха «Северные цветы» гравюра Н. И. Уткина с портрета О. А. Кипренского 1827 года.

чубук важно посасывал генерал, говорили о разном — о пушкинской поездке, о петербургских и московских новостях, о политике; генерал и Баратынский посоветовали Пушкину начать свое знакомство с Казанью с Суконной слободы: ее первой, приступив к городу, штурмовал Пугачев. Баратынский сказал, что там есть известный всей Казани Горлов кабак, в котором можно встретить любопытные личности. Ну и непременно, заявил тесть с зятем, надо познакомиться с Карлом Федоровичем Фуксом, доктором, профессором, знатоком всего, что касается до Казани и ее истории.

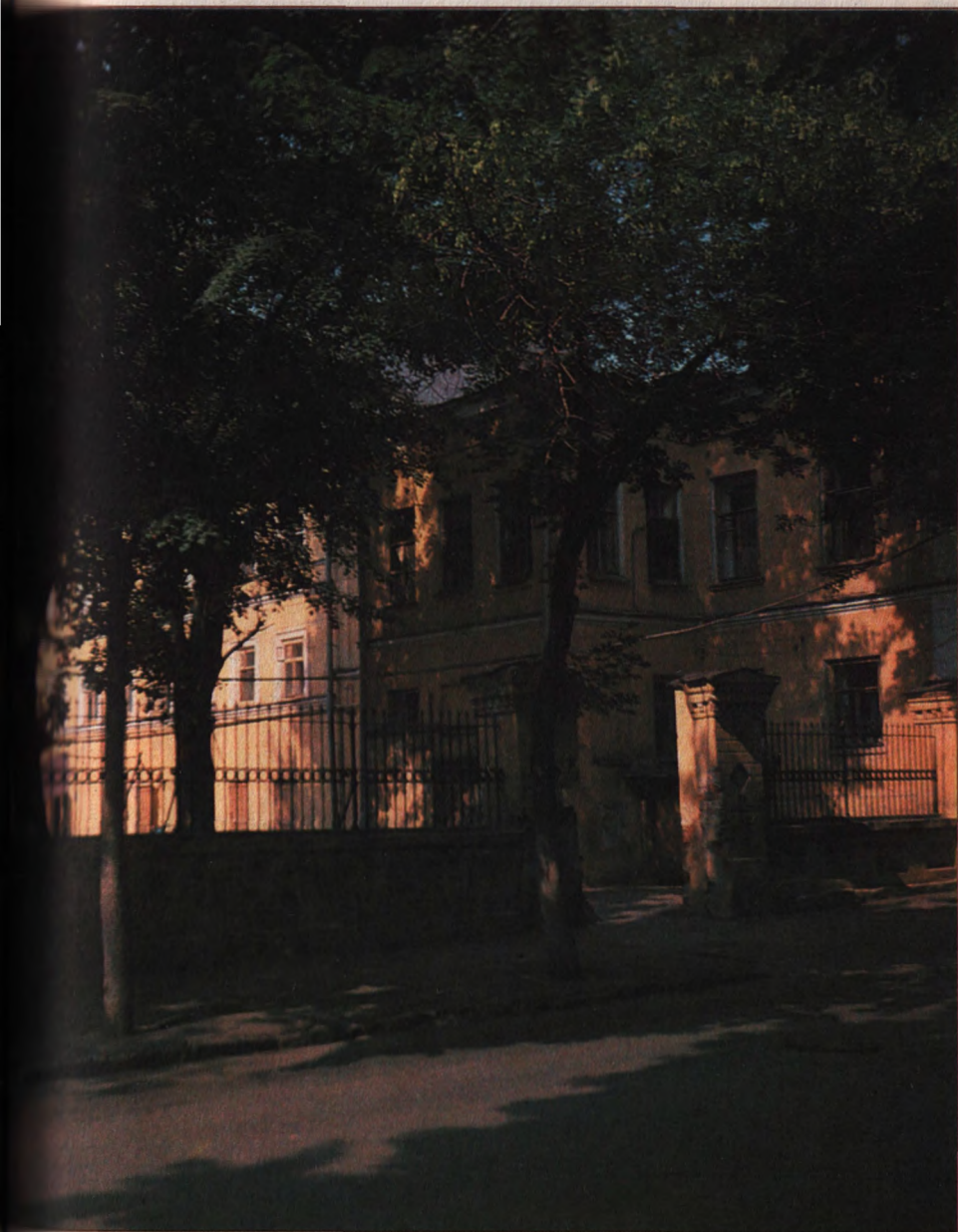
С Баратынским Пушкин был давно на «ты», но, пожалуй, впервые за все годы их знакомства, встреч и переписки Пушкин чувствовал себя с ним так свободно. Раньше временами словно что-то сдерживало их обоих, что-то мешало высказаться друг другу с полной откровенностью. Уйдя от элегической романтики, оба искали своих дорог и не все знали о поэтических опытах друг друга. Баратынский с грустной откровенностью признался Пушкину, что в последние годы не написал почти ни строчки. Он не скрывал, что мучительно ищет каких-то новых слов, большей глубины и смысла, но пока не может обрести этого языка.

Они говорили с глазу на глаз. Никто им не мешал. Но и не помогал. А ведь раньше бывало именно так — Пушкин это хорошо помнил — между ним и Баратынским часто стоял, принимая участие в беседе, покойный Дельвиг. Он, как никто, умел сблизить людей в общении, придать этому драгоценному акту особую сердечность.

Баратынский, наверное, тоже в тот раз мог сказать, что между ним и Пушкиным возникло не столь часто обретаемое ими взаимопонимание*.

Баратынский вызвался представить Пушкина Фуксу. Возможно, это произошло в тот же день. На следующий, с утра, он должен был уехать по делам в имение тестя Каймары. Оттуда позже Баратынский собирался отправиться в свое тамбовское имение Мары и скалам-

* Из письма Е. Баратынского П. Вяземскому (1829 г.): «Пушкин здесь... Я с ним часто вижусь, но Вы нам очень недостааете. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух мафематических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру...»

Казань. Здание гостиницы, в которой останавливался Пушкин

*Портрет А. С. Пушкина.
Гравюра Н. И. Уткина с портрета О. А. Кипренского. 1827*

бурил по этому поводу, пояснив, что созвучие названий случайное. Каймары татарского происхождения, а Мары — слово курское или тамбовское и означает, как ни прискорбно для владельца этого имения, носилки для покойника. Баратынский посмеялся по этому поводу — предрассудков у него не было, — но сказал, что само имение давно находится в полном запустении — там надо долго безотлучно жить, чтобы привести его в порядок*.

В тот же день Пушкин отправился в Суконную слободу.

Название свое она получила еще при Петре I, повелевшем основать здесь суконовую фабрику. Она действовала и при Пушкине, представляя собой длинное желтое здание, уныло, но победительно возвышающееся над одноэтажными домишками слободы. Еще выше была, понятно, церковь, также окрашенная в желтый цвет. Рядом с церковью и оказалось самое популярное место в округе — трактир под названием «Горлов кабак».

Завсегдатаями трактира были в основном те, кто работал на фабрике. Как там встретили Пушкина, мы не знаем. Можно лишь предположить, что появление незнакомого барина вряд ли прошло незамеченным. Не знаем мы также, как Пушкин оказался рядом с одним из фабричных, как разговаривал с ним, почему этот человек пошел на откровенность. Мы только знаем, что этот разговор состоялся и он многое дал поэту. Мы также знаем, что Пушкин, когда хотел, мог вызвать доверие любого человека; тот поддавался его обаянию, искренности, выражению внимания и сочувствия к собеседнику.

Мы, кроме того, знаем, *кто* был этот собеседник. Не исключено, что с ним познакомил Пушкина кто-то третий — Баратынский, Фукс... Но почему бы не принять *случайный* вариант, подобный тому, что уже был в Васильсурске и в Чебоксарах и тоже нашел отражение в пушкинских дорожных записях?**. Правда, на этот раз Пушкин получил гораздо более обширные сведения.

* Тогда же осенью после долгого «молчания» Баратынский откликнулся элегией на посещение родных мест. Он так и назвал эту элегию «Запустение». Наши современники знают другое имение, связанное с именем Евгения Баратынского, — это Мураново, расположенное под Москвой.

** См. выше в этой главе запись о майоре Юрлове и запись слышанного в Чебоксарах от смотрителя.

Собеседником поэта оказался В. Петр. Бабин — так он обозначен в казанской записи 6 сентября.

Бабин рассказал Пушкину о важнейших событиях и обстоятельствах как захвата пугачевцами Суконной слободы, так и штурма всей Казани. Знал он об этом и со слов своих родителей, и, наверное, со слов других очевидцев, старых людей, жителей слободы.

В его рассказе есть эпизод, относящийся, возможно, и к нему самому (мы не знаем дат его жизни).

Вот что записал Пушкин, набрасывая такую картину:

«Мать Бабина, брося во ржи двух дочерей и неся в подоле годового сына, бросилась в ноги козаку. — Матушка, сказал он ей, ведь Башк. <ирец> убьет же тебя».

Факт этот не использован в начале седьмой главы «Истории Пугачева», где повествуется о взятии Пугачевым Казани и о «бедствии города» (как обозначено в оглавлении), хотя вся эта часть главы построена во многом на рассказе Бабина. По подсчетам историков, примерно сорок процентов бабинского рассказа Пушкин внес в седьмую главу*. Но он отсек то, что имело сугубо личный, а оттого нередко частный характер. Это были *детали*, которые замедляли, дробили стремительно-короткий поток рассказа о казанских событиях, занявших в седьмой главе всего одну страницу.

Мы не ведем ни текстологического, ни историко-литературоведческого исследования. Мы *путешествуем* с Пушкиным и вслед за Пушкиным. Оттого мы поневоле кратки в неизбежных сопоставлениях литературного характера. Они лишь должны помочь представить то, чем занимался Пушкин в этом путешествии, как оно все больше и больше приносило ему удовлетворение, подтверждало его надежду на то, что во время этого путешествия ему откроются земля и люди, настоящее и прошлое.

* Об этом можно прочитать в книге Н. Калинина «Пушкин в Казани» (1942).

Портрет Е. А. Баратманского.
Гравюра Е. Скоттикова с рисунка К. Б.

Важным был, например, вопрос о том, кто и как противостоял Пугачеву, сопротивлялся ему, а кто с охотой или вынужденно переходил на его сторону.

Рассказ Бабина подтверждал и уточнял эти вопросы — над ними размышлял Пушкин, ответы на них уже находил в других источниках, еще в Петербурге, работая над архивами и книгами.

Сопоставление того, что записал Пушкин в Казани, с тем, что потом поместил в «Истории Пугачева», помогает лучше понять пушкинскую мысль.

«Пугачев с Арск.<ого> поля послал сволочь свою,—так начал запись Пушкин,—на 3-ю гору или на немецкое кладбище. Там находилась суконная слобода. Фабриканты (тут явно в смысле фабричные.— И. С.) разного были звания, стрельцы, мещане etc.—Иные в башмаках с пряжками, в шляпе на 3 угла etc».

В «Истории Пугачева» люд Суконной слободы охарактеризован несколько иначе: «Суконщики (люди разного звания и большею частью кулачные бойцы)...»

Опущены шляпы на три угла, то есть треуголки, и башмаки с пряжками. Почему? Очевидно, потому, что и то и другое — принадлежность зажиточных слоев: приказчиков, торговцев, верхушки Суконной слободы, в то время как основная масса состояла из более простого и небогатого люда — ткачей, прядильщиков, скребальщиков и рабочих других профессий.

Именно они, как это ни покажется, быть может, странным, оказали на первых порах сопротивление Пугачеву. По записи со слов Бабина, «суконщики, ободряемые преосв.<ященным> Вениамином, хотели защищаться рычагами * и чем ни попало — но башкирцы зажгли слободу и бросились в улицы».

В «Истории Пугачева» после прерванной выше цитаты говорится о том, что, ободряемые архиереем Казани Вениамином, суконщики («кулачные бойцы»), «вооружились чем ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились к обороне».

Но пушку разорвало. На Шарной (третьей) горе Пугачев поставил свои пушки. «Слобода загорелась. Суконщики бежали. Мятежники сбили караулы и рогатки и устремились по городским улицам».

* Дубинами.

Прервем наши сопоставления. Характер картины из них вырисовывается с достаточной очевидностью. Пушкин решительно убирает из рядов активных участников короткого сражения зажиточную прослойку Суконной слободы и вслед за Бабиным не скрывает того, что суконщики в своей массе оказали сопротивление Пугачеву.

Но, может быть, оказали не слишком решительно? Не проявили стойкости, усиливаемой убежденностью в том, что они делают необходимое, нужное *им* дело?

В официальной «сентенции» 1775 года, где давалась характеристика казанских событий, было заявлено, что Казань пала «изменою суконщиков». Пугачев не случайно шел в Казань через их слободу.

Если это так, Пушкин по каким-то соображениям как бы затушевывал полную правду.

По каким? Может быть, не хотел бросать тень на нынешнее поколение жителей Суконной слободы? Ведь они продолжали работать на суконной мануфактуре Осокина и продолжали *бунтовать*.

Положение на фабрике и в слободе к моменту приезда Пушкина было достаточно сложным. Пушкин скорее всего не хотел слишком откровенным рассказом о приверженности бедных людей Суконной слободы Пугачеву повредить им в глазах начальства. Он сделал как бы обобщение поведения бедноты Казани, внося суконщиков в общие скобки: «Народ, пригнанный в лагерь, поставлен был на колени перед пушками (кстати, характерно и это «перед пушками», взятое у Бабина.— *И. С.*)... Им объявили прощение... Потом спрашивали: кто желает служить государю Петру Федоровичу? — Охотников нашлось множество».

Это — народ со всего города, а не только из Суконной слободы.

В начале 30-х годов XIX века слобода была в полном смысле слова *мятежной* слободой. Доведенные до крайности эксплуатацией хозяев фабрики, суконщики добивались лучшей доли. Их усмиряли как *бунтовщиков*.

К их числу принадлежал и пушкинский собседник.

Пушкин не случайно не приводит его фамилию в основном тексте «Истории Пугачева». Нет ее и в примечаниях. Поэт понимал, что привлекать внимание

властей к конкретным представителям рабочей среды нельзя. Нигде в главе, включающей рассказ о казанских событиях, он не ссылается на источник своей информации по Казани. В первом примечании к этой главе он даже оспаривает правительственную «сентенцию», в которой говорилось об измене суконщиков: «Следствие доказало, что суконщики не изменили; напротив, они последние бросили оружие и уступили превосходной силе».

В своей предосторожности Пушкин оказался прав. В конце января 1837 года (обратите внимание на время — удивительное совпадение!) Бабин, так много сообщивший Пушкину, вместе с другими «зачинщиками и руководителями бунта», как было объявлено в официальном приговоре, был сослан на Ирбитскую фабрику*.

Пушкин ничего не знал о дальнейшей судьбе своего собеседника. Бабин, понятно, тоже ничего не слышал о том, что в эти дни конца января 1837 года разыгрывалось в Петербурге...

Нам так хотелось бы увидеть и услышать, как беседовали эти два человека! Как происходила встреча между великим поэтом и представителем немногочисленной тогда в России рабочей братии. Все ли время они сидели в трактире? Записывал ли Пушкин сразу, следуя логике рассказа Бабина, или, боясь «спугнуть» собеседника, вызвать настороженность, а может быть, и враждебность остальных посетителей, не доставал тетради и лишь потом, вечером, вернувшись в дом Энгельгардта, записал все по памяти? Как выглядел этот трактир? Что было там, внутри? Мы ведь знаем лишь то, что это был *трактир*, что стоял он недалеко от фабрики, от церкви, что во время недолгой обороны слободы возле него была поставлена пушка, которую «разорвало с первого выстрела и убило канонира».

Мы, к сожалению, можем проникнуть за плотную завесу времени лишь настолько, насколько позволяют документальные источники тех лет.

Кроме них, этих пожелтевших, выцветших от времени бумаг, старинных журналов и фолиантов в кожаных переплетах, есть еще город. Он тоже свидетель про-

* Сведения об этом приведены в статье Я. Посадского (Н. Я. Агафонова) «Как добились себе воли казанские суконщики» // Первый шаг: Провинциальный литературный сборник. Казань, 1876.

шлого. Но город так изменился... Правда, стоит на месте длинный корпус суконной фабрики, заслоненный высокими деревьями, которые высажены вдоль тротуара по бывшей Георгиевской улице. В бывшей церкви, перестроенной до неузнаваемости, — театр кукол. Улицы нимало не напоминают те, начала прошлого века. На них много домов старых, но все они явно более поздней постройки — основательные, каменные, подчас несуразные дома разбогатевшего мещанского, купеческого, чиновного люда конца прошлого — начала нынешнего столетия. Дома в основном двухэтажные. Есть, разумеется, и современные дома. Георгиевская улица — ныне Свердлова — заасфальтирована, по ней бегают троллейбусы...

Как тут отыщешь место, где стоял трактир под названием «Горлов кабак»? Он был так странно назван потому, что собиравшиеся в нем суконщики любили пошуметь, поспорить, да не шепотом, а в полный голос, брали в разговор, как говорится, горлом.

Не узнал бы теперь Пушкин и третьей, или, как ее еще называли, Шарной, горы, откуда пугачевцы обстреливали из пушек город.

Туда он поехал после разговора с Бабиным.

Теперь и не поймешь, что это *гора*: все застроено, стоят большие дома, растут высокие деревья.

Тем не менее места эти *пугачевские, пушкинские*. Воображение все время воссоздает старую обстановку. Память подсказывает строчки из коротенького письма Пушкина, написанного в Казани:

«Здесь я возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

Казань в то время была больше Нижнего. «Город так велик, — писал путешественник, — что по объему не уступит Вене, но так раскинут по холмам и долинам, что в самом городе есть площади, напоминающие степи».

Воспринимать город, конечно, можно было по-разному. В этом убеждаешься, читая из-

Из «Казанской записи» Пушкина, сделанной со слов В. П. Бабина:
«Народ, пригнанный в лагерь Пугачева, поставлен был на карачки перед пушками, бабы и дети подняли вой. — Им объявили прощенье государево. — Все закричали ура! и кинулись к его ставке. — Потом

дававшийся казанскими любителями словесности, наук и художеств журнал «Заволжский муравей»*.

В октябрьском номере журнала за 1833 год печаталось «Послание Лизе из деревни в город». Оно принадлежало перу известной в Казани сочинительницы стихов и прозы Александры Фукс. Там были, например, такие строчки, выражавшие ничем не омрачаемый взгляд на окружающий мир:

*Солнце светит здесь так ясно,
Мир и радость в душу льет...*

*Также роза здесь алеет,
По полям цветы везде,
И садовник здесь не смеет
Запрещать расти траве.*

А на соседних страницах помещена «Записка о причинах, по которым Казань принадлежит к городам, здоровью не благоприятствующим», составленная инспектором Казанской врачебной управы Тиле.

Это была суровая проза.

Инспектор утверждает, что «число умерших в нашем городе значительно превышает число новорожденных». Одна из причин тому — ужасающая грязь. Первый раздел «Записки» так и озаглавлен: «Нечистота города». Отчего же она происходила? Читаем: «Нечистотам сим с некоторых улиц не доставляется стока, с других же оне за город не вывозятся, рытвины на улицах, ложбины и овраги наполняются навозом и другими удобно-гниющими веществами». А про один из главных источников водоснабжения, озеро Кабан, лежащее в самом городе, было сказано: «В зимнее время на Кабан свозят всякого рода нечистоты, которые при вскрытии вод в него погружаются»**.

Тиле требовал очистить воды Кабана, требовал по-

* В библиотеке Пушкина сохранился оттиск из «Заволжского муравья» за 1834 год с очерком «Поездка из Казани в Чебоксары Александры Фукс» с надписью автора: «Александрю Сергеевичу Пушкину».

** Заволжский муравей. Казань. 1833. № 19. С. 1084; 1184.

«...спрашивали: кто хочет в службу к
гос. (ударю) Петр(у) Фед. (оровичу). —
Охотников нашлось множество. — Против
Шарной горы у Горлова кабака постав-
лен(а) была пушка. — Пугачев к горе по-
дошел лесом и, рассыпавшись по Арско-
му полю и по третьей горе, ворвался в
Казань».

Казань. Литография с рисунка Э. Турнсфельд. 1839

лицейского надзора за чистотой (который, значит, отсутствовал), требовал очистных устройств для воды, «пропуская ее через хрящ и уголь и тому подобные вещества, как сие делается в малом виде в частных домах и как поступают в Париже с водою реки Сены...»*.

Вот и еще один европейский город в связи с Казанью. После Вены — Париж. Нелицеприятный был господин этот, Тиле. Немец, наверное, оттого и ратовал за чистоту... А как же высшее начальство, губернатор? Не забудьте — город-то не какой-нибудь, а губернский, университетский, административный центр огромного края.

Губернатор генерал-адъютант С. С. Стрекалов, можно не сомневаться, в своем доме на Воскресенской улице очищал воду «в малом виде», в потребных ему и его семейству количествах.

* Заволжский муравей. Казань. 1833. № 19. С. 113б.

Пушкин, кстати, вряд ли нанес ему визит. О Стрекалове в письмах жене поэт не упоминает. Со Стрекаловым он имел не очень приятные встречи в Тифлисе в 1829 году, когда тот губернаторствовал там. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин язвительно отозвался об этом вельможе*.

Губернатор мог потребоваться ему, если бы Пушкин захотел порыться в архивах Казани, но архивы сгорели в 1815 году.

За городом губернатор смотрел плохо. Если в Нижнем, как писал Пушкин, «улицы широки и хорошо мощенные», то Казань славилась не только широченными площадями (скорее — незастроенными пространствами), но и непролазной грязью на этих площадях и улицах.

Справедливости ради надо сказать, что Стрекалов начал мостить город.

Очевидцы рассказывали: грязь бывала такой, что в ней намертво увязали тарантасы. Лошадей приходилось отпрягать и оставлять экипажи зимовать посреди улицы. Лишь на следующий год, весной, вмерзшие в грязь экипажи оттаивали, и уже летом, когда все высохло, их высвобождали.

Пушкину везло. «Погода стоит прекрасная,— сообщал он в казанском письме,— чтоб не взглянуть только. Надеюсь до дождей объехать все, что предполагал видеть....»

В Казани его преследовала не грязь, а пыль, да мало радости представляло зрелище улиц, про которые писал инспектор врачебной управы. Но Пушкин не сосредоточивался на этом. Его влекли картины иного рода, в первую очередь то, что

Из дела «О учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного советника Пушкина»:

«30 окт. 1833 г. Нижегородскому Воспоминанию губернатору.
На отношение Вашего превосходительства от 9 сего октября за № 338 имею честь уведомить, что известный поэт — Титулярный Советник Пушкин, за последним его сасдовало учредить полицейский надзор, прибыл в Казань 6 сентября и выехал из оной в Оренбург 8-го числа того же месяца».

Русская старина. 1882. № 1

* «Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слути так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт поберни тифлисского гастронома!» (из второй главы «Путешествия в Арзрум»)

Одно из красивейших зданий Казани — Петропавловский собор (1723—1726), построенный в честь посещения Казани Петром I в 1822 году

Решетка Петропавловского собора

помогало прозревать насыщенное драматическими событиями лето 1774 года.

Проводив Баратынского, Пушкин поехал по Сибирскому тракту к деревне Троицкая Нокса.

Дорога шла через Арское поле. Отсюда наступали на город пугачевские отряды. Здесь же через день, 15 июля 1774 года, они были разгромлены подошедшими на помощь Казани правительственными войсками под командованием Михельсона*.

В Троицкой Ноксе короткое время располагался лагерь Пугачева.

Отсюда, с высокого берега Казанки, хоро-

* В примечаниях к «Истории Пугачева» Пушкин пишет об этом генерале: «Михельсон в глубокой старости сохранял юношескую живость, любил воинские опасности и еще посещал передовые перестрелки».

шо был виден город. Он лежал примерно в девяти верстах.

За Казанкой расстилались луга. Среди них были рассыпаны хаты окрестных деревень — Савинова, Сухой Реки, Караваева. Туда после проигранного сражения отступал Пугачев. Левее, на крутом берегу Казанки, зеленели сады, в них проглядывали дома Казани, виднелись церкви, минареты мечетей, белели стены и башни кремля. В противоположной стороне уходил на северо-восток Сибирский тракт.

Пушкин стоял возле Троицкой, или, как ее еще называли, Савиновской, мельницы. Мельница существовала при Пугачеве, а в то время, когда к ней ездил Пушкин, принадлежала казанскому купцу Крупеникову.

Пушкин рисовал в своем воображении картину захвата пугачевцами Казани и трех последовавших затем сражений их с войсками Михельсона, о чем так сжато и выразительно потом написал в седьмой главе своей книги.

Потом Пушкин поехал в кремль.

Кремль был последним оплотом оборонявшихся казанцев. Когда «мятежники, — читаем в пушкинской «Истории Пугачева», — сбили караулы и рогатки и устремились по городским улицам», «жители и городское войско, оставя пушки, бросились к крепости, как к последнему убежищу».

В ней и под ее стенами разыгрывались события, уместившиеся в один драматический день.

Пугачев поставил свои батареи у гостиного двора, за церквями, у Триумфальных ворот и принялся бомбардировать крепость, особенно Спасский монастырь, «занимающий ее правый угол, у коего ветхие стены едва держались».

Крепость загорелась. «Вдруг Пугачев приказал им (осаждавшим. — И. С.) отступить и, зажегши еще несколько домов, возвратился в свой лагерь».

«В сию минуту, — пишет далее Пушкин, — часть одной стены с громом обрушилась и подавила несколько человек. Осажденные, стеснившиеся в крепости, подняли вопль, думая, что злодей вломился и что последний их час уже настал».

Но «злодей» уехал по направлению к Троицкой Ноксе.

С решающим штурмом крепости он не спешил: знал, что она долго не продержится.

В крепости в ту ночь «никто не спал. С рассветом жители спешили взойти на крепостные стены и устремили взоры в ту сторону, откуда ожидали нового приступа. Но вместо пугачевских полчищ с изумлением увидели гусаров Михельсона...»

Казанцы не знали, что еще «накануне Михельсон в семи верстах от города имел жаркое дело с Пугачевым и что мятежники отступили в беспорядке».

Так закончилась короткая, но бурная эпопея захвата Пугачевым Казани.

Она долго не могла оправиться. Крепость и во время пушкинского посещения хранила следы обстрела — в стенах выбитые ядрами каверны, обрушившуюся часть стены справа от Спасской башни так и не восстанавливали. Казалось, что бомбардировка крепости была совсем недавно. Никому не было дела до того, как она выглядит.

Внутри жизнь шла полным ходом. Народ сновал между построек, а их тут было много — монастырь, Присутственные места гражданского управления губернией, Благовещенский собор, заложенный Иваном Грозным в день его въезда в пороченную Казань...

Конечно, привлекла к себе Пушкина и сложенная из красного кирпича башня Сююмбеки, которая получила свое имя от одной казанской царицы. Башня была высокой, не меньше тридцати пяти сажен высоты, ни на что не похожей среди кремлевских построек. Ее название и весь ее вид наводили на мысль, что она осталась от времен Казанского царства, что, возможно, ее перестроили из минарета стоявшей некогда близ нее главной городской Муралеевой мечети... Но не было теперь и мечети — на ее

Казань основана в XIII веке; с XIV и до середины XV была столицей Казанского царства; покорена Иваном Грозным в 1552 году. О Казани, близкой пушкинской эпохе, можно почерпнуть сведения из книги Дмитрия Зиновьева «Топографическое описание города Казани и его уезда», изданной в Москве в 1788 году. Там приведены такие сведения: в городе свыше сорока церквей, четыре монастыря, четыре мечети, четыре училища, гимназия, батальонная школа для солдатских детей, богадельня, училище татарского и турецкого языка. На территории кремля размещались провиантские магазины и соляные амбары, артиллерийский арсенал, гостиный двор, гауптвахта, присутственные места, духовная консистория. Заводы в городе были такие — восемнадцать мыльных, тридцать девять кожевенных, одна суконная фабрика, две кумачные, одна позументная. Любопытен социальный состав. Цифры

месте стояла Дворцовая церковь, и никто не мог сказать Пушкину, когда и при каких обстоятельствах построили эту башню, немало повидавшую на своем веку.

Внизу, в арочном проходе башни, гулял ветер, тащил сор, листья, пыль и уносил все это вниз по замощенному спуску, к воротам в Тайницкой башне.

Благовещенский собор напомнил Пушкину псковские храмы. Он и строился псковскими мастерами Иваном Ширяевым и Постником Яковлевым. Да и вся крепость возводилась мастерами из Пскова.

Рядом с собором размещалось здание Губернской канцелярии. В его подвалах, которые именовались в народе Черной тюрьмой, осенью 1772 года держали Пугачева. Еще ничто, казалось, не предвещало грозных событий следующего года, но власти арестовали его за подстрекательство яицких казаков к сопротивлению и даже уведомили о том государственную Военную коллегию.

Пугачев бежал. Пушкин и об этом писал в своей «истории». «Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников», а между тем «сообщники его не

дремали. Однажды он, под стражею двух гарнизонных солдат, ходил по городу, для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачев, подошед к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из городу». Второй раз появиться в крепости возле Губернской канцелярии в ином качестве — царя Петра III — Пугачев не смог.

В самой канцелярии, по всем приметам, по-прежнему существовала тюрьма. Маленькие, забранные решетками окна возле самой земли не оставляли в этом сомнений.

У Пушкина был и «фамильный» интерес к крепос-

такие: «господ генералитетов, штаб-и обер-офицеров, обязанных должностями служения» — 110. «приказнослужителей», т. е. чиновников, — 150, купцов — 561, мещан — 956, «цеховых» — 821, дворовых людей — 756, мастеровых и рабочих людей при суконной фабрике — 1394. Воспоминаний насчитывалось свыше двух тысяч человек — больше, чем татар, проживавших в двух слободах.

Некоторые сведения о ценах — по «газете промышленности» «Северный муравей» (1833. № 6. апрель).

Сахар-рафинад — 34,5 рубля за пуд, ма-ло прованское — 40,5 рубля за пуд, рожек — 15 рублей за четверть, овес — 9 ру-блей, полотно парусное «лучшее» — 60 ру-блей за кусок, шампанское продавалось по сорта, а мадера шла от 6,5 до 13 рублей за пинну. Пипа — заграничная мера, от соро-ка до пятидесяти всдер.

ти: к инженерным работам в кремле привлекался его знаменитый предок Абрам Петрович Ганнибал...

На обед Пушкин поехал к своему знакомому (еще по Петербургу) — поэту и остроумцу на язык человеку Эрасту Петровичу Перцову.

*Портрет И. И. Михельсона.
Художник И. Пожалошин. Гравюра*

Тайницкая башня казанского кремля

Не исключено, что именно тогда Пушкин получил от Перцова в дар напечатанную в 1833 году его комедию «Андрей Бичев, или Смешны мне люди». Но даже если он получил ее раньше (она отпечатана в Петербурге), Пушкин ее читал: разрезанный* экземпляр ее сохранился в его библиотеке.

Эта комедия очень интересна, ибо показывает, с какими людьми Пушкин встречался в ту поездку.

В предисловии к своему сочинению Э. Перцов писал:

«Комедия, которой завязка основана ни на любви, ни на женитьбе, даже ни на волокитстве, комедия без запутанной интриги, без театральных эффектов, — словом, комедия, в которой нет ни одного из принятых,

* В старину книги брошюровались таким образом, что страницы надо было разрезать.

привычных условий для сочинений такого рода, — может с первого взгляда показаться странною» *.

Для того времени — да. Перцов взламывал традицию. Чтобы по достоинству оценить инициативу казанского ныне мало кому известного автора, стоит напомнить, что подобное новаторство в комедии в то время предпринял Н. В. Гоголь. Он работает над своей комедией «Женитьба», просит у Пушкина другого сюжета, пишет «Ревизора» и в «Театральном разезде после представления новой комедии» устами «второго любителя искусств» провозглашает: «Все изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывают драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы то ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь».

Гоголь закончил «Ревизора» в декабре 1835 года, а своеобразный комментарий к нему — «Театральный разезд» — в апреле — мае 1836 года. Перцов публикует свою комедию в тридцать третьем, *предвосхищая* Гоголя на поприще создателя комедии без «любовной интриги».

Он и А. И. Островского предвосхитил — его комедию «На всякого мудреца довольно простоты».

Сюжет «Андрея Бичева» — это, кажется, первый в русской драматургии вариант истории молодого человека, который ведет сатирические зарисовки окружающих его людей, а затем попадает впросак с этими замечками. Тетрадку с его «пасквилом и на вас, и на меня, и на всех нас» находит его приятель Крахмалин (смахивающий на пушкинского «перекрахмаленного нахала»). У героя и фамилия соответствующая — Бичев — от бича (естественно, Ювеналова). И он не хуже Глумова из пьесы Островского весело глумится над разными монстрами из дворянской среды.

Вообще эта пьеса вызывает ряд ассоциаций. И прежде всего даже не с Гоголем и Островским, а с Грибоедовым. Если в выборе сюжета и конфликта Перцов был независим, то стихи его комедии явно воспламенены стихами «Горя от ума».

* Андрей Бичев, или Смешны мне люди. Комедия. Сочинение Эраста Перцова. СПб., 1833. С. IV.

Судите сами. Вот отрывок из монолога приятеля Бичева Брагского, который убеждает главного героя писать комедию:

*Но, впрочем, виноват служить хоть сердцу больно,
Да в люди хочется! Порядок уж такой,
Хоть чином вверх возмешь, когда не головой,
И о душе по чину спросят.*

*По крайней мере я, конечно, не из тех
Которые Правительство поносят —
Что даже вчуже слушать грех —
А сами, кланяясь, чинов да пенсий просят.*

Один из объектов бичевской сатиры, барон фон Габенихтс, недоумевает:

*Не знаю, почему меня он замешал!
Я принят в общества; держу себя так строго;
Приличий никогда ни в чем не нарушал.*

Так и хочется продолжить: «Не по летам и чин приличный — не нынче-завтра генерал».

А сам Бичев в защиту своей юмеди произносит слова, в которых слышится отголосок эрцей Чацкого:

*Комедия должна осмеивать пороки,
Без исключения врагов, родных, друзей,
И подавать невежеству уроки,
Не думая об именах людей.*

Вот с каким человеком, с автором такой, бесспорно, талантливой комедии Пушкин встретился днем 7 сентября на обеде в его доме.

Современник сохранил любопытную деталь самого начала визита Пушкина в дом Перцова на углу улиц Рыбнорядной и Малой Проломной (ныне Профсоюзная). Младший брат Перцова Платон Петрович Перцов, который тоже присутствовал на обеде, вспомнил, что, «приехав на обед и раздевшись в передней, Пушкин хотел было войти в соседнюю столовую, но остановился, увидав, что она полна народу, попятился назад и настолько смутился, что попытался даже уехать. Оказалось, что, по условию с Эрастом Петровичем, на обеде не должно быть никого, кроме семейных, и Пушкин приехал в домашнем костюме (...) Выяснив обстоятельства, Пушкин успокоил-

ся и вошел в зал. После обеда поэт и Эраст Петрович сели играть в шахматы*.

На обеде был и К. Ф. Фукс.

Можно предположить, что прошел он оживленно, говорили и о литературе, и о Пугачеве, и о прочих серьезных материях, которые могли интересовать хозяина дома и его гостя. Возможно, говорили о комедии Эраста Петровича. Возможно, даже затрагивали опасные темы. Не случайно в следующем году на Перцова поступил донос Бенкендорфу. Эраст Петрович обвинялся в том, что привез в Казань «множество запрещенных книг, старается всячески давать читать студентам и прочим, свел дружбу с поляками...» (то есть с сосланными в Казань после разгрома польского восстания 1830 года), что у него в доме беспрестанно можно слышать «непозволительные и дерзкие выражения, разного рода пакости».

Казань. Башня Сююмбери и Благовестенский собор (1552—1561) на территории кремля

Кто-то, значит, из местных фон-габенихтсов был вхож в этот дом и очень недоволен тем, что там слышал...

В шесть часов вечера Карл Федорович Фукс повез Пушкина к себе и там представил своей жене. В момент их знакомства Пушкин *якобы* сказал Александре Андреевне Фукс «следующие ласковые слова»: «Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы нас познакомили заочно, а Баратынский еще более».

Слово «якобы» выделено не случайно. Пушкин сам признавал необходимость осторожности в обращении с доходящими до нас «преданиями». «Что касается до преданий,— писал он,— то если оные с одной стороны драгоценны и незаменимы, то с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой проверки и осмотрительности»**.

* 30 дней. 1937. № 2. С. 79—80.

** Из статьи Пушкина «Об «Истории пугачевского бунта»».

Да, свидетельства госпожи Фукс драгоценны. У нас нет других казанских воспоминаний, где была бы сделана попытка не только внимательным образом вспомнить все, что происходило на глазах очевидца, но и воспроизвести прямую речь поэта.

Будем поэтому снисходительны к некоторым преувеличениям Александры Андреевны Фукс в харак-

Казань. Дом Э. П. Перцова

теристике пушкинского отношения к ней самой и в особенности к ее стихотворным опытам.

Но сначала, прежде чем на весь вечер задержаться в гостеприимном доме Фуков, вместе с самим Фуком и Пушкиным съездим ненадолго к казанскому первой гильдии купцу, владельцу Троицкой мельницы Л. Ф. Крупеникову.

Он-то и был одним из тех «стариков», которых Пушкин упоминает в письме к жене. Может быть, даже единственным. Был ли Бабин — «старик», мы все-таки не знаем, и с ним Пушкин не «возился». Он возился именно с Крупениковым, рассчитывая получить и от него ценные сведения, но так их и не получил.

Однако встреча с этим купцом оказалась тоже весьма полезной. Она укрепляла оценку Пушкиным некоторых закономерностей в поведении различных слоев населения, вовлеченных в водоворот пугачевской войны.

Крупеников был богач, миллионер. Его дом помещался напротив величественного здания университета *. В юности его, купеческого сына, взяли в плен пугачевцы. Случилось это в Казани. В плену молодой купчик пробыл недолго, всего-то день или чуть больше, но страху набрался на всю жизнь. Страху и злобы к тем, кто едва не лишил его жизни, пограбил имущество да и вообще выразил презрение ко всей его купеческой сущности. Ничего, кроме неумирающей злобы, нельзя было добиться от этого бодрого еще на вид старика. Он помнил только то, как его схватили казаки, как повели в лагерь к Троицкой Ноксе, как он боялся, что всякую минуту его могут убить. В его глазах загорелся огонек страха и ненависти, словно отсвет того беспощадного пожара, который шестьдесят лет назад уничтожил добро его родителей.

А Пушкину уже тогда, и в разговоре с этим перетрусившим когда-то купцом, и раньше, в разговоре с другим человеком; с Бабиным, и в безмолвном общении с городом виделось иное, что потом запечатлелось на страницах книги:

«Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летели в крепость и зажгли несколько деревянных кровель <...> К вечеру буря утихла, и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и здела во мраке».

Крупеников не хотел и не мог передать Пушкину живые заметки о тех днях, сосредоточившись на себе. Но его чувства открывали и подтверждали многое в поведении тех, кто боялся и ненавидел «народного царя».

Пушкин сидел в богато обставленной комнате, видел перед собой старого человека. За окнами (или за окном) белела в сумраке парадная колоннада университета, зеленела его кровля...

Мы можем соприкоснуться с тем, что встретил поэт в доме казанского миллионера. Жизнь вещей прихотлива и подчас складывается так, что они це-

«Я имел счастье видеть этого знаменитого поэта в моем доме и провести несколько приятнейших незабываемых часов в беседе с ним. Он желал получить от меня некоторые сведения о пребывании Пугачева в Казани».

К. Ф. Фукс... журнал «Русский вестник».
1875. Т. II

* Дом купца Л. Ф. Крупеникова не сохранился.

*Портрет И. Ф. Крупеникова.
Художник Р. Р. Стулин. Акварель. гуашь. 1837*

лыми и невредимыми доходят до нас, помогая ощутить прошедшее время и его людей.

Во Всесоюзном музее Пушкина в Ленинграде хранятся напольные часы английской фирмы «Дрюри», круглый преддиванный стол и раскидной диван из красного дерева с тумбочками-этажерками. Все это — из того казанского дома купца Крупеникова. Не исключено, что Пушкин слышал бой этих часов. А на круглый стол прислуга подавала самовар, и старик купец потчевал гостя чаем, предлагая сухарики в серебряной сахарнице. Она тоже сохранилась...

По свидетельству А. А. Фукс, пробыл Пушкин у Крупеникова часа полтора. Значит, вернулись в дом Фуков Пушкин и Карл Фукс часов в восемь вечера.

Фукс был ученым немцем. Он приехал в Россию в начале века молодым доктором медицины Геттин-

генского университета. Кроме врачебной практики занимался естественными науками, историей, археологией, этнографией, нумизматикой, языковедением. Состоял членом «Общества любителей отечественной словесности», ну и, разумеется, являлся профессором Казанского университета. Правда, за два месяца до приезда в Казань Пушкина Фукс вышел в отставку и перестал читать лекции студентам*. Дом его, известный всей Казани, представлял собою настоящую кунсткамеру вкуче с обширной библиотекой, которая размещалась на двух этажах и антресолях вместе с собранием рукописей, бабочек и картинной галереей.

Госпожа Фукс была моложе мужа лет на тридцать**, но между супругами царило редкое согласие, а может быть, и любовь. Во всяком случае профессор был влюблен в свою жену и восхищался ее литературными талантами.

Пушкин попал в объятия их ласкового и, кажется, неназойливого внимания.

Когда вернулись от Крупеникова, Пушкин у подъезда благодарил Фукса (слова поэта, разумеется, идут в передаче Александры Фукс): «Как вы добры, Карл Федорович, как дружелюбно и приветливо принимаете нас, путешественников!.. Для чего вы это делаете? Вы теряете вашу приветливость понапрасну: вам из нас никто этим не заплатит. Мы так не поступаем: мы в Петербурге живем только для себя»***.

Окончив говорить, утверждает А. Фукс, Пушкин так сильно сжал руку профессору, что «несколько дней на ней были знаки от ногтей. Пушкин имел такие большие ногти, что мне, право, они показались не менее полувершка».

* Один из них, будущий писатель С. Т. Аксаков, оставил о своем профессоре прелюбопытнейшие воспоминания, посвятив ему несколько страниц в очерке «Собрание бабочек». Оказывается, юный студент и «ординарный профессор натуральной истории» были завзятыми любителями бабочек. Фукс жил тогда, в 1806 году, возле Арского поля. Надо полагать, что и в его новом доме на нынешней улице Г. Камала Пушкин видел ту же, но еще более богатую коллекцию.

** В. Вересаев в книге «Спутники Пушкина» называет годом ее рождения 1805-й; в книге «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» (1974) год ее рождения «передвинут» к 1810-му. Годы жизни К. Фукса — 1776—1846.

*** Воспоминания А. Фукс цитируются по книге «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» (М., 1974. Т. 2).

*На круглом столе, рядом с книгами — серебряная
сухарница, принадлежавшая куцу Л. Ф. Крупеникову*

Иллюстрация: часы, принадлежавшие казанскому купцу
Ф. Крутикову

Она все-таки впадает в некоторые преувеличения, госпожа Фукс,— «несколько дней», «не менее полувершка», то есть больше двух сантиметров. Но простим ей это. Она — очарованный поэтотопиписец в тот долгий сентябрьский вечер 1833 года в гостеприимной Казани.

У подъезда, где Пушкин сжимал руку Фукса и произносил добрые слова, появился посланец от больного. Фукс хотел было отказать ему, но Пушкин решительно воспротивился этому. Профессор отправился выполнять свой врачебный долг, а Пушкин поднялся в дом.

Дадим слово опять Александре Фукс: «Я осталась с моим знаменитым гостем одна и, признаюсь, не была этим довольна. Он тотчас заметил мое смущение и своею приветливою любезностью заставил меня с ним говорить, как с коротким знакомым».

Затем, как утверждает Фукс, Пушкин просил показать стихи, написанные ей в альбом Баратынским, Языковым и Ознобишиным*.

А. Фукс, несомненно, гордилась этими стихами и сама заговорила о них. Иначе откуда Пушкину было знать, что стихи *этих* поэтов есть в ее альбоме?

«Стихи на случай сохранились» — стихи Языкова. Вот они, прелестный образец «светской» лирики, которой грешили многие тогдашние поэты:

*Завиден жребий ваш: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли, в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов...*

* Д. П. Ознобишин (1804—1877)—поэт и переводчик с восточных языков.

Поэты подчас были вынуждены писать «преlestным» дамам подобные стихи. Не избежал своей «участи» и Языков. Баратынский писал из Казани П. Киреевскому: «Прошу его (Языкова.— *И. С.*) пожалеть обо мне: одна из здешних дам, женщина степенных лет, не потерявшая еще притязаний на красоту, написала мне послание в стихах без меры, на которое я должен отвечать» *.

Казанский университет.
Художник В. Турин. Литография

И ответил — некуда Евгению Абрамовичу было деться. Пушкин высказался об этом — увы — со всей прямою, невзирая на любезность и гостеприимство хозяйки: «Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений. Я так и ждал, что принужден буду ей написать в альбом — но бог помиловал...»

Это из письма жене.

Все же А. Фукс робела перед Пушкиным и не осмелилась в тот вечер попросить его стихов в свой альбом. Зато, когда на следующее утро, встав в пять часов утра, она сочинила стихи «На проезд Александра Сергеевича Пушкина через Казань» и послала их ему... Впрочем, последовательность событий растянулась во времени. А. Фукс стихи сочинила («без меры», как их назвал бы

* Цит. по: *Пушкин А. С. Письма к жене*. Л., 1986. С. 144.

Баратынский) и отослала Пушкину, но тот уже из Казани уехал; «он уехал на рассвете в Оренбург, а ко мне оставил письмо». Действительно, оставил — любезное, светское письмо, в духе тех писем, которых немало у Пушкина. Фукс послала стихи в Петербург*, на сей раз приписав, что «ласкает себя надеждою иметь удовольствие читать ответ». Но Пушкин ограничился *прозой*: через два года он прислал ей своего *Пугачева*.

События же в тот вечер в отсутствие Карла Фукса развивались по поэтической стезе. Если верить А. Фукс (а почему бы ей и не верить?), Пушкин просил ее «непреренно прсчитать стихи» ее сочинения. И вот тут-то Пушкин попался. Милая хозяйка только и ждала, чтобы ее попросили прочесть стихи собственного сочинения. А Пушкин еще не представлял, что это за стихи.

Из всего, что ею в ту пору было написано, А. Фукс выбрала наименее удачное и наиболее длинное: «Я прочла сказку «Жених», и он, слушая меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероятно, из любезности, несколько раз останавливал мое чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторить и прочитывал сам».

Она все же трогательна в своей наивности, милая, возможно, даже очаровательная госпожа Фукс, провинциальная поэтесса. В том, что она поэтесса, она не сомневается: «...музы нас познакомили заочно». Это ведь ей сказал сам Пушкин при знакомстве; и как не принять эти любезные слова великого поэта за чистую монету?

Что касается выбора одного из самых утомительных стихотворений, то, возможно, было так: А. Фукс стала перелистывать тетрадь или альбом со своими стихами и называть их заглавия, а Пушкин мог сам остановиться на «Женихе», вспомнив свою одноименную «простонародную сказку», написанную давно и напечатанную в 1827 году в «Московском вестнике».

У А. Фукс тоже была «сказка».

Сказка об идеальной любви полковника Милона и Прелесты и о том, как в боях его лицо было

* В библиотеке Пушкина сохранилась книга «Стихотворения Александры Фукс» (Казань. В университетской типографии, 1834). На книге дарственная надпись: «Его высокоородию Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину от Сочинительницы». Стихи, посвященные Пушкину, — это длинейшая, в духе дурного романтизма аллегория. Можно представить, как все это «поправилось» Пушкину.

изувечено, а невеста не захотела узнать и признать обезображенного жениха. Папенька ее обрчдвался такому обороту, ибо верный и храбрый Милон не был богат. «Так вы не сердитесь?» — спросил старик Милона, передав ему отказ дочери. «О, нет! — ответил благородный полковник, —

*Напротив, весь я в восхищеньи;
Ах, откровенность я всегда боготворю,
И в свете нынчим она есть удивленье;
Так за нее я вас и дочь благодарю».*

Заканчивается эта нравоучительная история такой сентенцией:

*Не правда ли, такой конец
Всем должно взять за образец?
Все кончилось без приключений,
Без романтических притворных огорчений.*

Можно представить, каким взором взглянула хозяйка на поэта, закончив свое чтение! Можно представить, какую выдержку и архисветскость проявил Пушкин, не только слушая эту несусветную чепуху (даже по тому не расставшемуся еще окончательно с романтизмом времени), но и останавливая несколько раз «чтение похвалами», а «иные стихи» даже прочитывая сам.

Что у него в это время было на уме?

Возможно, он подумал о том, что все это стихонаваждение сам себе напророчил — еще в «Евгений Онегине», когда вспоминал себя, свою ссылку и то, как он читал в том уединении свои стихи:

*Но я плоды моих мечтаний
И гармонических запев
Читаю только старей няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в узлу...*

Из воспоминаний А. А. Фукс:
«...Он начал меня расспрашивать о нашем семействе, о том, где я училась, кто был мой учитель; рассказывал мне о Петербуре, о тамошней рассеянной жизни и несколько раз звал меня туда приехать; «Приезжайте, пожалуйста, приезжайте; я познакомлю с вами жену мою; поверьте, мы будем уметь отвечать вам за газангодичность».
Полом разговоры наши были гораздо откровеннее; он много говорил о духе нынешнего времени, о его влиянии на литературу, о наших литераторах и поэтах, о каждом из них сказал мне свое мнение и наконец присавил: «Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами».

Фукс терзала поэта вполне серьезно. Иронии она не допускала. Иронией наслаждаемся мы у Пушкина. Мы догадываемся, о чем думал он, когда его *душили* в углу сказочкой о Прелесте и Милоне-полковнике.

Кроме строк «Евгения Онегина» у нас свидетельство из пушкинского письма жене. О своем пребывании в Казани он сообщал через четыре дня после отъезда:

«Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings * сорокалетней, несносной бабе с вощенными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чем не бывало».

Натали должна была сочувствовать мужу — она-то хорошо знала, каково ему выслушивать двести (Пушкин не преувеличил) плохих стихов (будь они хорошие, он бы не утаил). Попутно она, то есть Натали, могла быть совершенно спокойна насчет отношения мужа к этой «бабе» — сорокалетней, с вощенными зубами и с ногтями в грязи. Тут, надо признать, Пушкин бестрепетно приносил свою казанскую обожательницу в жертву ревности Натали Николаевны.

Между тем в доме на углу Владимирской и Поперечно-Тихвинской улиц, в гостиной второго этажа под куполом **, беседа развивалась своим чередом. Пушкин удовлетворился одним стихотворением хозяйки и стал расспрашивать ее о том, где она воспитывалась, училась и т. д. Выслушивал, в отличие от стихов, не без интереса. Александра Андреевна родилась в семье казанского городничего Апехтина, была небогата, за немолодого профессора вышла замуж отнюдь не по любви; ей, как и Тане Лариной, «все были жребии равны»... Родным дядей ей приходился

После ужина Пушкин опять пошел ко мне в кабинет. Пересматривая книги, он раскрыл очинения одного казанского профессора видав в них прозу и стихи, он опять закрыл книгу и, как бы с досадою, сказал: «О, эта проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельностью, я бы для прозы не обмывал пера в чернильницу...» Он просидел у нас до часу и простился с нами, как со старыми знакомыми; несколько раз обнял моего мужа и, кажется, оставил нас не с притворным сожалением, сказавши прощания: «Я никак не думал, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустного прощания; но мы в Петербурге увидимся»»

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 218—221

* Синий чулок (англ.), у Пушкина — множественное число — синие чулки.

** На доме Фуков был купол, который не сохранился.

Гаврила Петрович Каменев, лицо, Пушкину хорошо известное: поэт екатерининской эпохи, его стихотворную повесть «Громвал» издал Жуковский, она была ему близка...

А. Фукс даже приводит слова Пушкина о нем, сказанные ей тогда: «Этот человек достоин был уважения; он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти: этот человек много бы сделал, ежели бы не умер так рано» *.

Затем, уже около десяти вечера, воротился Карл Фукс, а с ним приехал и Эраст Перцов. Разговор продолжился. За ужином говорили о магнетизме. Пушкин убеждал хозяйку, что онный существует. Она не соглашалась. Она не верила, что силою взгляда можно заставить человека «оборотиться» и посмотреть на вас.

Однажды она очень желала, чтобы на нее посмотрели; но тот, «кто не хотел смотреть, не взглянул ни разу». Ее ответ рассмешил Пушкина. «Неужели это с вами случилось? — спросил он. — О нет, я этому не поверю; прошу вас, пожалуйста, верьте магнетизму и бойтесь его волшебной силы; вы еще не знаете, какие он чудеса делает над женщинами».

«Не верю и не желаю знать», — ответила Александра Фукс.

«Но я уверяю вас, по чести, — продолжал Пушкин, — я был очевидцем таких примеров, что женщина, любивши самую страстную любовью, при такой же взаимной любви, остается добродетельною; но бывали случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любивши, как бы невольно, со страхом, исполняет все желания мужчины, даже до самоотвержения. Вот это-то и есть сила магнетизма» **.

* Годы жизни Г. И. Каменева — 1772 — 1803. А. Фукс, конечно, вольно передает слова Пушкина; вряд ли в разговоре с нею он забыл, к примеру, о Державине и Каменева назвал «первым» среди поэтов, кто «осмелился отступить от классицизма».

** Вспомним известные строки из восьмой главы «Евгения Онегина»: «А точно силой магнетизма» и т. д. Их, кстати, могла помнить и Фукс.

Из корреспонденции «Второй литературный вечер в доме К. Ф. Фукса»:

«...Хозяйка дома А. А. Фукс читала о пребывании А. С. Пушкина в Казани статью, любозытную по некоторым подробностям и которая может отнестись к числу материалов для его биографии. В дополнение к тому были прочитаны одним из посетителей несколько со- бственнооручных писем Пушкина к А. А.»

А. Фукс, видимо, была смущена этой темой. Она признается, что обрадовалась, когда разговор о магнетизме кончился. Как на него реагировал почтенный Карл Федорович Фукс, мы не знаем. Можно лишь догадываться. Все-таки ему было под шестьдесят, а его жене лишь за двадцать. Если, конечно, такой разговор состоялся. Впрочем, А. Фукс довольно точна в своих воспоминаниях. По времени она первая в мемуарах упомянула о том, о чем впоследствии писали и другие.

Это касается и предсказаний — второй темы, которую затрагивали в тот вечер.

Пушкин рассказал о случае, теперь широко известном, приключившемся с ним еще в Петербурге до южной ссылки*.

С. А. Соболевский пишет, что про этот случай Пушкин «любил рассказывать <...> в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в приметы»**. Суть этого сводится к тому, что гадалка Кирхгоф предсказала ему скорое получение денег, неожиданное предложение, что он дважды подвергнется ссылке, станет кумиром соотечественников и проживет долго, если на тридцать седьмом году его жизни «не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека <...>, которых и должен он опасаться»***.

Об этом же примерно пишет и А. Фукс; правда, у нее нет упоминания о том, что Пушкин прославится; об опасности слова гадалки у Фукс звучат по-другому: «Я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественной смертью...»

«Суеверие такого образованного человека ме-

свидетельствующих о его дружбе к нашей даровитой писательнице <...> и стихотворение на смерть Пушкина, соч. князя А. А. Долгорукого, в след за тем прочитанное самим автором вместе с некоторыми другими мелкими стихотворениями его же сочинения».
«Прибавление» к «Казанским губерским ведомостям». 1843. № 50. С. 321

* Об этом писал Л. Пушкин в «Москвитяине» в 1853 году; П. Барте-нев в «Московских ведомостях» в 1855 году; С. Соболевский в «Русском архиве» в 1870 году; А. Вульф в «Русской старине» в 1870 году. Но впервые об этом рассказала А. Фукс в своих воспоминаниях «А. С. Пушкин в Казани», напечатанных в «Казанском губерском вестнике» (в «Прибавлениях» к нему) № 2 за 10 января 1844 года.

** А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 5.

*** Там же. С. 6.

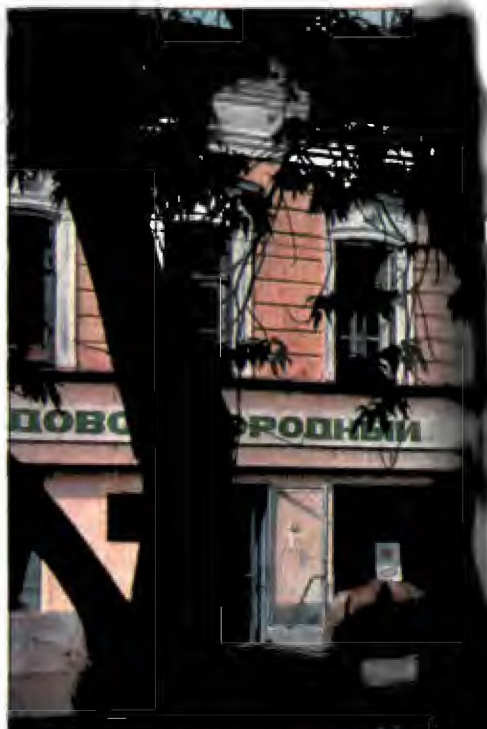
ня тогда очень удивило; я упомянула о том в первом письме из чебоксарской поездки, напечатанном в 1833 году»*.

Но все то, что так цепко запомнила и довольно подробно записала Александра Андреевна, было для самого Пушкина не главным. За ужином велся не более чем светский разговор. А вот до ужина и после него в беседе с Карлом Фуксом были затронуты важные для Пушкина темы. Они-то и касались непосредственно цели его поездки.

«Муж ее,— сообщал Пушкин жене после не слишком лестного пассажа о хозяйке дома,— умный и ученый немец, в нее влюблен и в изумлении от ее гения; однако он одолжил меня очень — и я рад, что с ним познакомился».

С ним — не с ней. Если бы это могла прочитать Александра Андреевна... Она-то свои воспоминания заканчивает на такой ноте: «До самого конца жизни, где только было возможно, он оказывал мне особенное расположение; не писав почти ни к кому, он писал ко мне несколько раз в год и всегда собственной своею рукою...»**

Не будем слишком суровы к казанской даме. Мы должны быть благодарны ей за то, что она сохранила

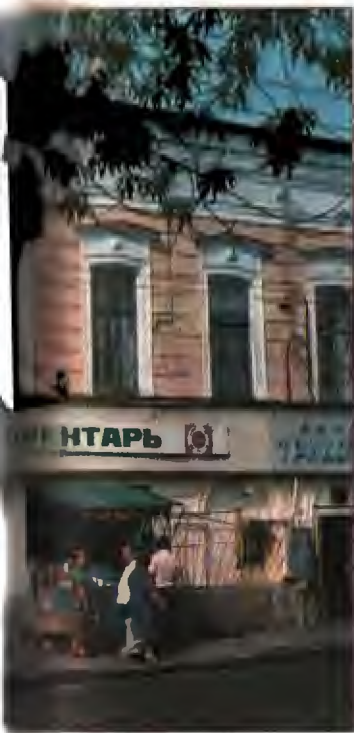

Так выглядит дом Фуков в современной Казани

* Пушкин мог прочесть об этом, так как книга «Поездка из Казани в Чебоксары Александры Фуков» была послана ему в Петербург.

** Впервые свои мемуары А. Фуков прочитала на литературном вечере в своем доме в 1843 году; отчет об этом литературном вечере был напечатан тогда же в газете «Казанские губернские ведомости».

Письмо Пушкина А. Фуков от 8 сентября 1833 года:
«Милостивая государыня Александра Андреевна!
С сердечной благодарностью посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в Петербург не есть одно

Портрет А. А. Фукс.
Художник Л. Крюков. Аquareль. 1828

многое из того посещения Пушкиным Казани.

За исключением эпизода с чтением «Жениха», Пушкину в доме Фуксов было хорошо. А Карл Федорович передал ему немало полезных сведений из пугачевской эпохи. Фукс рассказал Пушкину о польском конфедерате Пулавском, который присоединился к восставшим, и о том, как Пугачев помиловал в Казани немецкого пастора. Это был ценный материал — он расширял представления Пушкина и о социальном составе тех, кто примыкал к Пугачеву, и о том, что этот человек, официально именуемый исчадием ада, мог проявить и милосердие, и человеческую благодарность.

любезное приветствие. Примите, милостивая государыня, изъявление моей глубокой признательности за ласковый прием путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани. С глубочайшим почтением честь имею быть».

Этот пастор, как пишет Пушкин в начале главы восьмой «Истории Пугачева», во время казанского пожара был приведен к Пугачеву, и тот узнал его: «некогда, ходя в цепях по городским улицам, Пугачев получал от него милостыню». Пастор ожидал смерти, но Пугачев принял его милостиво и даже пожаловал в свои полковники. Бедный немец должен был некоторое время сопровождать Пугачева при его бегстве из-под Казани, но затем сумел отстать от него и благополучно вернулся в город.

Приведя эту неординарную историю, Пушкин сделал примечание: «Слышано мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных» *.

И не «обязаны» ли мы тому, что спустя время, обдумывая план романа «Капитанская дочка», Пушкин вспомнил рассказ Фукса о помилованном пасторе и ввел в сюжет доброе дело, сделанное Гриневым безвестному бродяге в зимней степи, а затем помилование из рук этого бродяги, ставшего вождем бунтующего народа? **

Пушкин просил К. Фукса собрать еще дополнительные сведения о Пугачеве, но передать их поэту профессор по каким-то причинам не сумел. Ими воспользовалась его неутомимая жена для своего романа «Зюлима, или Пугачев в Казани». Роман этот — увы — утрачен.

А в тот вечер наверняка было рассказано немало историй, которые были известны казанским старожилам и передавались от одного поколения к другому.

Около часа ночи Пушкин сел в экипаж Эраста Перцова, и тот отвез его в дом Энгельгардта.

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 1. М.; Л., 1938. С. 116.

** Думается, что такое движение пушкинского замысла не противоречит тому, что в «планах повести о пугачевце мотив благодарности возник задолго до того, как, путешествуя «по следам Пугачева», Пушкин услышал о пасторе» (Петрушина Н. И., Фрилендер Г. М. Над страницами Пушкина. С. 113). Мотив мог возникнуть задолго, но обрел конкретные черты после встречи с живым, изустным рассказом.

Глава третья

От Казани
до Симбирска

Рано утром из Каймар прискакал Баратынский. О многом еще хотелось поговорить, но пора было отправляться в дорогу.

Прощаясь, Пушкин подарил Баратынскому свой портрет*.

До Симбирска 204 версты по правой стороне Волги через Буинск. Пушкин выбрал другую дорогу — на тридцать пять верст длиннее, по левой стороне, с двумя большими переправами. Эта дорога проходила через Великие Булгары — столицу древнего Булгарского царства в Поволжье.

Об этом городе мог рассказать Пушкину и Перцов, и Баратынский, но скорее всего это сделал Фукс. Он даже предпринимал раскопки в булгарских городах Булгары и Биляр; в его археологической коллекции было немало интересного оттуда, с берегов Волги.

Они не могли не приковать к себе внимание — это исчезнувшее с лица земли царство, этот народ, который первым встретил здесь, на Волге, татаро-монгольское нашествие.

Когда-то приволжские булгары сами нападали на русские земли; владения Булгарского царства простирались от устья Камы и Средней Волги до астраханских степей. Когда киевский князь Владимир задумал менять веру, к нему вместе с другими приходили проповедники и из Булгарской земли. Они исповедовали ислам.

Булгары были богаты и воинственны. Русские собирались рассчитаться с ними за обиды, но татаро-монголы опередили. Вот что можно прочитать в русской летописи о событиях 1236 года: «...придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары, и взяша

* Карандашный портрет работы И.-Е. Вивьена де Шатоборена; рамку к нему сделал сам Баратынский. Хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

Волга в районе Тетюшей

славный Великий город Болгарский, и избиша оружием от старца и до унаго и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их пожигоша огнем и всю землю их плениша».

Правда, спустя некоторое время города Булгарии возродились, она получила частичную самостоятельность в составе Золотой Орды. Еще два века продолжалась бурная история Булгарского государства. А в XVI веке его земли вошли в состав Руси.

Фукс сказал, что в Великих Булгарах *говорят* камни.

Пушкин предполагал достичь Великих Булгар к полудню, если, конечно, не задержит переправа в Лаишеве через Каму.

С утра слегка подморозило. Лошади бежали резво. Колокольчик под дугой коренника вызванивал свою

Схема маршрута от Казани до Симбирска: 1 Казань, 2 Лаишев, 3 Бульгар, 4 Сныск, 5 Тетюши, 6 Бутск, 7 Большие Тарханы, 8 Симбирск

песню. Гаврила дремал, не перебивал мыслей дурацкими разговорами. Пушкин думал о предстоящей встрече с загадочным городом, но больше о том, что было в Казани. За два дня он увидел и услышал немало. Это радовало. Это оправдывало поездку. Он теперь был уверен, что и дальше ему предстоят полезные встречи.

В Лаишеве действительно вышла задержка. Какой-то глупый казус, который разбил хорошее настроение, державшееся с утра.

Смотритель вначале принял Пушкина едва ли не подобоострастно. Он по-своему истолковал слова в подорожной, где значилось, что титулярный советник Пушкин уволен в четырехмесячный отпуск «по высочайшему

«Сегодня еду в Симбирск, обедую у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия». Из письма Пушкина жене. Село Языково. 12 сентября 1833 года

Портрет А. С. Пушкина.
Удвожник Ж. Вилья. Кафандан. 1826

повелению». Прочитав об этом вслух, значительно подняв брови, смотритель поинтересовался, не родственник ли Пушкин богатому симбирскому помещику Мусину-Пушкину*. Пушкин холодно возразил, что не имеет чести. Смотритель вдруг словно обрел дар иной речи и заявил, что разгонных** у него в данный момент нет и потому придется подождать. Пушкин вспыхнул: он своими глазами видел, как в конюшню заводи́ли лошадей. А метаморфоза, происшедшая со смотрителем, была слишком знакома***.

Стычка со смотрителем заставила и на город посмотреть сердитыми глазами. Он решительно не понравился Пушкину. Какой-то пришибленный, пыльный, с сонными, неопрятными фигурами на улицах.

Пушкин так и записал у себя в книжке: «Лаишев — город в шлафроке».

Почтовая станция располагалась рядом с Камой. Песчаный берег лизали волны с пенными гребешками. Глинисто-серая вода, серое небо, резкий, неприятный ветер. Берег невысокий, с подмытыми корнями деревьев, с корягами, обглоданными волнами и дождями, с вытащенными на песок лодками.

* В «Моей родословной» читаем о богатых и вельможных однофамильцах поэта:

*Я грамотей и стихотворец,
Я просто Пушкин, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мецанин.*

** Разгонные, т. е. ямские, лошади, которых смотритель выделяет в разгон — ямскую езду по подорожной.

*** Суворов П. В. Пушкин в Лаишеве // Московские ведомости. 1901. № 323.

К самой воде выходили домики, даже не домики, а избушки; редкая под тесовой крышей, все больше крытые соломой. Тут жила лаишевская промышлявшая рыбой беднота.

Грустно было видеть эту бедность, которая обнаруживала себя то полуразвалившеюся сараюшкой, то

Берег Камы (вверх по течению от Лаишева) в месте современной переправы

развешанным на плетне тряпьем, то деревянным, треснутым по длине корытом...

Переправа, потом езда рассеяли Пушкина, увели от лаишевских впечатлений.

Развеселила надпись на заборе в одной из деревень: «Милости просим, добрые люди. Здесь есть овес и сено». А рядом — на дощечке — намалеваны два мужика, взвешивающие на весах эти самые овес и сено. Это была *гостиница* для проезжающих.

Великие Булгары* и вовсе освободили и от нахала-смотрителя, и от «города в шлафроке».

Тут был другой *город*.

Сначала коляска въехала в широкий проход в земляном валу. Вал словно ушел в почву, порос травой,

* «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера слово *булгар* производит от тюркского племенного имени *buluag*, что значит «смешанного происхождения, метис».

но нетрудно было представить и его более крутые когда-то скаты, и ров перед ними, и деревянную стену по его гребню. За валом открывалось поле, а в нем то там, то сям виднелись каменные полуразрушенные постройки.

Еще издали, только подъезжая к городищу, Пушкин увидел высокий столп. Он поднимался в центре всего поселения и один давал понять, какими были масштабы столицы Булгарского царства.

Это был Большой минарет. Как и прочие постройки, его возводили из крупных серо-белых каменных блоков. Вверху, под шатровым навершием, его окантовывали железные обручи*. Но было видно: обручи лишь отдают разрушение. Никто за минаретом не следил, никому он не был нужен. Ветер и дожди медленно делали свое дело. Да еще люди: камни булгарских святынь пошли на церковь Спасского монастыря, который был тут же, рядом с руинами соборной мечети.

Удивительно, зачем надо было возводить церковь прямо в центре этого каменного, пусть в руинах, но сохраняющего в себе молчаливое величие города? Зачем было разбирать для современных построек мавзолеи, мечети? Кому пришло это в голову? Хотя — если вдуматься — не прийти не могло. Пусть мертвое, пусть разрушающееся, но все же царство, враждебное когда-то русским князьям. Пусть рассыпающиеся, пусть с зияющими брешами, но все же храмы чужой религии. Надо же было как-то утверждать превосходство над всем этим! А точнее — вбить кол во все это в самом центре, рядом с главной мечетью и дворцом. Впрочем, от дворца почти ничего не осталось. Островерхая колокольня Успенской церкви и торчала, как кол, всей своей утвержденной синодом архитектурой отвергая округлость форм булгарских построек**.

* Ими стянули верх минарета по распоряжению Петра I, который высаживался на этот берег. В 1841 году минарет обрушился.

** Успенская церковь построена в 1732 году.

Иллюстрация. Большая мечеть

Одна такая постройка — мавзолей напротив восточного фасада Соборной мечети — была превращена в церковь Святого Николая.

А в мавзолее, рядом с высоким, крутым берегом Волги, монахи Успенского монастыря устроили погреб.

Булгары. Колокольня Успенской церкви, угол руин Большой мечети. На заднем плане, под защитным куполом из бетона — так называемый «монашеский погреб», бывший мавзолей

Булгары. Успенская церковь

Монах, водивший Пушкина по территории болгарской столицы, рассказал, как еще сто лет назад при постройке православного храма из мавзолеев и мечетей брали надмогильные плиты и замуровывали их в кирпичную кладку. Что и говорить, храм возведен прочно, а от средневековых погребений мало что осталось.

Вечная, как мир, история соперничества и погругания чужих святынь.

Монах спускался с Пушкиным к Волге — там, у самой воды, можно было осмотреть остатки древней бани. В отличие от других построек она была сложена из красного кирпича. Осмотрел Пушкин и другую баню — в восточной части города, где проживала болгарская знать. Эта баня неплохо сохранилась, была внушительная по своим размерам, высота ее центрального зала достигала не менее трех сажен. Но и здесь все находилось в запусте-

нии — потолок и штукатурка стен обвалились, внутри помещения рос чертополох.

Лишь минарет на кладбище, на отшибе, сохранился хорошо. Он был значительно ниже Большого минарета, но все равно достаточно высок, сажен шесть. На верхний ярус вела винтовая каменная лестница, а с галерейки яруса, опоясывающей минарет, открывался великолепный вид на руины древнего города, на православную церковь и село Спасское, на заволжские дали.

Внизу паслись лошади, пощипывая травку среди развалин ханских усыпальниц. О том, что это усыпальницы, Пушкину сообщил монах.

На память приходили стихи Батюшкова, написанные им в Италии*:

*Ты пробуждаешься, о, Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где нежилась рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод!*

Как все различно: там, в итальянском городке, и здесь, на берегу Волги, или, как ее именовали в древности, Итили. И как все едино: расцвет, роскошь, прекрасная архитектура и — забвение, руины. Там, на берегу южного моря, среди порфирных колонн растет, наверное, дикий виноград и бегают голые мальчишки, которых так обворожительно изображает на своих картинах Карл Брюллов. Здесь растет трава, пасутся коровы и лошади.

Поэт-романтик наверняка принялся бы здесь за элегию, но у Пушкина настроение было иное, да и отстал он от романтических затей. Свое состояние он обозна-

* Стихотворение написано К. Н. Батюшковым в Байе, приморском городке близ Неаполя. Во времена Римской империи Байя была любимым местом отдыха аристократии. Когда ее посетил поэт, от нее остались развалины дворцов и храмов, частично затопленные морем.

Вид с верхней площадки Малого минарета. Внизу — усыпальница, вдаль — Волга

чил коротко, но выразительно в письме, посланном жене из Симбирской губернии: «Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. И сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться».

«Запереться», чтобы писать историю и, может быть, роман. Разумеется, тоже в прозе...

Но до Болдина было еще далеко.

Был городок Спасск *, верстах в двадцати от Великих Булгар, и Тетюши, за Спасском, на другом берегу Волги.

Дорога из Великих Булгар к Спасску шла через лиственный лес. Левый берег Волги у Спасска низок, Волга широка, раздольна; правый — высок, крут. Спасск оказался городком небольшим, домов примерно на двести. Из них не больше десятка можно назвать порядочными, прочие представляли собой крестьянские избы. Но в городе существовала больница (не бог весть какая, однако), училище и при нем, как свидетельствовал современник, «*достаточная библиотека, физический и минеральный кабинеты*» **.

Пушкин кабинетов не осматривал, он поспешил переправиться через Волгу.

На другом берегу, сажень шестьдесят над рекой, расположились Тетюши.

Коляска долго тащилась на крутизну, наконец въехала на главную улицу. Из нее одной, похоже, Тетюши и состояли.

Низкое солнце резко освещало дали. Сверху, с горы, можно было различить Большой минарет Великих Булгар, который поднимался белым столбиком среди зелени заволжских лесов. Налево, там, где Волга делала поворот, зеленел Кабаний остров.

От Волги трудно было оторваться. Отсюда, с высоты, хорошо было видно, как волгоотно плывут по ней под белыми парусами расшивы, как далеко внизу, в тени, отбрасываемой крутым берегом, цепочкой бредут по прибрежному песку бурлаки. Они так далеко, что бечевы не различить. Видно лишь, как чуть поодаль от

* Ныне город Куйбышев Татарской АССР.

** Очерк «Поездка в Болгары и Билярск», подписанный Р...нъ и помещенный во втором и четвертом номерах альманаха «Заволжский муравей» за 1833 год.

них, но явно соединенная с ними медленно движется вверх по течению темная барка. А между бурлаками и наблюдателем, где-то на уровне макушек растущих у воды деревьев, кружатся птицы.

Потом бурлаки пропадают за выступом горы, а барка вдруг замирает. На ее палубе движется маленькая фигурка, размахивает руками, что-то кричит. Слов не разобрать. Впрочем, ситуация не вызывает сомнений — день догорает; бурлаки устраиваются на ночлег.

Они там, под горой, невидимые отсюда, с кручи, разжигают свой костер, подвешивают над ним котел или что там у них есть для приготовления пищи... А над ними, на горе, засыпает крохотный городишко со смешным названием Тетюши*.

Пушкин, возможно, тоже ночевал в Тетюшах на почтовой станции. Ночлег был неважный, но выбирать не приходилось. Гостиницы в Тетюшах не было, а единственный господский дом, который стоял напротив почтовой станции и церкви, был необитаем и ветх. Он пугал выбитыми окнами и пустым проемом дверей.

Рано ложился Пушкин в дороге или поздно? Все зависело от того, когда он прибывал на место, и от условий. Это можно лишь предполагать, но мы знаем точно, что в дорогу он брал с собой книги. А значит, читал.

Еще до Москвы, 27 августа, он писал жене: «Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью».

Одна такая сильно потрепанная книга сохранилась в его библиотеке — это «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова»**. Мы о ней уже упоминали. Обратимся к ней еще раз.

* Слово это «многослойно»: в нем слышится и вятское «тюша» (толстяк), и орловское «тютюшкать» (нянчить) и «тетеха» (дородная баба), и «теша» (брюшная часть рыбы). В писцовых книгах Казани можно прочитать: «Ивашко да Пашка тетюшана живут в соседях у вдовы у Татьянки Григорьевы» (Писцовые книги города Казани 1565 — 1568 гг. 1646. Л., 1932. С. 127).

** Было бы интересно сделать опись книг пушкинской библиотеки под этим углом зрения, выявляя те книги, которые могли находиться в дорожных условиях, а значит, возможно, читались Пушкиным во

Не исключено, что она побывала с ним в том путешествии. Судя по обилию пушкинских пометок на ее страницах и общему ее виду, поэт не расставался с этой книгой во все время работы над пугачевской темой в тот год и брал ее с собой в Болдино, куда приехал после поездки в Оренбургский край заканчивать «Историю Пугачева».

Шмуцтитул и титульный лист книги, посвященной
генерал-аншефу А. И. Бибикову

Мы поэтому читаем книгу о Бибикове с особым вниманием. А пушкинские пометки на полях словно путеводные знаки. Они помогают сосредоточиться на том, что привлекало пристальное внимание поэта, помогают прикоснуться к возможному ходу его мыслей.

Вот, например, он ставит вопросительный знак на словах примечания 259-й страницы: «Особенного внимания достойно, что ни один дворянин не предался самозванцу...» И понимаем весь «резон» пушкинского знака: изучая архивные материалы, он столкнулся с фактами участия дворян на стороне Пугачева.

Правда, в «Замечаниях о бунте», адресованное время его путешествий. Библиографическое описание библиотеки Пушкина впервые сделано Б. Модзалевским и напечатано в книге «Пушкин и его современники. Материалы и исследования» (Вып. IX—X. СПб., 1910).

ных царю, Пушкин, словно успокаивая венценосного читателя, пишет, что один Шванвич «был из хороших дворян», то есть столбовых, а не выслужившихся из солдат или других низких сословий. Но это дела не меняло. Кстати, насчет родовитости Шванвича Пушкин ошибался: тот был сыном кронштадтского коменданта, который сам принадлежал к «выслужившимся».

Но не будем углубляться в родословную исторических персонажей, упомянутых Пушкиным. Не это нас сейчас занимает. Нам интересно другое: на странице книги о Бибикове Пушкин ставит знак вопроса — в «Истории Пугачева» обращает внимание на факты участия офицеров на стороне повстанцев — в романе «Капитанская дочка» двух героев из дворян (и обоих из «хороших» дворян) заставляет сблизиться с Пугачевым.

Туда же, в «Замечания о бунте», которые содержали ответственные оценки и выводы, невозможные для печати, Пушкин переносит отчеркнутое им в книге о Бибикове примечание, перечисляющее пять самозванцев, взявших себе имя Петра III. Видимо, знакомясь с этим примечанием, Пушкин приходил к выводу о не случайности появления Пугачева, а закономерности: не он, так другой, не другой, так третий, но кто-то должен был возглавить недовольных. «Все предвещало новый мятеж, — заканчивает он первую главу «Истории Пугачева». — Недоставало предводителя. Предводитель сыскался».

Замечанием о самозванцах Пушкин и начинает свои «Замечания о бунте», усиливая и укрупняя то, что было напечатано в книге младшего Бибикова, посвященной старшему, генералу.

Там, на странице 257, речь шла о пяти самозванцах, и о каждом давалась довольно подробная справка. Пушкин отбрасывает биографические подробности, пишет, как всегда, предельно сжато, о самой сути*.

* Пушкин вторгается в святая святых императорской фамилии и престолонаследия. В книге сенатора Бибикова сообщаются имена самозванцев; Пушкину это не важно — он пишет о Пугачеве, который «был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III».

Материалы, собранные Пушкиным для «Истории Пугачева»
Выписки из архивных дел:

«Июль 1774, 22-го рап. (орт) Мих. (сельсина). ...Е(с)лж Пугачев идет на Сиб. (бирск), то Мих. (сельсону) догнать его сельзя. Где точно Пугачев неизвестно».

Недвусмысленно проявляет Пушкин свое несогласие с верноподданническими интонациями книги младшего Бибикова, благие намерения которого не соответствовали жесткой социально-исторической логике.

Так, он сопровождает безоговорочной репликой «взор» следующее рассуждение: Пугачев «одарен был от природы необычайною силою телесною, мужеством, решимостью и пылкостью ума и чрезмерным честолюбием, сии дарования при надлежащем воспитании могли бы обратиться к его щастию и сделать его полезным и отличным слугою отечеству, но, по распутству матери и беспечности опекуна и дяди, способности обратились на вечную пагубу сего нещастного и на всеобщее бедствие» (с. 246 книги Бибикова).

А на странице 267 комментирует поведение правительственного офицера: «Бригадир Биллов достиг Тащицевой крепости (<...> вскоре выступил из оной на встречу злодею, но не известно, отчего опять в крепость возвратился». Пушкин дает презрительное объяснение: «От трусости».

Он прозревает смысл событий, не доверяя какому-то одному источнику, сравнивает, размышляет, чтобы в итоге дать читателю взгляд *историка*.

В разборе статьи, помещенной в «Сыне отечества» в январе 1835 года и подвергнувшей критике ряд мест его «Истории Пугачева», он пишет: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов — in folio разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою» *.

Отправляясь в путешествие по пугачевским местам, а затем работая над «Историей Пугачева», Пушкин размышлял и над тем, что давала ему книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. I. С. 389. In folio (лат.) — лист, согнутый пополам.

«Брант близ устья Камы на судах учредил батареи и сыские команды посадил на лодки и тем запер проход реки. Таковую же заставу велел учредить и в Синб. (ирск.), на Волге, и Державину рекомендовал охранять Иргиз и Волгу и поделять везде преграды».

Рапорт ф(он) Бранта от 27 июня»

Ни в самой «Истории Пугачева», ни в обширных выписках из самых разнообразных документов и книг мы не найдем прямых следов работы Пушкина с произведением Радищева. Но мы определенно знаем, что летом 1833 года он получает редчайший экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» — тот самый, что был в Тайной канцелярии в 1790 году. Знаем и то, что, приехав в Болдино, в конце своего пребывания там, 2 декабря 1833 года, начинает писать статью «Путешествие из Москвы в Петербург», в которой непосредственно откликается на книгу Радищева и дает толкование ее.

Все это не случайно.

В научной литературе, посвященной пугачевской теме у Пушкина, давно сложилось мнение об идейной близости «Истории Пугачева» и социально-исторической концепции Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

«Пугачевский бунт, — подытоживает Пушкин в «Замечаниях о бунте», — доказал правительству необходимость многих перемен». Но, как уточняет он сам, перемены были сделаны самые незначительные — «в 1775 году последовало новое учреждение губерниям», «губернии, слишком пространные, разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее, etc.», в то время как восстание поставило на повестку дня прежде всего вопрос об отмене крепостного права. Данные «Истории Пугачева» в этом отношении особенно живо и выразительно документировали политические обобщения и прогнозы «Путешествия из Петербурга в Москву»*.

Можно обратить внимание и на такое более частное, но, несомненно, важное для Пушкина обстоятельство, как песни и народные предания о Пугачеве. Именно в них поэт искал и находил подтверждение того, что Пугачев воплотил в себе черты вождя крестьянских и казацких масс, что в нем ярко отразились многие типичные чер-

«...под 54° 18' 19" северной широты и 66° 5' 10" восточной долготы окончен был строгим в 7146 (1648) году городок Симбирск, род небольшой крепостицы, обнесенный ровом и деревянною степною, однако без хорошей планировки места и постройка о фортификации и паружным фасадом сходствовавшей с теми крепостцами, какие казаки в XV в. строили от устья Аксая до нынешней Воронежской губернии».

* См.: Оксман Ю. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 331.

ты русского характера. Это прямо перекликается с тем, что писал Радищев о «голосах русских народных песен», предлагая в них искать ключи к правильному пониманию «души нашего народа».

Пушкину, впрочем, изначально была введена вещь значимость фольклора. Не случайно еще в Михайловском он с упоением записывал народные песни и в их духе создал три свои «Песни о Стеньке Разине».

Путешествие в этом смысле дало Пушкину очень много: он записал и живые слова очевидцев, и предания о Пугачеве и его времени, передававшиеся из уст в уста, из поколения в поколение, и народные песни.

В Симбирск из Тетюшей Пушкин прибыл скорее всего по проселочной дороге, которая шла недалеко от правого берега Волги через деревни Большие Тарханы, Соплевку и Вышки. Так было короче. На Буинск, через который пролегал почтовый тракт из Казани в Симбирск, он не выезжал. Погода не портилась — проселок был вполне проезжим. Это в дождь дорога от Тетюшей через Большие Тарханы становилась непролазной (она — увы — не лучше и сейчас, хотя приподнята и обрыта канавами; зато дает наглядное представление о том, какой она могла быть при Пушкине). Впрочем, в ненастье и почтовый тракт был не лучше...

Симбирск встретил поэта приветливо.

Да иначе и не могло быть: в этом далеком от столицы городке губернаторствовал дальний, но все же родственник Натали Александр Михайлович Загряжский. Он и встретил Пушкина по-родственному. У него ждала поэта и большая радость — письмо от жены*.

Хотя оно, как и другие ее письма к нему, не сохранилось, однако его ответ от 12 сентября позволяет нам составить некоторое представление о содержании письма Натали Николаевны.

«Оно обрадовало меня, мой ангел,— пишет Пуш-

«В том же 1648 году начали выводить земляной вал и устраивать укрепления (острожные тыны), дабы оградить места сии также от набегов татар».

Историческо-географическое описание городов Симбирской губернии. Сочинение Ивана Пушкарева. С.-Петербург: В типографии Н. Греча. 1837. С. 17—18

* Это письмо оказалось единственным за все путешествие.

кин,— но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом. Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях. Ну, так и быть. Дай бог теперь быть тебе здоровой».

Это было главное. После трех недель неизвестности он получил сообщение из дому и успокоился,

Портрет Н. Н. Пушкиной.
Рисунок пером А. С. Пушкина. 1833

Пистолет.
Рисунок А. С. Пушкина

хотя для беспокойства поводов оставалось немало: и ее нарывы, и недостаток денег: «Того и гляди сделаешь новые долги, не расплатясь со старыми».

Сообщала Наталья Николаевна и о своих братьях.

Младший собирался на время пушкинского отсутствия переселиться к сестре. «Я рад, что Сергей Николаевич будет с тобою, он очень мил и тебе не надоест». Пушкин относился с большой симпатией к своему меньшему шурину, начавшему с прошлого года службу гренадером в одном из петербургских полков.

Сведения о Симбирске, почерпнутые из книги Ивана Пушкарева «Историческо-географическое описание городов Симбирской губернии»:

В городе строился гостиный двор (закончен в 1835 году). Три городские площади не были вымощены. Имелась гимназия, пансион для воспитания детей беднейших дворян. В Доме трудолюбия состояло две пенсионерки императрицы, двенадцать

Средний брат жены, Иван Николаевич, блестящий лейб-гусар, доставлял много волнений домашним своими амурными приключениями *. На одну такую его историю и откликается Пушкин в ответе на сообщение жены: «Об Иване Николаевиче говорить нечего. Надеюсь, что свадьба его расстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось расстроенным его состоянием, чтоб заманить его в сети. Вероятно, и начальство, если дело дойдет до начальства, примет это в соображение. Должно будет поплатиться деньгами. Если девица не брюхата, то беда еще не велика. А с отцом и с дядей-башмачником дуэль, кажется, не будет».

Необычное падежное окончание в слове «дуэль» выражает, надо полагать, ироничное отношение Пушкина ко всей этой истории шурина с племянницей некоего «башмачника».

Житейские, возможно, малосущественные дела. Давным-давно нет тех людей. «Объекты» амурной активности среднего шурина вырисовываются смутно — лишь в самых приближенных, однако вполне понятных нам чертах, разве что на дуэль теперь не вызывают, а обходятся иными средствами...

Нам существенно все это, потому что мы получаем возможность представить Пушкина и в этих таких обычных для всех людей мыслях и заботах. Представить не абстрактно, а в один из тех дней, когда в поездке все его мысли были направлены на иное.

Там, в Симбирске, в доме губернатора мы можем также увидеть Пушкина в порхающем окружении гостей и подруг губернаторской дочери **.

Одна из них, Коистанция Ивановна Габленц, в замужестве Короткова (ей в ту пору было тринадцать лет), оставила интересные воспоминания. Память у девочки-подростка оказалась цепкой. Она запомнила интересную для нас «дорожную»

штатных воспитанниц и шесть, находившихся на иждивении благотворителей. Был публичный сад при заведении приказа общественного призрения. Лазарет для гарнизонных чянов. Александровская больница для немощных. Основные занятия и промыслы жителей: хлебная торговля, садоводство, огородничество, пчеловодство, шитье тулупов, выделывание шкур. Число жителей не превышало десяти тысяч.

* В 1834—1837 годах он был сослуживцем М. Ю. Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку.

** Елизаветы Александровны Загряжской.

деталь — то, как Пушкин вынул из кармана и положил на подоконник пистолет.

К. И. Короткова утверждает, что в Симбирске поэт мог найти несколько живых свидетелей бунта. В самом городе, вспоминает она, жил невзрачный восьмидесятилетний старичок Шувалов. «Я хорошо помню, что он дома всегда был одет в красный халат, перепоясанный шнурком или просто веревочкой. Мы, бывало, усадемся на скамеечке у его ног и слушаем его рассказы про старое время, про Пугачева, у которого он был фореитором. Шувалов удостоился такой чести, вместо того чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что «показался Пугачеву через меру плюгавым». Шувалову было тогда всего шестнадцать лет от роду. К этому-то пугачевскому фореитору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно, желая послушать его рассказ о Пугачеве» *.

Очевидно и другое. Этот свидетель, как и казанский купец Крупеников, оказался для Пушкина малоинтересным собеседником. Какого-либо серьезного следа в пушкинской работе над книгой он не оставил. Правда, факт его «фореиторства» на страницах «Истории Пугачева» упомянут.

Увеличил этот плюгавый юнец (в пугачевскую эпоху) и число тех дворян, которые склонились на сторону Пугачева.

Каких-либо серьезных материалов о Пугачеве Пушкин в Симбирске, кажется, не обнаружил. Пугачевцы Симбирск не брали. Обширных архивов в городе не было.

Но сам город, несомненно, интерес у Пушкина вызвал. Здесь в разное время жили его добрые знакомые и друзья — поэты И. И. Дмитриев, Н. М. Языков, братья Александр и Николай Тургеневы, Н. М. Карамзин.

Незадолго до поездки Пушкин участвовал в подписке на сооружение памятника Карамзину в Симбирске. Ныне он является украшением города. Это

* Впервые в передаче Д. Лебедева на страницах «Московских ведомостей» в 1901 году, № 242 («Пушкин и симбирские старожилы»).

Из «Части второй Приложения» к «Истории Пугачева»:
«Генерал-поручик Суворов, приехавши из армии, поспешил к передовым корпусам на поражение злодеев (...) и, приехав Пугачева в Яицком городке, привез его в Симбирск...»

один из лучших памятников дореволюционной России. К сожалению, Пушкин не увидел его. Памятник был установлен только в 1846 году. На той самой площади, по которой, несомненно, проходил Пушкин, когда знакомился с городом. Теперь это Карамзинская площадь. При Пушкине здесь располагался Спасский женский монастырь, обнесенный стеной с башнями.

Дом Языковых в Симбирске.
Художник Д. И. Архангельский. Тушь, перо. 1922

Симбирск. Памятник Н. М. Карамзину

Знакомился Пушкин и с местами пребывания Пугачева в Симбирске. Первый раз Пугачев попал в Симбирск в 1772 году, когда за подстрекательство казаков его в ручных и ножных кандалах везли через Симбирск в Казань. Вторично он оказался здесь 1 октября 1774 года в клетке, под усиленной охраной. Клетку установили на главной городской площади и показывали народу. В Симбирске произошел разговор между Пугачевым и графом Паниным*, переданный Пушкиным в его книге.

Из конспектов, выписок и набросков
А. С. Пушкина:
«В Симбирск привезенный, на дворе гр.
Панина Пугачев отвечал ему дерзко и сме-
ло (хотя и признавался ему в самозванст-
ве), за что граф ударил его несколько раз
по лицу».

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 2

* Граф П. И. Панин, генерал-аншеф, к началу восстания находился в отставке. «Возмущение Пугачева вызвало

«Кто ты таков?» — спросил граф у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», — отвечал тот. Как же смел, ты, вор, назваться государем? — продолжал Панин. *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает*».

Неподалеку от Карамзинской площади, в подвале дома на углу Спасской и Московской улиц (ныне угол Советской улицы и Северного проезда), почти месяц содержался закованный в кандалы Пугачев*.

Таких каменных домов в старом Симбирске было немного.

Когда-то, при основании, он представлял собой типичную русскую крепостицу на пограничных приволжских рубежах: земляной вал и ров, бревенчатая стена, пушки на бастионах. Ни вала, ни стены давно не существовало, но деревянные дома преобладали. А среди каменных выделялись монастырь, дом губернатора, несколько церквей и дом братьев Языковых, в котором, возможно, и останавливался Пушкин.

Этот дом — одно из немногих сооружений того времени, сохранившихся до наших дней**. Он почти не перестроен и принадлежит к лучшим образцам городской русской архитектуры начала XIX века.

В Симбирске никого из братьев Языковых Пушкин не застал и через день отправился к ним в имение — в шестидесяти пяти верстах от города.

Можно только удивляться пушкинской подвижности. Словно он и не устал от дороги и одного дня отдыха ему

снова Панина из уединения на поприще трудов политических», — пишет Пушкин в примечании к восьмой главе «Истории Пугачева».

* Сейчас на доме, занимающем это место, установлена памятная доска.

** Бывшая Спасская, ныне Советская улица, дом 16; на доме мемориальная доска: «В этом доме проездом из Петербурга в Оренбург останавливался великий народный поэт А. С. Пушкин».

«Однажды осенью 1833 года во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин, мы все заволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый, шатен с бледным или, скорее, мулатским рябоватым лицом, мне тогда он показался очень некрасивым. Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам сидели поделали ему раверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали

было достаточно. А в том, что тогдашняя дорога была для путешественников уютительна, можно не сомневаться. Есть характерное признание Пушкина в письме к жене еще в 1832 году, когда он проделал очередной путь из Петербурга в Москву: «Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньей, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь?»

Вот и в Симбирске, сходя в баню, попарившись и словно родившись заново (оттого и «вторая мать»), Пушкин велел заложить коляску и поехал в имение Языково.

«Здесь я нашел старшего брата Языкова,— сообщал Пушкин жене,— человека чрезвычайно замечательного и которого ютов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с <ним>* вечер и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него».

Знакомство со старшим из трех братьев Языковых, Петром Михайловичем, оказалось одним из самых значительных дружеских приобретений Пушкина во время путешествия.

Он был широко образован, радушен, искренен, умен**. С ним Пушкин как-то сразу нашел общий язык. Как и Фукс, он занимался наукой, но без немецкой педантичности, скорее с русской беззаботностью. Не беспокоился о том, чтобы плоды его трудов непременно становились достоянием ученых собратьев. Это был нередкий у нас тип чудака, ученого-помещика. Время от времени он посылал свои корреспонденции в ученые журналы Петербурга, но славы или даже известности не жаждал. О нем можно было сказать стихами пушкинско-

го сонета:

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

* Это слово в письме пропущено; как обращают внимание комментаторы — при переходе на оборотную страницу (Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 42).

** П. М. Языков (1793—1851).

просить его танцевать с нами; он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул избокового кармана пистолет и, поожив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по нескольку туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу.— Пушкин, как говорили, приезжал в Симбирск за разысканием материала для своей истории Пугачевского бунта...»
Из востоминаний К. И. Коротковой. Лосковские ведомости. 1901. № 242

Вместе с братом Александром он закончил горный кадетский корпус в Петербурге. Александр жил помещиком, а Петр с увлечением предавался науке.

Пушкин с интересом рассматривал составленную Петром Языковым карту почв Симбирской губернии. В ней, как объяснял автор, не все еще было сделано, надо было еще поехать, взять много проб, но результат имелся налицо. Петр Михайлович с увлечением говорил, что, если создать подобную карту почв всей Российской империи, сельское хозяйство можно будет вести на иной, научной основе.

Помещики, равно как и крестьяне, ведут земледелие по старинке, как делали это деды и прадеды. Все бы хорошо, да вот беда — земля любит вдумчивое к себе отношение, любит, чтобы с ней считались. Нельзя же на всей площади даже одной Симбирской губернии, не говоря уже о всей России, пахать, удобрять и сеять одинаково. Земля-то всюду разная: где чернозем, где подзол, где суглинок. У нас же с этим сплошь и рядом не считаются.

Да и где считаться, когда земли по-настоящему не изучены? Вот и обрабатывают как бог на душу положит. На прокорм, конечно, хватает, и за границу вывозим... А могли бы!.. Учти все особенности почвы, приноровись к ним, посчитайся с ними — урожай удвоится, утроится!

Петр Михайлович был убежден в этом. Был увлечен своей идеей. Верил в то, что и симбирская и вся русская земля способна осчастливить людей. Надо лишь познать собственную землю и преодолеть заматерелую российскую лень.

Пушкина увлекли рассуждения симбирского мечтателя и почвоведца. Почему бы и нет? Русский человек не раз проявлял и заинтересованность в новизне, и расторопность, и сметку. Раскачивается лишь он долго. Сколько пройдет времени, прежде чем он поймет выгоду в предложениях симбирского помещика? Да вот и еще

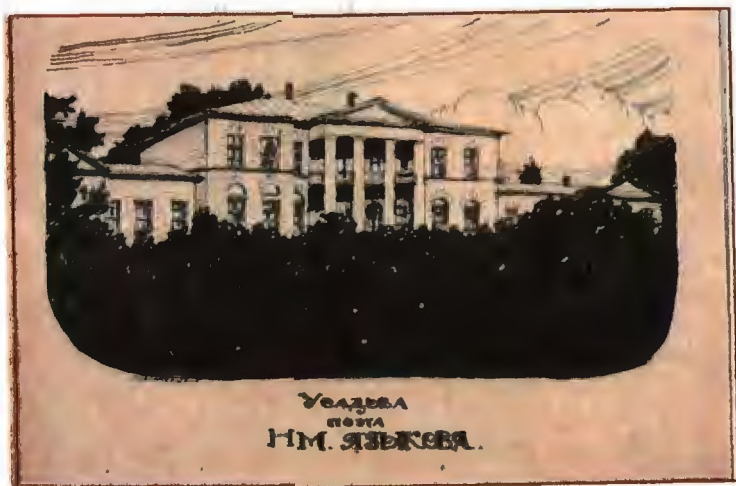

*Портрет П. М. Языкова.
Неизвестный художник*

до Симбирска

вопрос: сумеет ли тот индурить их в головы наших степняков и долгодумов?

С Петром Михайловичем Пушкину было интересно. Это был челчек его круга. В том, в частности, смысле, что разделял беспокойство честных людей России по поводу ее состояния. Они сразу заговорили о ссыльных: жена Петра Михайловича получила недавно письмо от

Языково. Усадьба.

Художник Д. И. Архангельский. Тушь, перо

своего брата, Василия Петровича Ивашева, из Петровского завода, где он вместе с другими отбывал наказание за участие в событиях 14 декабря 1825 года.

П. М. Языков познакомил Пушкина с записями народных песен о Пугачеве — он сам их делал в своих поездках по губернии. Получил Пушкин от него и подарок — рукопись академика П. И. Рычкова об осаде Оренбурга*.

Все было то душе в Языкове — богатое село, большой парк, пруды, усадьба.

Парк был старый, тенистый, пруды живописны, с островком на одном из них. Туда вел мостик, на островке красовалась журная беседка. Из парка к дому,

* В руках Пушкина оказалось три списка этого сочинения Рычкова, которое поэт поместил во втором томе «Истории Пугачева».

Портрет С. С. Уварова.
Литография Гельмерсена по рисунку Федера

который стоял на возвышении, поднималась каменная лестница с балюстрадой.

Въезд в усадьбу был с другой стороны. Там располагались обширный сад и двор, огороженные решеткой с каменными столбами. К подъезду дома вела аллея, обсаженная вязами. Дом был двухэтажный деревянный, с каменным цоколем.

Все у Языковых было основательно, покойно и красиво.

Из просторной прихожей гость попадал в залу, обставленную мебелью красного дерева в стиле ампир; с потолка свешивались бронзовые люстры с хрусталем. В гостиной на сте-

«Не во многих городах России найдете вы такую очаровательную картину, какая представляется с Вецца. Веццом называют здешние жители ту крайнюю к Волге возвышенность горы, которою граничит северный, или верхний, город с старым, расстилающимся у подошвы ее. Склон покрыт садами, между коих проглядывают

нах кроме фамильных портретов — портреты ученых натуралистов и геологов, над диваном — выделенная особо старинная английская акватинта Франклина, лица, особо уважаемого Петром Михайловичем.

Был среди прочих и портрет С. С. Уварова, президента Академии наук. Гравюра изображала графа этаким курчавым героем, закутанным в плащ, и была снабжена внизу подписью: «Serge d'Ouvargoff. Gravé d'après nature par Reder. Lith cher P. de Helmersen» *.

Пушкин вспомнил, как год назад приходил с президентом Академии в Московский университет на лекцию, по литературе к профессору Давыдову, как потом, окруженный студентами, спорил с Каченовским, который отрицал подлинность «Слова о полку Игореве». Тогда, помнится, складывалось впечатление, что Уваров больше на стороне Каченовского.

Пушкин помнил графа еще по «Арзамасу». Но и в ту пору, и позже особых симпатий он у Пушкина не вызывал. При новом царе Уваров выслуживался слишком явно. Что его могло связывать с Языковыми? Так просто портрет на стену не повесят...

Но Пушкин не стал спрашивать **.

Ему ответили угловую комнату с окном в сад.

В комнате, как и во всем доме, стояла мебель красного дерева. Только кровать была черной, массивной, словно из другого дома, вернее — из какого-нибудь замка.

Перед сном Пушкин сидел у камина, затопленного предупредительным хозяином; на мраморной каминной доске стояли канделябры со свечами. Пушкин листал рукопись Рычкова, вновь задумывался над хорошо ему известными событиями.

Раздевшись, в одной рубахе подошел к окну.

красивые домики и извиваются излучистые дорожки, ведущие к берегу. С закатом солнца, в тихий весенний вечер, приятно провести свободный час на Венце...»
Историческо-географическое описание городов Симбирской губернии. Сочинение Ивана Пушкарева. С. 48

* Поливанов В. Село Языково // Исторический вестник. 1896. № 12.

** Меньше чем через год отношения между Пушкиным и Уваровым, который стал министром просвещения, испортились. Уваров стал преследовать поэта «по должности». Пушкин не остался в долгу — написал сатиру на недостойное поведение Уварова («На выздоровление Лукулла»).

Было удивительно тихо.

В темном небе темнели деревья, смутно маячила оранжерея.

Пушкин подумал, что на обратном пути вернется сюда — Петр Михайлович сказа, что все три брата соберутся в конце месяца. Он повернул перстень с алмазом и, нажимая камнем на стекло окна, процарапал:
А. Пушкин.

Дорога в Сенгилей

На следующий день он принес визит губернатору — главным образом для того, чтобы узнать, нет ли нового письма от жены. Но писем не было.

Ничто больше не задерживало в Симбирске. Пушкин решил тронуться дальше, не откладывая, в тот же день, то есть вечер. До Сенгилея-то уж он мог спокойно доехать и переночевать там, а это как-никак на пятьдесят пять верст ближе к конечному пункту путешествия.

Но только успела его коляска покинуть пределы города...

«Только выехал на большую дорогу, — сообщает его девятое письмо жене, — заяц перебежал мне ее. Чорт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян испрытался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей,

а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Чорт знает как бог помог — наконец, взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал.

Кто тут виной — заяц, ночь, тяжелая для лошадей дорога, лошади, ямщики? От Сенгилея до Симбирска дорога действительно трудная. Не зря напрягались лошади и хлопотали вокруг коляски «человек 20 мужиков». Хотя как знать? Что за лошади — может быть, слабые? Что за мужики? Любители помочь застрывшим экипажам? Или просто ротозеи?

У нас нет исчерпывающих данных.

Ситуации на дороге возникали самые разные, особенно если дорога изобиловала крутыми подъемами и спусками, как на подъезде к Сенгилею*.

Когда еще Пушкин был в Казани, он мог видеть (например, у Фуксов) две майские книжки альманаха «Заволжский муравей» за 1833 год, в которых печаталось стихотворение «Путешествие и отдых». Оно развивало очень знакомую ему тему:

*Нет разгонных! Как досадно
Долго кляч мужичьих ждать!
Разъезжать на них накладно,
Нужать, тпрукать и стоять.
Где негладкость путевая
Или круть хоть небольшая,
Тут без горя не пройдет;
Наши мужики — зеваки...*

Некто Федор Рындовский, никому не ведомый сочинитель из Тетюшей (так было обозначено под стихотворением), живописал дорожные беды и радости (не в пример мадам Фукс, подвизавшейся со своими виршами в том же журнале) удивительно ясным и бодрым слогом:

*То ли дело удалые
Ямщики! Их верный глаз
Служит и в часы ночные
Опытным вождем для нас:*

* В самом высоком месте, на перевале, теперь грунт вынут, и дорога стала не такой крутой.

*Все дорожки, тропки знают,
Где объезд есть, объезжают,
Где не ладно — скажут вам...*

Видно, не одну сотню верст исколесил по родным дорогам этот Рындовский и на почтовых, и на мужицких лошадках. У него в самой фамилии проглядывало нечто от дорожной маяты: слышался и рыдван и рында. А рындой в тех краях, через которые ехал и куда направлялся Пушкин, именовали и нескладного верзилу, и исхудалую лошадь, а в старину — даже оруженосца, который тоже ведь не сидит сиднем на одном месте, а таскается за своим рыцарем по всем дорогам.

Но этот Рындовский не просто таскался, приобретал не только дорожный опыт. Вернее, вместе с ним выработывал и общий взгляд на российскую жизнь. И стихотворение его «Путешествие и отдых» влекло читателя на неожиданную дорогу.

«Много по свету гуляя, — где-то к концу своего «путешествия» начинал подводить итоги Рындовский, — я не редко замечал:

*Где дорога шла прямая,
Там теперь и след запал;
Должно ехать кривизною...»*

В этом месте стихотворения автор делал резкий поворот от дорожной тематики. Дорога оставалась в стороне...

Автор высказывал нелестные для соотечественников мысли, которые пришли ему невольно по переключке с дорожной кривизной:

*Кто ж виновен, что душою
Многие из нас кривят
От младенчества до гроба?
Виновата ли дорога
Или путник виноват?*

Это было уже как щелк хлыста — звучно и точно. Так мог сказать, спросить, подытожить только человек и много ездивший, и много выдавший, и много думавший на своем веку. Главное же — умел писать стихи:

«Губернские города, подалее от столицы, были, до железных дорог, ожившими центрами общественной жизни. Постоянники с семьями, по дальнему расстоянию от Москвы, проводили зиму в своем губернском городе. Наша губерния особенно славилась отборным родовитым и богатым дворянством».

*Русь святая изменилась,
Вся почти в объезд пустилась,
И весь путь прямой зарос...*

Что он, автор, имел в виду, не совсем было ясно. Так сказать, аллегория. Как хочешь, так и понимай. Зарос путь — и точка. Впрочем, нет. Еще не точка. Завершалось стихотворение таким четверостишием:

*Вот мое на это мнение:
Согласитесь ли со мной?
Ведь виною несмотренье
За дорогою прямой.*

Стихи заставляли призадуматься, забавляли, радовали: глухая провинция, а не перепевает мотивы столичных альманахов. Свой взгляд на мир! Ну, пусть не на мир, а лишь на то, что являет собою дорога. Так сказать, вариации на любимую многими дорожную тему. У самого Пушкина были «Дорожные жалобы»...

А Федор Рындовский со своими озорными стихами тем более был удивителен, что написал их в забытых богом Тетюшах, да еще до нашествия Наполеона на Россию, в 1810 году; «Заволжский муравей» лишь напечатал их в тридцать третьем.

Пушкин вернулся в Симбирск и на следующий день присутствовал на званом обеде у среднего брата Языкова, Александра Михайловича.

Пушкин с любопытством прислушивался и присматривался к гостям, людям, известным в Симбирске: к участнику войны 1812 года П. И. Юрлову и его брату А. И. Юрлову, бывшему гусарскому полковнику Г. В. Бестужеву, симбирским помещикам И. С. Аржевитинову, А. А. Столыпину*, Н. А. Шувалову — тому самому, который в юности попал в форейторы к Пугачеву. Аржевитинов тоже был участником Отечественной войны, в Бородинском сражении он потерял ногу.

«Мне кажется, у меня, очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда при виде всех этих фигур, этого беззаботного жителя-бытия, безделья и лежания, и зародилось неясное представление об «обломовщине»».
Из очерка И. А. Гончарова «На родине»

* А. А. Столыпин — брат бабушки М. Ю. Лермонтова Е. А. Столыпинной-Арсеньевой.

Публика была колоритная и очень разная: от осанистого, представительного Юрлова, потомка казенного Пугачевым майора из Курмыша, до похожего на сморщенный грибок пугачевского фрейтора Шувалова*.

После обеда все отпривились к Юрловым, и там продолжилось застолье с разговорами обо всем, что касалось Симбирска, губернии, всей России, обеих ее столиц, а также иных столиц и государств.

Можно предполагать, что это общество радушно приняло Пушкина, что оно не осталось безразлично к его появлению в своей среде и к тому, какие цели привели поэта в Симбирскую губернию. Возможно, что-то небезынтересное о пугачевских событиях рассказали и Юрловы, и полковник в отставке Бестужев, и Столыпин**.

У нас есть редкая возможность представить Симбирск той поры, обстановку в его дворянских, богатых домах. Мы сможем смоделировать это по очерку одного из русских писателей-классиков, который в пору своей юности, по окончании Московского университета и через год после посещения Пушкиным Симбирска, приехал в этот родной для себя город и увидел многое из того, что представляло и глазам Пушкина.

Иван Александрович Гончаров. Незадолго до смерти, в 1887 году, он написал очерк «На родине», который переносит нас в Симбирск начала и середины тридцатых годов.

Обнаруживается одно чрезвычайно любопыт-

* Есть предание, что Шувалов подарил Пушкину канделябр, принадлежавший Пугачеву.

** В это же время работал над своим романом из пугачевской эпохи Лермонтов. Кос-кто из родственников его бабки был убит пугачевцами, в частности помещик Саранского уезда Д. Столыпин. О событиях того времени Лермонтов и узнавал от своих родственников Столыпиных.

Дом Языковых в Симбирске

ное обстоятельство — Симбирск той, пушкинской поры был городом, в котором процветала *обломовщина*.

Мы как-то не привыкли к такому сопоставлению, а и вообще никогда не сопоставляли эти понятия — пушкинская пора и обломовщина. Они для нас явления разного порядка, разных эпох. Пушкинская пора ассоциируется прежде всего с поэтами пушкинской поры — Дельвигом, Вяземским, Языковым, Баратынским, Давыдовым. Это пора яркой деятельности, деятельного романтизма, романтического подъема духа, порывов, целеустремленности. *Обломовщина* — явление и качество застоя, упадка жизненной активности, апатия, сытая бездеятельность помещиков и их детей, атрофия общественного сознания. И мы как-то забываем, что *пушкинская пора* продолжалась и после декабря 1825 года, то есть и в то время, которое монаршей волей было заморожено и на десятилетия превратилось в эпоху рабелепия, слежки, уныния одних и торжествующего звинства других.

Но все же, все же... В эту пору жандармского прессы и нравственногзастоя, по словам современника (а им был А. И. Герцен), «звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в домах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила своими мужественными звуками настояще и посылала свой голос в далекое будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением»*.

Юноша Гончаров, влюбленный в Пушкина и преклонявшийся перед ним, помогает увидеть то время и ту провинцию в неожиданном ракурсе.

По приезде домой, вспоминает о той поре, начале 30-х годов, Гончаров, «меня обдало той же «обломовщиной», какую я наблюдал в детстве».

Итак, *слов* произнесено.

Пройдем по этому *обломовскому* городу. Окунемся в его атмосферу, прислушаемся к нему, взглядимся в него. Увидим, услышим и почувствуем то, что запечатлел спустя полвека один писатель и что мог наблюдать другой.

«Самая н.ружность родного города, — вспоминает Гончаров, — не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя. Те же, большею частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки, с мезонина-

* Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 214—215.

ми, с садиками, иногда с колоннами, окруженные канавками, густо заросшие полынью и крапивой, бесконечные заборы; те же деревянные тротуары, с недостающими досками, та же пустота и безмолвие на улицах, покрытых густыми узорами пыли <...>».

Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии сидящих по домам или попадающих на улице людей. «Нам нечего делать! — зевая, думает, кажется, всякое из этих лиц, глядя лениво на вас, — мы не торопимся, живем — хлеб жуем да небо коптим!» *

Помните запись в пушкинской дорожной книжке по поводу заштатного городишки Лаишева? «Лаишев — город в шлафроке». Как, оказывается, убийственно точно! *В шлафроке*. Не в нем ли можно узреть зародыш того знаменитого одеяния, в которое нарядил своего героя Иван Александрович Гончаров? Лишний раз мы убеждаемся, насколько прозорлив был Пушкин, как точно находил слова, определяющие суть лица, явления, эпохи.

У него, художника, проехавшего эти захолустные края на перекладных, мелькнула короткая, но озаряющая вспышкой молнии метафора — *в шлафроке*.

У Гончарова, с детства знавшего эти края, впечатление от застойности дворянско-помещичьей жизни воплотилось в ярчайший, метафорический по своей сути образ *халата* Ильи Ильича, в котором он так и закончил бесславно свой век на не менее «метафоричном» диване.

«Чиновник, советник какой-нибудь палаты, лениво, около двух часов, едет из присутствия домой <...> Пройдет писарь, или гарнизонный солдат еле-еле бредет по мосткам. Купцы, забившись в глубину прохладной лавки, дремлют или играют в шашки». «Неужели нет ничего нового?» — с тоской спрашивает вернувшийся в город выпускник университета. Ему кажется, что и коза, щиплющая траву у забора, знакомая: он видел ее несколько лет назад. Его спутник, старожил Симбирска, хвастается: есть новое! Построен новый собор. И вот еще новое, говорит он, указывая на другое здание. На доске надпись: «Питейная контора».

Кроме того, среди новых «впечатлений бы-

тия» николаевского времени были и жандармы. Их значение объяснили юнцу, вернувшемуся под родной кров, шепотом.

«До сих пор,— пишет он спустя целую эпоху,—я видел в Москве у театральных разъездов, в крестных ходах, на гуляньях, в их высоких касках с конской гривой, на рослых лошадях. Ни о каких штаб-офицерах, назначенных в каждую губернию, и о роли их я не имел понятия. От губернатора я в первый раз услышал и о важности шефа их, графа Бенкендорфа, и о начальнике штаба, тогда еще полковнике Дуббелте*,—и обо всем, что до них касается, а более о том, что они сами до всего касаются».

Вот один важный, может быть даже решающий, штрих, рисующий атмосферу обломовщины в пушкинскую эпоху.

Что касается Пушкина, то он, в отличие от юного Гончарова, с первого дня образования корпуса жандармов, сразу после декабрьских событий 1825 года, очень хорошо понимал характер его деятельности и личную роль Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Вместе с Гончаровым мы можем нанести визит симбирскому губернатору и увидеть тот дом, в котором по крайней мере дважды побывал Пушкин.

«Швейцаров в провинции тогда не водилось: не от кого было стеречь, оттого и звонков не было, двери в подъездах никогда ни запирались».

Нас примет жандарм и пойдет доложить «камердину». Потом приказано будет «просить».

Нас поведут через «обширную, изящно убранную длинную залу, всю в зеркалах, с шелковыми занавесами, люстрами, канделябрами» (здесь Пушкин танцевал под музыку двух скрипок, положив свой дорожный пистолет на подоконник), а затем введут в кабинет.

Нас встретит губернатор Александр Михайлович Загряжский. Если мы нанесем ему визит утром, он будет в утреннем наряде, с модно повязанным галстуком, с белыми, как снег, манжетами. Он встретит нас по-губернаторски, то есть бегло взглянет, слегка кивнет, но не

* Л. В. Дубельт — дежурный штаб-офицер корпуса жандармов, а с 1835 года начальник его штаба, впоследствии был управляющим III Отделением императорской канцелярии.

*Групповой портрет А. М. Загрязского с семьей.
Неизвестный художник*

подаст руки. «Тогда высшие чины не были, как теперь, фамильярны с низшими».

Да и кто мы ему? Чинов у нас вообще никаких. Какое дело привело в Симбирск, ему пока неизвестно.

Правда, когда мы ему расскажем, он смягчится. Вспомнит, как заезжал к нему Пушкин, как очаровал его жену — первую даму губернии, как был остроумен, любезен. Непременно вспомнит и о том, как Пушкин интересовался одной молодой особой, за которую его просил князь Одоевский и которая — знаете, такая романтическая история! — сбежала от родителей и нашла прибежище

в Спасском монастыре. Он, губернатор, проявил к ней отеческое равнодушие... А если что *говорят*, то все пустое, вы не верьте. Хотя первая дама губернии и старалась скрыть свое неудовольствие по этому поводу...

Не пройдет и полчаса, как мы окунемся в глубину и раздолье губернских новостей и интриг. Пушкина они, слава богу, миновали, едва коснувшись в его вынужденном интересе к этой молодой особе. Действительно, приятель Пушкина Владимир Федорович Одоевский просил его разузнать об этой девушке, побегу которой способствовал его отчим и на которого ее родители подали в суд.

Будучи уже в Болдине, Пушкин докладывает князю: «Видел скромную отшельницу <...>. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот все, что мог я заметить. Дело ее, кажется, кончено»*.

Одна из сотен историй, происходивших в провинции и касавшихся судеб самых разных людей. Они прошли, оставшись для нас неизвестными, и лишь в отдельных случаях приоткрываются в беглом упоминании на страницах чьих-нибудь мемуаров или чудом со-

* Об амурных интрижках губернатора пишет в своем очерке «На родине» И. А. Тунчаров.

В связи с делом убежавшей девушки Пушкин, по некоторым сведениям, посетил и мать В. Ф. Одоевского, которая в это время жила в Симбирске.

Портрет Е. А. Жуковой (Зарубицкой).
Художник Г. Яковлев. Масло. 1817

хранившегося письма, как эта история случайной знакомой Пушкина Варвары Ивановны Кравковой, вызвавшая на короткое время интерес столь разных лиц.

Мы ничего не знаем о ее дальнейшей судьбе. Да и надо ли? Она, надеемся, сложилась благополучно, а Пушкина не могла задеть надолго. Он просто выполнил просьбу приятеля..

Вместе с Пушкиным мы можем выйти на балкон губернаторского дома. Оттуда, как писал другой очевидец, в ясную погоду вы «явственно различаете прелестные окрестности города, Киндяковскую рощу, жилище ея владельца, и селения, лежащие на том берегу Волги» *.

Показывать их и рассказывать о них будет особенно радушный после обеда губернатор, «господин лет сорока с чем-нибудь, красивый, стройный <...> с кокетливо повязанным цветным галстуком».

Это знакомец Пушкина в том его дальнем странствии по городам и весям России.

Вглядимся в него:

«У губернатора были красивые, правильные черты лица, живые карие глаза с черными бровями, прекрасно очерченный рот с тонкими губами. Взгляд беглый, зоркий, улыбка веселая, немного насмешливая. Стройные, красивые руки с длинными прозрачными ногтями».

Прислушаемся к нему:

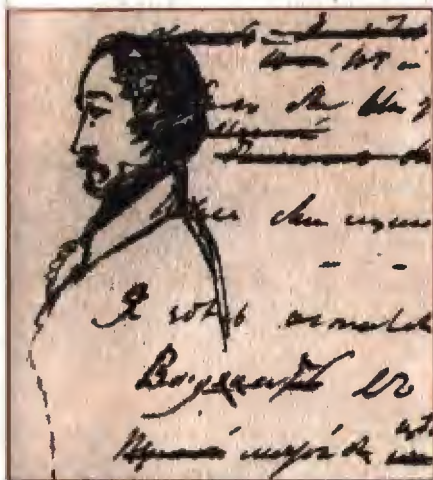
«Он бегло говорил по-французски, а русской речью владел мастерски, без книжного красноречия. Она свободно лилась у него, умно, блестяще, с искрами юмора, с неожиданными ловкими оборотами, остроумными сравнениями, антитезами. <...> Он отлично пользовался — не приобретенными систематическим путем, а всячески нахватанными знаниями почти во всем и обо всем. А нахватал он знания не из книг, не в школе, а с живых людей, на ходу, в толпе бесчисленных знакомых во всех слоях общества. <...> Апломб в разговоре, что называется, у него был удивительный: он отважно врезывался в разговор, как рубака в неприятельский строй, и отлично уклонялся, когда натыкался на неодолимую преграду.

Особенно мастерски владел он софизмом, как

* Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. СПб., 1837. С. 46.

отличный дуэлянт шпагой, и спорить с ним, поставить его в границы строгой логики было мудрено: он не давался».

Интересно: Пушкин в разговоре с ним двигал такие «преграды»? Спорил с ним о чем-нибудь? Или у Пушкина не было ни нужды, ни желания вступать с губернатором в такие диалоги?

Автограф стихотворения «Когда б не смутное влечение...». Слева — профиль мужчины: линии его лица и носа сходны с теми, которые мы видим у А. М. Загряжского на групповом портрете

Нам не суждено узнать об этом. Мы можем лишь догадываться, что поэта не обольстили ни внешность молодца-губернатора, ни его речи. Пушкин, с его прозорливостью, конечно, уловил многое — не только то, что губернатор покровительствует «скромной отшельнице».

Да ведь он наверняка и заранее знал кое-что о своем дальнем родственнике, которому губернаторство удалось не даром, а по заслугам: Загряжский был предан Николаю I в тот роковой день 14 декабря. Тогда многие сделали свой выбор...

У нас будет достаточно времени, чтобы приглядеться к нему, пока мы стоим на балконе и любуемся заволжскими далями.

Затем губернатор пригласит нас в дом... А надо сказать, что дом губернатора в Симбирске был убран с отменным вкусом и поставлен хозяином на широкую ногу. «Особенно коллекция картин в его кабинете была замечательна. Кроме того, вдобавок к казенной мебели он выписал еще много ненужных вещей, всегда с печатью вкуса». О губернаторе можно было бы рассказывать много; но мы вслед за Пушкиным должны будем вскоре покинуть губернаторский дом. Надо еще собраться в дорогу. Надо любезно попрощаться с губернаторшей, с их дочкой. С ней, как мы помним, протанцевал несколько туров вальса Пушкин...

Ее портрет оставил нам Иван Александрович Гончаров, который, кажется, был даже немного влюблен в Лизу Загряжскую: «Она ласково, немного краснея, от-

ветит на поклон веселой улыбкой, с оттенком легкой иронии, которая, как скрытая булавка, нет-нет да и кольнет. Дитя и вместе не дитя: прелесть девушка!»*.

Лиза Загряжская должна была произвести впечатление на Пушкина.

Через десять лет она выйдет замуж за его брата Льва Сергеевича...

Вернувшись в Болдино, Пушкин напишет стихотворение и сделает в его беловом автографе пометку: «1833, дорога, сентябрь»:

*Когда б не смутное влечение
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал...*

Черновой сохранившийся автограф не подскажет нам имя. Беловой, на котором стояла помета, утрачен.

Что значат эти слова «1833, дорога, сентябрь»? То ли, что встреча произошла в том путешествии в сентябре? То ли, что стихотворение написано «в дороге»? А «неведомая тишь»? Поэтический ли это знак провинции, где произошла встреча? Или не связанный с определенным местом поэтический образ?

Несомненно одно: в том путешествии в сентябре Пушкин пережил одно из тех впечатлений, которые не раз вызывали к жизни шедевры его интимной лирики**. Кто стоял за строчками этого стихотворения, можно только гадать. Но может быть, и здесь нам кое-что невольно подсказывает Гончаров, набросавший в своем очерке портрет пленительной девушки-подростка, которую увидел в Симбирске Александр Сергеевич Пушкин и которая спустя почти десять лет стала женой его брата?

* Семейство губернатора А. М. Загряжского Гончаров вывел под фамилией Углицких; его дочь Лиза Загряжская изображена под именем Сони.

** При жизни Пушкина это стихотворение не печаталось.

Глава четвёртая

От Симбирска
до Оренбурга

*Я приближался к месту моего назначения.
Вокруг меня простирались печальные пустыни,
пересеченные холмами и оврагами.*

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»

*В деревне Берде, где Пугачев простоял
6 месяцев, имел я une bonne fortune...**

Из письма А. С. Пушкина жене

Мы вступаем в одну из загадочных частей пушкинского путешествия.

Раньше были отдельные, небольшие по расстоянию участки его маршрута, которые нельзя подтвердить с абсолютной точностью (они не нарушают главного направления). Например, почтовая дорога из Мурома в Нижний Новгород как будто не заворачивала в Павлово, хотя это знаменитое село расположено рядом с трактом **. Там не было почтовой станции. Однако есть основания предполагать, что Пушкин с его любознательностью, впервые попав в эти края, заворачивал в Павлово, хотя это село не требовало обязательной остановки; оно, как, кстати, и Ворсма, даже не обозначено ни на одной карте тех лет.

Или дорога из Казани в Симбирск. Известна запись Пушкина в дорожной книжке о Лаишеве, имеются сведения о столкновении его с тамошним станционником смотрителем. Так что мы вправе полагать: он ехал именно этой дорогой, а выбрал ее для того, чтобы осмотреть развалины болгарской столицы.

Переправившись через Волгу у Тетюшей, Пушкин мог, как мы уже обращали внимание, поехать вдоль Волги через село Большие Тарханы, а мог выбраться к Буинску и оттуда, уже по большой дороге, следовать до Симбирска. Какую дорогу на самом деле он выбрал после Тетюшей, мы точно не знаем. Но мы знаем, что это не влияет существенно на маршрут — на его протяженность, продолжительность, на те впечатления, которые дарила дорога.

Иное дело — участок пути от Симбирска до начала Оренбургского тракта за Самарой.

Мнения ученых разделились. Спор сводится к тому — правобережьем или левобережьем Волги ехал

* Удачу (франц.).

** Его также называли Павловским.

Оренбург. Памятник А. С. Пушкину.
Скульптор В. Степанин. 1983

Пушкин. Гористой стороной правого берега (эту дорогу именовали еще «горы») или низинной, левобережной?

Если ехать от Симбирска правобережьем, то до Оренбурга считалось примерно 620 верст. Если левобережьем — 580. Некоторые исследователи привлекают разницу этих верст как одно из доказательств в пользу левобережья: Пушкин спешил и потому предпочел путь на сорок верст короче.

Мы могли видеть: по пути из Казани в Симбирск такое же примерно количество верст не играло для Пушкина существенной роли, он выбрал более длинную дорогу, идущую через Булгары.

Вообще аргумент о спешке и несколько меньшем «верстаже» вряд ли может играть определяющую роль. Из Симбирска, как мы знаем, Пушкин отправился в Языково, в самом Симбирске задержался, хотя этот

город не представлял для целей его путешествия такого интереса, как, например, Казань; до Языкова и обратно почти 120 верст...

Схема маршрута от Симбирска до Самары и пригорода Алексеевск. Составлена по Почтовой карте Российской империи 1808 года: 1 Симбирск, 2 Ключищи, 3 Ясашин Таши, 4 Тертыга, 5 Горюшки, 6 Чека или или Нивнов, 7 Сызрань, 8 Крестен-

ка, 9 Тушна, 10 Сенгидей, 11 Бехтняка, 12 Маза, 13 Уолве, 14 Жигули, 15 Асули, 16 Боркова, 17 Самара, 18 пригород Алексеевск

Сторонники левобережного варианта обращаются к пушкинскому письму от 14 сентября*. В нем есть такие строчки: «Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой... Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений».

Пушкин сам как будто указывает на изменение маршрута.

* Ученые, считавшие, что Пушкин проехал до Самары правым берегом Волги, — Б. В. Томашевский, Н. Е. Прянишников, Н. В. Измайлов, С. А. Попов, П. С. Филатов, Е. Н. Дунаева, Р. В. Овчинников. М. Я. Цявловский в «Хронологической канве биографии А. С. Пушкина» (1931) писал, что Пушкин ехал луговой, левобережной стороной. В 1935 году вместе с Л. Б. Модзалевским он уже отстаивает *правобережье*. Ю. Л. Славянский — автор исследования «Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал» (Казань, 1980) — склоняется к левобережному варианту.

Однако тут не все однозначно.

Первый раз, в ночь с 12 на 13 сентября, он выехал по дороге на Сенгилей, но с третьей станции, из-под самого Сенгилея, вернулся. Этому соответствуют его слова о горе: «Гора — лошади не взвезут». Между Сенгилеем и селом Тушна (вторая почтовая станция от Симбирска) действительно гористая местность с крутыми подъемами и спусками на пятой, восьмой и двенадцатой верстах (считая от Тушны).

Выезжая второй раз, Пушкин, как пишет он сам, выбирает другую дорогу. Какую?

Вдоль левого берега в те времена почтовой дороги не существовало. Тракт был учрежден там позже — не ранее 40-х годов*. В письме же он называет «другую» дорогу, по которой поедет, не дорогой, а трактом. Трактом в те времена именовалась не всякая дорога, а именно большая, почтовая.

Может быть, Пушкин не точно употребил слово?

Однако трудно поверить в то, что простую проезжую дорогу он назвал трактом.

Какой же *тракт* он имел в виду? Может быть, тот, что шел из Симбирска на Тереньгу и Сызрань? Это был почтовый тракт со станциями в селах Ключищи, Ясашная Ташла, Тереньга, Горюшки, Чекалина (или Ивановское) и, наконец, в уездном городе Сызрань. Кстати, эта дорога на «Почтовой карте Российской империи» 1829 года обозначена как *губернская*. На Сенгилей и дальше — на Самару, Бузулук и Оренбург — *столичная*.

Как явствует из письма Пушкина от 14 сентября, он от «столичной» отказывается. Ради какой?

Станем за точку зрения «левоберезжников».

* Об этом см.: *Липинский А. И.* Симбирская губерния.

Гористая местность по дороге к Сенгилею

Утром 15 сентября поэт переплывает на пароме Волгу. С парома делает карандашный набросок симбирского берега.

На одной странице дорожной книжки — этот рисунок; на другой — под ним (рисую, Пушкин повернул книжку так, чтобы рисунок имел горизонтальную компо-

Рисунок А. С. Пушкина из дорожной книжки 1833 года

зицию) написал: «Смоленская гора. Церковь Смол.(енская) и дом Карамзин(а) * 15 сент. Волга».

Но с парома ли, с воды ли сделан рисунок? Сказать трудно.

Находясь на месте, в Симбирске, то есть в нынешнем Ульяновске, можно убедиться, что композиция и ракурс пушкинского рисунка могут быть доступны и художнику, который не станет выезжать на реку, а будет рисовать с берега, стоя у самой воды. Следует к тому же учесть, что во времена Пушкина эта позиция художника была отодвинута еще дальше к воде; сейчас она из-за Волжской плотины поднялась и затопила старые плёсы.

Гораздо больше самого рисунка убеждает, конечно, дата на нем — зачем в утро отъезда Пушкину потребовалось спускаться к Волге? Разве что дорога, которая

* Окончание прочитывается с трудом. Может быть, и «Карамзин(ых)».

вдоль правого берега, тоже начиналась возле самой воды... Хотя, зная топографию Симбирска, в это трудно поверить.

Однако проследуем на левый берег.

После переправы Пушкин должен был ехать через Красный Яр, Белый Яр, Хрящевку, Федоровку, Ставрополь, Курумыч, еще один Красный Яр, Новую Семейкину, Самару, пригород Алексеевск*.

Однако эта карта дает лишь общую картину пути и не дифференцирует дорог. Мы же знаем, что в 30-е годы вдоль левого берега Волги почтовой дороги не было.

Неясно из этой карты и то, в каком месте была переправа (мост, брод или паром) через реку Сок. Она должна находиться где-то возле второго Красного Яра. Вопрос об этой переправе не праздный, ибо карта не обозначает других местных (проселочных) дорог, которые вели от переправы через Сок к пригороду Алексеевскому, минуя Самару.

Помочь может карта более крупного масштаба — «Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений». Правда, она издана как минимум за четверть века до предыдущей**, а стало быть, отражает несколько иную дорожно-географическую ситуацию. Тем не менее и ее мы обязаны привлечь для прояснения нашего вопроса.

В отличие от карт почтовых дорожников на эту карту нанесены даже незначительные населенные пункты. На ней можно видеть, что, добравшись вдоль левого берега до Ставрополя, путешественник мог и не продолжать путь по левобережью, мог переправиться на правый берег. В этом был резон: имелась возможность попасть на главную, «столичную» дорогу и не совершать значительного объезда Самарской Луки.

На карте 1833 года объезд выглядит не очень значительным — Курумыч, Красный Яр, Новая Семейкина. На карте начала века он больше. Но тогда была несколько иная топография и переезд через реку Сок находился восточнее, в Архангельском, хотя не исключено,

* Пригород в старой России — это селение, административно подчиненное более крупному населенному пункту, чаще всего городу.

** Карта эта, точнее, атлас, посвященный «Его Величеству Государю императору Александру Павловичу», не имеет даты. В отделе картографии Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде он определен как атлас самого начала века.

что это село или деревня и Красный Яр находились рядом или это вообще один и тот же населенный пункт (иногда старые карты давали два названия, одно из них с годами

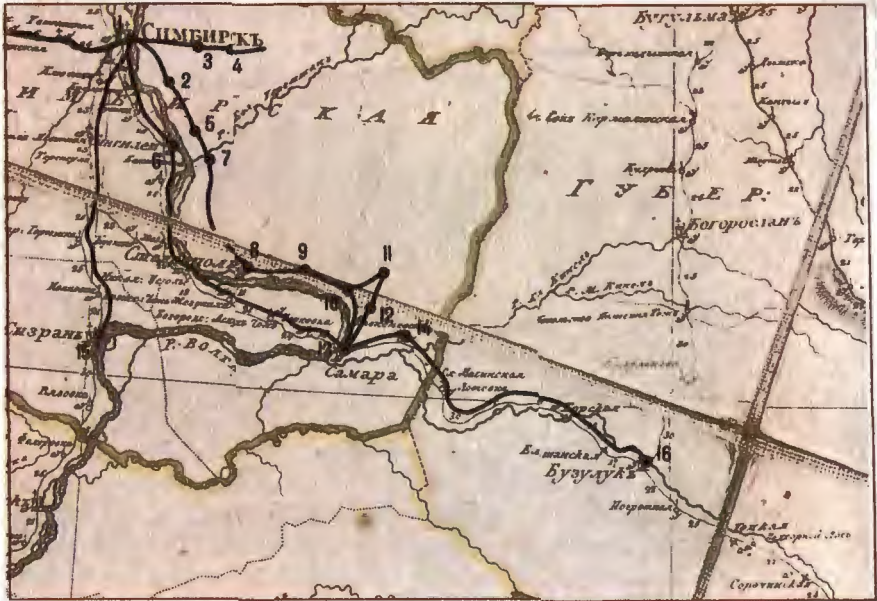

Схема маршрута из Симбирска до Буздука:
 1 Симбирск, 2 Красный Яр, 3 Чердаклы,
 4 Матюшкино, 5 Белый Яр, 6 Сельский,
 7 Хрящевка, 8 Старополь, 9 Федоровка,

10 Курумач, 11 Красный Яр, 12 Новая
 Семейкина, 13 Самара, 14 Алексеевск, 15 Сы-
 рань, 16 Буздук

«отпадало» и уже не фиксировалось на более поздних картах).

Не прясняет ситуации и «Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющий», изданный в 1800 году.

В него между тем тоже надо заглянуть: в библиотеке Пушкина есть экземпляр этого атласа; возможно, поэт им пользовался*. К сожалению, атлас не имеет никаких пометок. Не обозначены на картах этого атласа и дороги, однако указаны даже мельчайшие населенные пункты. Есть в этом атласе и Курумыч, и Семейкина, а также Красноярское, то есть Красный Яр более поздних карт.

* Впервые он демонстрировался на Пушкинской выставке 1899 года, будучи передан туда А. Н. Орловым. По его словам, атлас принадлежал Пушкину. Экземпляр очень потрепан.

Вывод, который можно сделать, изучая старые карты: дорога по левому берегу предлагала путешественнику *разные* варианты.

Теперь надо обратиться к другой стороне проблемы.

До Ставрополя по левому берегу путешественник должен был ехать не на почтовых лошадях, а на так называемых вольных. Наем их у крестьян или других жителей не был так гарантирован, как предоставление лошадей в ямах, то есть на почтовых станциях. Надолго удаляться от почтовой дороги значило подвергать себя дополнительному риску. Кроме того, за вольных лошадей брали подчас в несколько раз дороже (что, как мы понимаем, тоже существенно).

Сомнительным кажется и наем *одной* тройки на всю дорогу от Симбирска до Самары (хотя и эту возможность не стоит полностью исключать). Коляска у вас (как это было у Пушкина) своя, значит, вы нанимаете только лошадей. Но не всякий хозяин подрядит вам лошадей на такой длинный путь, чтобы затем (верхом на одной из лошадей?) возвращаться обратно в Симбирск.

Разумеется, вольных лошадей в ту пору подряжали. Но это частенько оборачивалось задержками в пути. Зачем же, как говорится, городить огород и пускаться в путь по проселочной дороге, когда есть почтовый тракт, а у вас право (подорожная) на получение казенных лошадей?

Помните, у Федора Рындовского в его «Путешествии и отдыхе»:

Как досадно,

Долго кляч мужичьих ждать!

Разъезжать на них накладно,

Нукать, тпруковать и стоять.

Тем не менее, доехав до Ставрополя на «мужичьих» по левому берегу, вы могли переправиться на правый берег и вновь обрести возможность пользоваться почтовыми лошадьми.

Теперь перейдем на позицию «правобережников».

«Другая дорога», о которой упоминает Пушкин в письме жене,— это, возможно, губернская дорога из Симбирска в Сызрань. На ней была организована ямская

служба со сменной лошадей в селах Ключищи, Ясашная Ташла, Тереньга и дальше.

Пушкина испугала плохая дорога с крутыми подъемами до Сенгиля — он возвратился в Симбирск и второй раз поехал до Тереньги. Там нет таких крутых участков. В Тереньге по проселку он свернул на Бехтяшку, то есть на ту дорогу, которая шла непосредственно вдоль

Схема дорог вокруг Самарской Луки: 1 — Уолье, 2 — Вознесенское (Жигулиха), 3 — Сергиевское, 4 — Дмитриевское, 5 — Богородское, 6 — Шенехме, 7 — Новошки, 8 — Рождественское, 9 — Самара,

10 — Нижние Пидовки, 11 — пригород Алексеев, 12 — Ставрополь, 13 — Узюково, 14 — Пшала, 15 — Бинаратка, 16 — Архангельское

правого берега Волги. На «поворот» от Тереньги до Бехтяшки ямщики скорее всего соглашались без особых уговоров: расстояние небольшое. Это было, как говорится, в пределах ямщицких возможностей — ямщики не «выпадали» из системы почтовых станций.

Вновь можно вспомнить Ф. Рындовского, который писал о ямщиках: «Все дорожки, тропки знают, где объезд есть, объезжают...» Признание поэта из Тетюшей, понятно, не может явиться решающим аргументом. Но дорожные условия России начала века он описывал красочно и, по-видимому, близко к истине, во всяком случае давал понять, что путешественник той эпохи не сворачивал без крайней необходимости с большой почтовой дороги.

У Пушкина такой необходимости не было.

Путь от Симбирска до Самары он мог проделать по удобной для тогдашнего путешественника дороге.

Но вот до Самары ли? Этот городок на Волге тоже под вопросом.

Свою версию «левобережники» подтверждают, в частности, ссылкой на то, что Пушкин не был в Самаре, а проехал стороной и даже, мол, сделал в дорожной книжке соответствующую запись: «Смышляевка» — название села в стороне от Самары.

Запись о Смышляевке находится на первой странице дорожной книжки, в самом ее низу, в составе следующего самостоятельного абзаца: «Оцюш кайбас, бог. Дом Пустынникова. Смышляевка»*.

«Оцюш кайбас, бог» — это имя верховного божества мокши (этнографической группы мордовской народности), записанное искаженно. Оцюшкавабас или оцюшкайбас — так было бы правильнее**.

«Дом Пустынникова» — это дом симбирского миллионера, где, видимо, останавливался граф П. И. Панин, один из организаторов подавления пугачевского восстания. Возможно, Пушкин осматривал этот дом.

Смышляевку, селение в Поволжье, исследователи то «приближали» к Самаре, то «отдаляли» от нее***. Но это, может быть, и не важно. Важно другое. На картах того времени — начала века, двадцатых и тридцатых годов — ее нет. Находилась она между Самарой и следующим пунктом с почтовой станцией, пригородом Алексеевским****. На «Подробной карте Российской империи» она должна была бы располагаться между Самарой и Нижними Падовками, ближе к последним, и находиться

* Собрани: сочинений Пушкина, включая и академическое в 16 томах, печатают эту запись почему-то последней, произвольно переставляя страницы дорожной книжки. Кстати, как свидетельствует факсимиле, Пушкин записал название этого села старой орфографией — Смышляевка.

** Впервые расшифровка дана саранским краеведом И. К. Инжеватовым в статье «Пушкин в Мордовии».

*** Ю. Л. Славянский в книге «Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал» помещает ее в 52 верстах к северо-востоку от Самары (С. 113). У П. Филатова, автора статьи «Пушкин в Бузулуке», она в 22 верстах «южнее Самары» (газета «Пушкинский край». 19—21 августа 1969 г.).

**** Он был снован Петром I во время путешествия по Волге и назван в честь его сына царевича Алексея.

примерно в двадцати километрах от центра Самары*.

Запись в дорожной книжке свидетельствует о том, что это село почему-то заинтересовало Пушкина. Может быть, он потому и записал название, что его не было на почтовой карте. Подчеркну еще раз, что, по мнению «левобережников», Пушкин должен был проехать не через Самару, а именно через Смышляевку (оттого ее название и появилось в его дорожной записной книжке).

Теперь вновь станем на позицию «правобережников».

Путь Пушкина должен выглядеть так (называем населенные пункты с почтовыми станциями, начиная от Бехтяшки): Маза, Усолье, Жигулиха (Воскресенское), Аскулы, Боркова. За деревней Боркова следовало село Рождествено. Оно лежало рядом с Волгой, и там была переправа**. Ее изображают — паром с людьми и коляской — братья Г. Н. и Н. Н. Чернецовы в своей «Параллели берегов реки Волги», созданной в 1838 году***. За переправой дорога вела через Самару или рядом с Самарой на пригород Алексеевск.

Считается, что Пушкин в Самаре не был, но проехал Смышляевку.

Дорожная логика приводит к заключению: если он проезжал Смышляевку, то должен был заехать и в Самару и уж во всяком случае проехать рядом с ней, по ее окраинам.

Но он же нигде не упоминает Самары! И никто из современников не упоминает, что он проезжал через нее (аргумент «левобережников»)!

* *Километры* даются вместо верст, чтобы легче представить современное расстояние от центра Самары до ее района Смышляевки. С городом она слилась в послевоенное время. В годы Великой Отечественной войны там был совхоз и кое-какие промышленные объекты, а ближе к городу, в десяти километрах, располагалась знаменитая тогда Безымянка с оборонными заводами.

Кстати, Смышляевка лежит не на северо-восток и тем более не на юг, как считают некоторые исследователи, а на *восток* от города.

** Это традиционное место перевоза. В годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы здесь для пассажиров курсировал пароходик с гордым именем «Рассвет». Мальчишки хвастались непосвященным: «А я на *рассвете* Волгу переплыл!»

*** Параллель берегов реки Волги. Симбирская губерния. Правый берег (Гос. публ. библ. Ф. Эрм. 605/5, л. 86).

Пушки не упоминает и некоторые другие города, через которые, без всякого сомнения, проезжал,— Владимир, Муром, Свяжск, Тетюши. Что же касается современников точнее — одной современницы, то тут как раз нам задана дополнительная задача...

Но споев еще одно, заключительное сообщение обо всем участке маршрута от Симбирска до Смышляевки и Самры.

Из всег вышесказанного можно сделать вывод, сближающий и отчасти примиряющий сторонников левобережного и правобережного вариантов.

Вот это вывод.

Утром 5 сентября Пушкин выехал из Симбирска «другой дорогой», «другим трактом». Дорога эта, или тракт (если он все же оговорился), вела на перевоз через Волгу (здесь с берега или с парома он сделал свой рисунок). Дальше он проследовал по проселочной дороге до Ставрополя. В Ставрополе переправился на правый берег Волги, с тем чтобы выбраться на основной, Оренбургский тракт.

Заезжа он в Самару или нет, неясно: паром мог приставать у северной окраины города. Поэтому путешественник, не заезжая в город, следовал через Смышляевку на Алексеевск.

Большоо интереса для Пушкина Самара, возможно, и не представляла. Пугачева в ней не было, правда, пугачевцы однажды ее ненадолго захватили... Об этом Пушкин упоминает в начале пятой главы «Истории Пугачева».

Интерено другое: в Самаре могли знать о путешествии Пушкин; о том, что он проследовал в Оренбург.

Перед нами письмо девицы Евгении Захаровны Ворониной из Оренбурга в Самару к ее подруге Е. А. Энгельке. В Оренбург Е. Воронина отправилась с другими своими подругами, дочерьми богатого самарского помещика Петра Ивановича Шелашникова. Ее письмо наполнено замечаниями о переезде из одного города в другой и о первом впечатлении от Оренбурга. В письме

«Насилу доехал, дорога прескучная, пошла холодная...»
Из письма Пушкина жене. Оренбург, 9 сентября

неожиданно упоминается Пушкин. Вот это место:

«Пушкина мы уже не застали здесь: он уехал накануне нашего приезда. Цель его путешествия — собрать сведения о Пугачеве, которого историю он намеревается писать. Верстах в семи от Оренбурга есть деревня Берды, где живет одна старуха, которая знает много подробностей о Пугачеве, и Пушкин ездил туда ее расспрашивать. Она рассказывала ему много любопытного и даже пела ему несколько пугачевских песен» *.

Письмо датировано 25 сентября 1833 года.

Пушкин выехал из Оренбурга двадцатого.

О поездке Пушкина в казачью слободу Берды, о встрече его со старой казачкой Е. Воронина могла услышать от общих знакомых. Девицы Шелашниковы и Воронина по приезде в Оренбург познакомились со многими представителями оренбургского общества. Так, в четвертом письме Воронина упоминает о званом обеде, на котором была мадам Даль, а «муж ее был занят, не мог быть на обеде, но приехал к вечеру». Муж — это Владимир Иванович Даль, с которым Пушкин и ездил в Берду.

С Далями Воронина встретилась еще в сентябре (то письмо было уже октябрьским), даже оставила любопытную характеристику жены Даля: «Мила, как нельзя более: миньютюрненькая, голосок тоненький, звонкий, ну точно колибри эта интересная немочка. Муж ее (...) женат не более двух месяцев...»

Чего только не узнаешь от этих барышень! Евгения Воронина, или, наверное, Эжен, как ее должны были бы называть подруги, набросала в своих письмах, сама того не подозревая, замечательнейшую картину оренбургского общества. У нее зоркий глаз, неплохой слог. Она немного сентиментальна и романтична, как и положено провинциальной барышне ее круга, но это не мешает ей верно оценивать людей. Она играла на фортепьяно, читала **, с нею наверняка интересно было беседовать. Она была из тех провинциальных барышень, о которых с такою теплотой писал Пушкин в «Барышне-крестьянке»:

«Те из моих читателей, которые не живали.

* Русский архив. 1902. Кн. 8. С. 647. Все отрывки из писем Е. З. Ворониной приводятся по этому изданию.

** Из одного письма следует, что она знала произведения популярного тогда Казака Луганского (псевдоним В. Даля).

в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни...»

Вид на акате у села Рождествово

У Е. Ворониной *такою* была поездка из маленького, заштатного (в нем даже — узнаем из письма — нет гостиницы!) городка, каким была тогда Самара, в губернский город Оренбург.

В Оренбурге она узнала подробности посещения этого города Пушкиным.

А не значит ли это, что если в письме идет речь о подробностях, то сам факт пребывания поэта в Поволжье уже известен ей и ее подруге?

Перечитаем письмо. Его первая фраза — «Пушкина мы уже не застали здесь» — гово-

рит о том, что и Е. Воронина и Е. Энгельке как будто уже осведомлены о пребывании Пушкина в их краях.

Совсем другая смысловая интонация звучит в словах В. Даля, для которого приезд Пушкина в Оренбург явился сюрпризом. В начальной фразе второго абзаца воспоминаний о пребывании Пушкина в Оренбурге В. Даль пишет: «Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный...»

Фраза в письме Е. Ворониной построена так, как если бы подруги продолжали прерванный в их родном городе разговор. Там они о Пушкине говорили и, значит, знали, что он направляется в Оренбург, а из Оренбурга Воронина лишь сообщает: его мы уже здесь не застали. Дальше она сообщает подробности, о которых могла узнать только в самой Оренбурге.

Но каким образом провинциальные самарские барышни узнали о том, что Пушкин появился в их

краях? Из «Северной пчелы», «Инвалида»? Но в этих самых оперативных изданиях той поры никаких сообщений о поездке Пушкина не появлялось. Да ведь и не знаем мы, читали наши девицы эти газеты или нет. Официальная переписка об учреждении за Пушкиным полицейского надзора не могла дойти до их ушей, да и «запаздывала»

Оренбургская степь

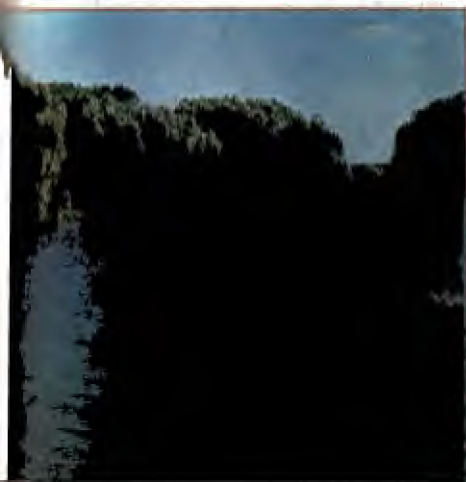
она почти на месяц. Может быть, кто-то из других корреспондентов писал им — из Симбирска, Казани или из самого Петербурга? Не исключено. Но об этом мы можем только гадать. Сохранились лишь письма самой Е. Ворониной.

Кстати, письмо, о котором мы говорим, было, по всей видимости, первое письмо Е. Ворониной из Оренбурга. В нем подробно описаны дорожные впечатления и все, что связано с первыми впечатлениями от города. Вообще каждое ее письмо весьма обстоятельно — свидетельство основательности характера. Поэтому трудно предположить, что было еще одно, самое раннее письмо, неизвестное нам, в котором Воронина кратко извещала подругу о пребывании Пушкина в Оренбурге. Хотя, конечно, и отвергать категорически такую возможность тоже нельзя...

Может быть, реальнее все же предположить, что о поездке Пушкина в Оренбург подруги узнали в Самаре? Может быть, он все же заезжал в нее? Может быть,

кто-то видел его на переправе через Волгу или на почтовой станции в городе? *

Мы, конечно, должны быть весьма осторожны с показаниями современников и современниц. Но, с другой стороны, и пройти мимо их свидетельств тоже не имеем права. Как мы уже могли убедиться на примере барышни из Симбирска, с которой Пушкин протанцевал несколько туров вальса, в непритязательных и искренних словах таких свидетельниц есть и правда, и бесценные подробности. О них бы мы никогда не узнали, если бы эти барышни не взяли за перо.

Прюд в станции Переволоцкой

Путь на юго-восток от Волги показался Пушкину «прескучным», но на подъезде к Бузулуку его ненадолго принял в свои объятия сосновый бор. Это было неожиданно — после степных, голых мест вдруг вековые сосны, знакомый их шум, удары колес о корни на песчаной дороге, лесная осенняя благодать.

Как сохранился этот бор здесь огромным островом среди степей? Но, стало быть, сложились для этого условия, не дали погибнуть вековым деревьям и не дают молодому подлеску, кудрявым березам на опушках, кустарнику. А что зверья здесь, птиц! С обочины, из-под самых колес не раз срывались, отчаянно хлопая крыльями, тетерева...

На лесном кордоне предложили связку рябчиков. Грех было не взять. А цена в этой глухомани была такая, что даже Гаврила торговаться не стал.

Возле крепости Борская — переправа через Самару. Сколько их уже было на пути, сколько будет...

* Но не в Смышляевке: в ней почтовой станции не было. Его могли увидеть и в Красном Яре, на подъезде к самарским краям. Но обо всем этом мы ничего не знаем достоверно. А может быть, он заглянул на Воздвиженскую ярмарку, которая каждый год 15 сентября открывалась в Самаре?

Лошади громко переступают по деревянному настилу. Звучно опускаются в воду весла. У ямщика с паромщиком серьезный разговор про сено да про то, много ли в нынешнем году выпадет снега. Ямщик настаивает, что никак не меньше двух с половиной аршин, а то может быть и все три... *

Бузулук Пушкин проехал утром на второй день пути. Бузулук — это уже центр пугачевских событий. Здесь бушевала, хозяйничала, побеждала и терпела поражение казацкая и крестьянская вольница.

Вот одна из записей в материалах, собранных Пушкиным к «Истории Пугачева»: «Казак Василий Елизаров <...> ездил грабить и бунтовать Бузулукский уезд в 30 вер.<стах> от кр.<епости> Бузулукской, отст.<авной> переводч.<ик> Арапов принял его с ласкою и, напоив допьяна, отобрал оружие и спасся, убив 2 злодеев».

Один из тысяч эпизодов, совершавшихся здесь, в бузулукских степях, в бузулукском бору, в самом Бузулуке, маленьком, тихом городишке, примостившемся у слияния рек Самары и Бузулука.

Дорога бежала дальше. Слева и справа открывались холмистые просторы с небольшими лесками и зарослями кустарников, которые облюбовывали склоны оврагов, с ясными до самого горизонта, чистыми далями и холодновато-синим небом. Это была земля казачьих поселений, башкирских кочевий. Лошадей перепрягали в *крепостях* — Тозкой, Сорочинской, Новосергиевской, Переволоцкой, Татищевой, Чернореченской. Меж них затесалась ближе к Бузулуку деревня *Погромная*, где-то посередине — *редут* Полтавский.

Порой глаз ловил парящего над степью коршуна. Кого он высеживал с своей высоты? Маленького зверька, птицу или кого покрупнее? Сейчас-то в степи тихо; видно, как кой-где пасутся овцы; человек стоит, опершись на посох, провожает взглядом коляску на большой дороге; сухой шар-скелет, подхваченный ветром, несется куда-то и пропадает вдали. Спокойна степь. А ведь полвека с небольшим взвихрялись здесь немирные кар-

* В книге П. И. Рычкова «Топография Оренбургская» Пушкин подчеркивает на полях слова о трехаршинной глубине снега в Уфимской и Исетской провинциях, «но близ *Оренбурга* и около линейных крепостей, что ближе к *Яшу*, и далее на *Киргис Кайсацкую* степь, то меньше» (СПб., 1762. Ч. I. С. 202).

тины, и этим парядим в поднебесье хищникам было чем поживиться на пожитой кровью земле...

Как мало мы знаем с Пушкине!
Как много мы знаем о нем!

Портрет В. А. Перовского.
Неизвестный художник с оригинала К. Брюллова.
Масло, 1836.

Мы строим догадки, по какому маршруту он ехал, пристально вглядываемся в города, которые он посетил. У нас только одиннадцать его писем с дороги, они о многом умалчивают, на многое только намекают, но это целый мир, который постепенно открывается нам.

Не сохранилось пушкинской подорожной того путешествия. Об одной лишь книге можно с уверенностью сказать, что он брал ее с собой («Жизнеописание Бибикова»). Из всех предметов, которые были с ним, до нас не дошел ни один. Но почти каждый этап его путешествия отмечен чьим-либо вниманием. О Казани рассказали записки Александры Фукс. О встрече в Нижнем Новгороде вспоминала Л. Никольская. О посещении симбирского губернатора поведала

К. Короткова. О пребывании в Оренбурге вспоминал Владимир Иванович Даль.

Его воспоминания особенно драгоценны...

Пушкин приехал в Оренбург утром и остановился в загородном доме на так называемой даче губернатора Василия Алексеевича Перовского*. Они были знакомы еще по Петербургу. Были даже дружны и говорили друг другу «ты».

Перовский был старше Пушкина на пять лет и принимал участие в Отечественной войне. На Бородинском поле его ранил; он попал в плен к французам и был

* Дом сохранился в значительно перестроенном виде. Там теперь 2-я городская больница (проезд Коммунаров, 19).

освобожден только через два года, когда русские войска вошли в Париж. Он успешно делал карьеру. Этому не помешало даже то обстоятельство, что в 1817—1818 годах Перовский оказался членом декабристского Военного общества. В дальнейших декабристских организациях он не состоял, а потому Следственной комиссией был «оставлен без внимания». Полковник Перовский был адъютантом наследника, 14 декабря 1825 года — рядом с ним и вновь получил ранение. Николай оценил преданность своего адъютанта. Как и Загряжский, Перовский получил в свое время губернаторство.

Если бы Пушкин оказался 14 декабря на Сенатской площади (а, как мы знаем, накануне он выехал из Михайловского в Петербург, но вернулся)*, он стал бы противником и Загряжского и Перовского. Судьба распорядилась иначе.

18 сентября Василий Алексеевич Перовский дружески принимал Пушкина в своем загородном доме.

От него до города, до Сакмарских ворот крепости, было не более версты. Вскоре по приезде, после первых расспросов и рассказов, оттуда, с дачи, Пушкина повез в город чиновник губернской канцелярии и также его знакомый Владимир Иванович Даль.

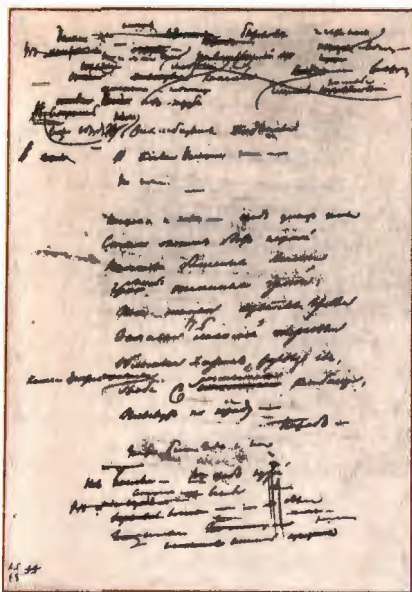
Познакомились они год назад. Даль «по окончании турецкого и польского походов приехал в столицу и напечатал первые опыты свои». Так пишет сам Даль. И еще он пишет, что тогда Пушкин по своему обыкновению засыпал его «множеством отрывочных замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается».

Это место воспоминаний Даля для нас тоже существенно, ибо предметом тогдашнего разговора между ними был русский язык и сказки.

«Сказка сказкой,— передавал слова Пушкина Даль,— а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать

* И в тот раз был «виноват» заяц, который перебежал дорогу; даже не один, а два да еще священник, встреча с которым, как известно, тоже к добру не приводит. «А вот каковы были бы последствия моей поездки,— передавал С. А. Соболевский его слова.— Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером <...> и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 7).

этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать,—надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»*

Страница черовика поэмы «Медный всадник» картина наводнения из первой части поэмы

После тех встреч с Пушкиным — сначала в Петербурге, потом в Оренбурге — Даль утвердился в намерении собирать сокровища русского языка... Речь, однако, не о нем, а о Пушкине. Слова поэта, которые вспоминает Даль, заставляют и нас кое о чем вспомнить, а именно о том, что в оренбургском путешествии Пушкин продолжает думать о силе и красоте русского языка, о необыкновенных возможностях его звучания в народной сказке. В то время, когда произошла в Оренбурге встреча с Далем, у Пушкина в дорожных тетрадах, возможно, были уже сделаны наброски двух сказок — «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях».

Три года назад в Болдине он написал первую свою сказку — «О погое и о работнике его Балде». Теперь не давали ему покоя две другие. Какая из них просилась на перо первой? А может быть, обе сразу обрели себя в стремительных, неразборчивых строчках, лежащих на листы, которые он доставал во время ночлега или задержек на почтовых станциях?

Черновик точнее, отрывки, наброски, зачеркнутые и вписанные сокращенно слова сказки «О мертвой царевне и о семи богатырях» мы находим в одной из его тетрадей, которую он брал с собой в поездку. Когда же это было написано? По приезде в Болдино или еще в дороге?

В письме кене из Оренбурга от 19 сентября он сообщает: «А уж чувствую, что дурь на меня находит — я

* А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2.

и в коляске сочиняю, что ж будет в постеле?»

«Сочиняет» в коляске... А записывает во время остановок? Писать в коляске во время движения мудрено: карандаш и бумага прыгают. Черновики тех начатых, обдумываемых в дороге и законченных в Болдине произведений написаны чернилами... У Пушкина наверняка была дорожная чернильница, но вряд ли он ею пользовался «в коляске».

Однако это не самое существенное. Многие строчки тех произведений, которые он обработает и набело перепишет в октябре и ноябре в Болдине, наверняка приходили к нему еще в сентябре, в дороге. Строчки поэтических произведений — сказок, поэм «Анджело» и «Медный всадник». Сказок, может быть, в первую очередь. Хотя как знать? Некоторые важные места такого сюжета, как «Медный всадник», тоже могли воплощаться в строчки в дороге, во время все большего постижения стихии народной жизни, народного возмущения и бунта в пугачевскую эпоху, в размышлениях о судьбе простого человека, попавшего в водоворот грандиозных событий.

В дороге Пушкин, конечно, записывал в основном стихи. «История Пугачева» требовала иных условий — распаковки книг, рукописей. Сочинять стихи он действительно мог и в коляске. Тряска не мешала ритмам. Пейзажи не отвлекали.

Светило солнце, в вечернем небе всплывала луна, налетал порывами из степи ветер — коляска уверенно катилась вперед, звенел поддужный колокольчик, человек, привалившись к сиденью, задумчиво смотрел вдаль, его крупные, выразительные губы шевелились:

*Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.*

.....
*Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой
Круглолицый, светлоокий...*

.....
*Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе...*

Море вставало перед глазами так живо, что слышался его немолчный ропот. Море врывалось в другую сказку, которая тоже трепетала, просилась на волю:

*Жил старик со своею старуою
У самого синего моря;
Они жили в ветхой земляне
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу..*

Однажды, переправляясь через Волгу, Пушкин завел разговор со стариком волжанином, небогатым — по всему видно было — человеком. Он жаловался: меньше стало рыбы в Волге, не то что в былые годы. Как же так? — удивился Пушкин: он видел связки золотой стерляди на всех, счигай, пристанях, которые проезжал. А вот так! — настаивал на своем старик. — Народ совесть потерял, о своей лишь выгоде радеет, не думает о том, как нас внуки поминать станут. Чем нынче только не ловят рыбу! И больше всего — запрещенными орудиями лова, в особенности черными снастями: крючьями, нанизанными на волосянки, которые крепят к бечевкам, перегородками, забойками, переборами, колоссами. До чего додумались: закатывают в парной хлеб орешек с отравой — куколевану; рыба глотает, мечется, подыхает. Сколько ее выловят? Больше дохлой вниз по течению сплывет! Из отравленных мест она уходит надолго*...

Обо всем этом и узнаешь только из такого разговора с простым человеком. На губернаторских обедах речь больше о процветании да изобилии края, о материях государственных, возвышенных, а не о какой-нибудь там куколеване или колоссах, губительном изобретении волжских рыбаков.

«Плывет рыбак и тянет за собой убогий невод».

На Волге невода богаты... Слава богу, пока богаты. И сами ловят для своего стола, и в столицу отправляют. Не переводится осетрина в Английском клубе Москвы и в Петербурге... Может быть, пугал старик. Старым людям всегда кажется, что в их молодые годы лучше было.

Тот разговор был мимолетен. Как и многие другие со случайными встречными — с путешествующими

* В седьмом примечании к первой главе «Истории Пугачева» Пушкин подробно рассказал о законных методах лова на Урале.

по собственной надобности помещиками и по казенной — чиновниками, с мещанами и солдатами, с богомольцами, купцами, крестьянами. Пушкин никого не сторонился. Со всяким он находил приветливое, понятное собеседнику слово.

Ближе к Оренбургу жадность до людей, до разговора с ними стала тесниться другой жадностью. Он теперь реже выходил из коляски на почтовых станциях, пока перепрягали лошадей, чаще брался за карандаш и перо. Все настойчивее, перебивая друг друга, с ним стали заговаривать невидимые другим люди. Он вглядывался в них, прислушивался к ним и понимал, что ничего уже невозможно поделывать. Они обступали его со всех сторон.

«...Чувствую, что дурь на меня находит...»

В мыслях он обращался к жене. О ней он думал постоянно. «Что, женка? скучно тебе? — это из того же письма от 19 сентября. — Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой».

Сказку за сказкой.

В сказке «О мертвой царевне» он жил с мыслью о ней. Она была его мадонна, его царевна. Была прекраснее всех красавиц на свете. Всех милее, всех румяней и белее.

«Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете...»

В сказке зеркальцем пользуется злая красавица*. Царевне не надо смотреться, она и так уверена в своей красоте, и даже не в ней, а в своей любви и преданности избраннику.

* В свое время Л. Б. Модзалевский связывал слова Пушкина в письме жене о том, смотрелась ли она в зеркало, с замыслом сказки «О мертвой царевне» (Пушкин. Письма. 1815—1833. Т. 3. М.; Л., 1935. С. 604).

«Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный и остановился в загородном доме военного губернатора В. Ал. Перовского, а на другой день перевез я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердлинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач подняло было пушку, чтобы обстреливать город, — на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданцем Пугачеву, на заураль-

Сказка невольно соотносилась с тем, о чем думал, чему радовался, о чем тревожился автор.

А думал он о жене. О том, что она надолго разлучена с ним. Радовался ее искренности и откровенности с ним. Тревожился денежными, хозяйственными заботами, которые свалились на нее, а также тем, выдерживает ли она необходимый тон, выезжая в высший свет.

«Не мешай мне, не страшай меня,— напишет он ей в октябре из Болдина,— будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с ц.〈арем〉».

А вот из другого письма, в конце октября:

«...Благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай. Мочи нет, хочется мне увидеть тебя причесанную à la Ninon * ты должна быть чудо как мила».

В сказке рисовались идеальный образ и идеальные отношения между любящими, которых ничто не может разлучить и которые до гроба сохраняют друг другу верность.

Хрустальный гроб разбивался, царевна оживала для счастливой жизни с любимым **.

Чем она так пленила своего королевича? Ну, тем, разумеется, что в каждой сказке королевич или царевич просто должен быть пленен царевной. Она ведь прекрасна, *спору нет*. Но вот и мачеха ее, новая царица, тоже прекрасна. Однако царевна не только белолица и черноброва, она еще и душою прекрасна. *Нраву кроткого тако* — так скажет о ней сказка.

Так скажет Пушкин.

скую рошу, откуда вор пытался ворваться на льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи... <...> Пушкин слушал все это — извините, если не умею иначе выразиться, — с большим жаром...»

В. И. Даль. Воспоминания о Пушкине

* Пушкин имеет в виду парижскую куртизанку XVII века Нинон де Ланкло, которая носила волосы, разделенные на две стороны прямым пробором, с завитыми локонами до плеч.

** ««Сказка о мертвой царевне» — упование на верность и любовь; это попытка упорядочить в пределах сказочной системы разлетающийся, хаотичный и зловеющий мир реальной жизни, вломившийся в эту систему и ломающий ее» (*Непомятый В. Поэзия и судьба*. М., 1983. С. 179).

В этих словах *его* нравственный идеал.

Неотразима женской красотой и царица. Она по праву любит на себя в зеркальце.

Но главное — душевное совершенство.

«...А душу твою люблю я еще более твоего лица».

Через два месяца после этого признания жене Пушкин сделает еще одно — всерьез и с шуткой, заставляя нас ощутить силу своих чувствований в ту насыщенный событиями и переживаниями осень:

«...Ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнейю, все, что не *comme il faut* *, все, что *vulgar* **... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя».

«Русский человек <...> доехав до места <...> идет в баню, которая наша вторая мать».

О бане в Оренбурге рассказал Владимир Даль. Это он сводил Пушкина «в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику».

Воспоминания Даля — редкий документ. Он дает возможность не только увидеть, но и *услышать* Пушкина. Так же как Александра Фукс, он сохранил пушкинскую речь, но в отличие от казанской литераторши передал ее с живыми, естественными интонациями.

Вначале же несколько слов об инженер-капитане Константине Демьяновиче Артюхове. Это действительно был примечательный человек. Служака, специалист в своем деле. А дел у него было два — военное, инженерное, и педагогическое. Он возглавлял Неплюевское (по фамилии основателя) военное училище, существовавшее с 1825 года. Оно готовило офицеров для казачьих частей. Когда его посетил Пушкин, в нем было восемьдесят воспитанников. Цифра, между прочим, для того времени и провинции изрядная.

Но, пожалуй, самое любопытное состояло в том, что в училище воспитывались и девицы. Существовало девичье отделение для детей дворян и мещан,

* Буквально «как должно», воспитанно.

** Вульгарно.

открытое благодаря хлопотам губернатора и инженер-капитана. Они оба стремились не на словах, а на деле к образованию Оренбургского края.

Пушкин в сопровождении Артюхова осмотрел военное, а также приходское, которое было на другой стороне улицы*.

Здание Неплюевского и сейчас стоит. Его массивный фасад прячется за высокими деревьями**.

При училище был заведен музей, или, как он именовался в стиле той эпохи, музей редкостей, и работала типография, печатавшая книги на русском и арабском языках.

Во всем чувствовался порядок. Артюхов был рад и горд тем, что столичному гостю все это понравилось. Пушкин проявил неподдельный интерес ко всему, что ему показывали.

Потом гостеприимный хозяин пригласил Пушкина и Даля в баню — так было сговорено заранее.

Баня стояла во дворе училища (Артюхов жил там же, на «казенной» квартире). Снаружи — терем, внутри, в предбаннике, тоже музей, но не редкостей, а живописи. Манера выдавала местного, не слишком преуспевающего в мастерстве живописца, а сюжеты — вкус хозяина. Все картины изображали сцены охоты.

Любезный хозяин кидал на каменку из особой кадки воду, настоящую на степных травах, предложил два рода веников — мягкий, березовый и более жесткий, из дубовых веток, потчевал домашним пивом и медом.

Не баня — рай, да еще после долгой, утомительной дороги. Да еще с такими чудными компаньонами. Пушкин не скрывал своей радости, он был крайне любезен, завел речь об охоте.

Вот этот разговор в передаче Даля.

«Вы охотитесь, стреляете?» — спросил Пушкин Артюхова.

* По воспоминаниям генерала И. В. Чернова, который был учеником приходского училища, Пушкин оживленно беседовал с учениками. Сведения о нем напечатал С. Н. Савастьянов в «Оренбургской газете» (1903, 10 февраля). В городе было также уездное училище.

** Улица Ленина, дом 19. На доме мемориальная доска в память посещения Пушкиным училища. Оно было открыто на средства внука И. Н. Неплюева, который с 1742 года управлял Оренбургским краем.

«Как же-с, понемножку занимаемся и этим,— отвечал довольный Артюхов,— не одному долгоносому довелось успокоиться в нашей сумке».

«Что же вы стреляете,— интересовался Пушкин,— уток?»

«Уто-ок-с?» — Артюхов весь вытянулся, фигура и голос его выразили страдание.

Оренбург.
Художник А. Ф. Чернышев. Карандаш, тушь, сепия.
белила. Середина XIX века

Пушкин не мог понять причины:

«Что же? разве вы уток не стреляете?»

«Помилуйте-с, кто будет стрелять эту па-
даль! — воскликнул инженер-капитан. — Это какая-то гад-
кая старуха, валяется в грязи — ударишь ее по загривку,
она свалится боком, как топор с полки, бьется, валяется
в грязи, кувыркается... тьфу!»

Он проговорил это все в сердцах и, как гово-
рится, со знанием дела. Пушкин мог бы ему возра-
зить — он не испытывал ничего подобного, когда осенью
выходил с ружьем на берега двух озер в Михайловском
или стрелял уток, во множестве водившихся в заводях
и зарослях поймы Сороти. Но всего этого он говорить не
стал, понимая, что переубедить собеседника было бы не-
возможно, а вот сбить его настроение — очень легко. Он
только спросил:

«Так что же вы стреляете?»

«Нет-с, не уток,— убежденно, с предвкушением чего-то приятного произнес Артюхов, глаза его откровенно блуждали по стене, которую украшали картины,— и тут Пушкин обратил внимание, что ни одна из них не изображала этой неприятной Артюхову охоты на водоплавающую дичь: там был охотник, стреляющий по валетевшим тетеревам, другой, травивший на лошади зайца, на третьей— охотничий бивак на опушке; Артюхов между тем продолжал со сладостной мечтой в голосе:— Вот как выйдешь в чистую рощицу, как запустишь своего Фингала,— а он нюх-нюх направо, нюх налево— и стойку: вытянулся, как на пружине,— одеревенел, сударь, одеревенел, окаменел! Пиль, Фингал! Как свечка загорелся, столбом взвился...»

Артюхов вошел в роль и азарт. Он уже не только рассказывал страстным голосом, но и живо изображал это действие— руками, мимикой, движением корпуса.

Пушкин, похоже, заражался его настроением.

«Кто, кто?»— перебил он Артюхова, не понимая все же, о ком идет речь, о какой дичи.

«Кто-с?»— с изумлением уставился на него рассказчик.— Разумеется кто: слука, вальдшнеп. Тут ца-рап его по сарафану... А он,— Артюхов был уже весь там, на своей вожденной охоте: он раскинул руки врозь, как на кресте, изображая подбитого вальдшнепа,— а он только раскинет крылья, голову набок— замрет на воздухе, умирая, как Брут!»

Почему *Брут*, было непонятно. Но именно Брут, а не кто-нибудь иной, замечательно хорошо венчал эту охотничью картину оренбургского энтузиаста.

Пушкин от души хохотал. Артюхов, довольный, смотрел на него голубыми блестящими глазами, а Даль протягивал обоим по кружке с медом*.

«Сему городу, с богом вновь строить назначенному, именоваться Оренбург и во всяких случаях называть и писать сим от нас данным именем».

Из «привилегии», пожалованной при ос-новании Оренбурга 7 июня 1734 года ца-рицей Анной Иоанновной

* Как сообщает дальше в своих мемуарах В. Даль, Пушкин прислал Артюхову экземпляр «Истории пугачевского бунта», написав: «Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валентейном». А в письме В. Перовскому вс-

Затем было знакомство с городом.

Он оказался невелик. С каждого перекрестка на все четыре стороны можно было видеть стены и крепостной вал. Как и Казань, его лишь недавно стали мостить, замостили пока лишь одну улицу — Водяную. А на Губернской поставили столбы с фонарями*. На главной площади красовался бассейн с фонтаном.

Самым большим зданием в городе оказался гостиный двор.

О нем Пушкин читал еще в «Топографии Оренбургской» П. Рычкова:

«Для купечества внутри города построен каменный гостиный двор четвероугольный, которого длина по большой улице, называемой Губернской, 104 сажени с полуаршином, а ширина 94 сажени; лавки все внутри двора с сводами и с навесом, так что никакая погода торгующих тут не беспокоит, и у каждой лавки подъемные затворы. Всех лавок и анбаров числяется 150...»**

Гостиный двор и в наше время производит впечатление. В самом деле, переведем его размеры в привычную нам систему мер. Длина по главной улице — 222 метра, ширина — 100,6 метра. Внушительно. Однако самое существенное, возможно, даже не это.

Гостиный двор строили по типовому, так сказать, принципу той поры: замкнутый четырехугольник с внутренним двором и крытой, опоясывающей все здание галереей, для того, как замечает П. Рычков, чтобы купцов и покупателей не беспокоила погода. Но в отличие от большинства подобных сооружений галерея эта в гостинном дворе Оренбурга сделана не снаружи, а внутри. С улицы ее нет. Это хорошо видно и на современной фотографии, причем надо заметить, что никаких существенных переделок фасад гостинного двора за свою более чем двухсот-летнюю историю не претерпел.

ной 1835 года, посылая экземпляры своей книги, один экземпляр Пушкин предназначает «тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валлейнштейном или с Кесарем» (разночтение в написании Валленштейн соответствует автографам).

* Ныне улицы М. Горького и Советская.

** Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 2. С. 17.

Так в чем же дело? Почему так, а не иначе сделана галерея?

В оборонительной идее, то есть в идее, которая позволяла бы это торговое сооружение с толстыми стенами, построенное в виде каре, без труда, быстро превращать в крепость. Галерея внутри, а снаружи лишь стены с окнами, которые легко было заложить мешками

Портрет П. И. Рычкова.
Гравюра А. Осипова

Оренбург. Гостиный двор

с песком, поставить там пушки... Иными словами, крепость в крепости.

В старых городах, например в Казани или Нижнем Новгороде, роль такой цитадели, внутренней крепости, играл кремль с его стенами и башнями. Известно, что, овладев Казанью, Пугачев не смог взять кремля.

Военно-оборонительная история Оренбурга во время пугачевского восстания сложилась так, что превращать гостиный двор во внутреннюю крепость не пришлось. Но строился он именно с такой задачей.

Вообще военное значение Оренбурга после пугачевского восстания было утрачено. Волнений, подобных пугачевщине, в этих краях больше не возникало. Недружественные, беспокойные народы, проживавшие в степях вдоль Уральской линии, постепенно привыкли к главенствующему положению России. Крепости по Ура-

лу мало-помалу превращались в мирные казацкие станицы. Оренбург обретал типичные черты губернского города, расширялся, украшался, но сохранял в своем облике печать военных событий. Она проглядывала не только в сохранившихся к пушкинскому времени оборонительных сооружениях — остатках стен, оборонительного вала, бастионах, но и в том, что на улицах встречалось много военных — офицеров, рядовых, пехотинцев, артиллеристов, казаков. Кроме того, бросалось в глаза и разнообразие народностей, особенно в гостинном дворе. Тут можно было встретить русских, татар, украинцев, киргиз-кайсаков, китайцев, башкир, персов.

Гостиный двор бурлил, шумел, волновался, звал к себе покупателей, как в Казани, Нижнем или Петербурге. Хотя надо было отдать должное оренбургскому, он был громче и пестрее.

Кроме гостиного двора Оренбург славился меновым двором — местом, где происходил торг и мена с иноземными, азиатскими купцами.

Пушкин и туда съездил, в тот же день.

Меновой двор находился за рекой Урал, верстах в двух от города, и представлял собой также примечательное сооружение, по площади еще больше, чем гостиный. Он вмещал в себя до двухсот пятидесяти лавок и на сотню меньше амбаров. Для азиатских купцов внутри двора был еще один двор, со своими воротами и крытыми лавками, числом до сотни. Крыши срубленных из толстых бревен лавок были покрыты листовым железом. По углам еще сохранялись земляные возвышения, на которых в старые времена стояли две батареи.

Они, как было известно Пушкину, не мешали пугачевцам без труда овладеть меновым двором.

«Крепостное строение города *Оренбурга* состоит все на ровном месте, но по ситуации оно расположено иррегулярно, овальной фигурой об одиннадцати полигонах. Имеет в себе десять целых бастионов и два полубастиона...»
Из «Топографии Оренбургской» Петра Рычкова

Некоторые сведения об Оренбурге и Оренбургской губернии, почерпнутые из книг «Топография Оренбургская» П. Рычкова, «Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. Сочинение тайного советника Иосифа Дебу» (Москва, 1857), «Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Составлено в 1832 году И. Жуковским».

Название Оренбург от реки *Ора*, впадающей в Урал; место было выбрано неудобно, и город перенесли на нынешнее — припадении в Урал Сакмары, название же

В первой половине 30-х годов XIX века в городе было около 10,5 тысяч жителей.

Теперь рачением губернатора на пространстве между двором и рекой устраивался сад для гуляний, приятного отдыха и придания городу цивилизованного вида.

Мы можем посмотреть на это место глазами современника, точнее, современницы, все той же Евгении Ворониной, которая не прошла равнодушно мимо *красот* губернского города.

«Ездили за Урал в сад, где долго ходили,—сообщала она своей подруге в Самару.—Виды там прелестные. Сад, который взрастила сама природа, а искусство только расчистило, расположен на берегу Урала, который протекает под самым городом. Из сада видна часть городского вала и гора, совершенно красная; на ней церковь и еще несколько беседок и мостиков; а в конце аллеи декорация замка, от которой после длинной аллеи сделан подъемный мост»*.

Эти сооружения в городском саду, без сомнения, выдают авторство губернатора. Василий Алексеевич Перовский питал слабость к военной тематике**. Его стол в кабинете охранялся фигурами двух рыцарей в стальных латах и шлемах, а стены не только кабинета, но и других комнат были увешаны самым разнообразным оружием — от средневекового меча до современного, модного по своим формам и отделке пистолета.

После прогулки по саду мы можем перейти по мосту Урал, подняться на эту «красную» (таков цвет почвы на обрыве) гору и полюбоваться с городского вала открывающимся с него видом: «В

* Русский архив. 1902. Кн. 8. С. 652.

** Он вообще был «воинственный» человек — учредил при себе отряд телохранителей из башкир огромного роста и силы.

В городе имелся: один кожевенный завод, один мыловаренный, один свечной и несколько кирпичных заводов; больница на четыре койки и богадельня на 25 человек; военный госпиталь, казенная аптека; на весь Оренбургский уезд — один врач. Волопровод — два конных насоса брали воду из Урала. На плац-парадной площади — водоразборный бассейн и фонтан. В городе устраивалось две ярмарки. Церквей каменных имелось семь, одна лютеранская кирка и две каменные мечети. К 1832 году всего было свыше полутора тысяч домов. Военное училище. Приходских и уездных училищ. Семь трактиров, одна «ресторация», две харчевни, домов питейных — одиннадцать. Жители в губернии распределялись к середине XIX столетия так: купцов — 1052, мещан — 6204, однодворцев — 824, священников и церковнослужителей — 1844, отставных солдат — 2893, казаков — 34 809. Всего же по губернии числилось (без дворян, чиновников и регулярных войск) 375 230 жителей.

Оренбург. На переднем плане — меновой двор.
Художник Р. Н. Дмитриев. Акварель

этой необозримой степи, вдалеке от города, видны то рощицы, то горы, на которых расположены лагеря или деревеньки, там дача военного губернатора с хорошеньким домиком, тут лентой извивающийся Урал и, наконец, Меновой двор, строение огромное, одинокое посреди степи...»*

Возможно, во взгляде — некая поверхностность и красивость, свойственные барышне, но не будем сетовать на это: она по-своему, как умеет, изображает то, что видел и Александр Сергеевич Пушкин.

Мы всего этого не увидим. Городского вала, равно как и менового двора, давно нет. Гостиный, правда, сохранился, и даже, как мы обратили внимание, почти в первозданном виде, но и он словно не тот. Он существует ныне в иной среде. Со всех сторон его окружают здания

* Русский архив. 1902. Кн. 8. С. 653.

более поздней эпохи. Вокруг него и выше его поднимаются современные дома. Шелестя, проезжают троллейбусы, рычат автобусы, автомашины. Снует многоликая, пестрая современная толпа.

Даль возил и водил Пушкина по *другому* городу. Он был тихий и в основном одноэтажный. Пушкин с интересом присматривался к его жизни.

Оренбург. Дом губернатора

В первый день три человека занимали его внимание и время — губернатор, Даль, Артюхов. Позже познакомился Пушкин и с другими представителями дворянского общества Оренбурга.

Наше представление об этом расширяет опять-таки Воронина. Приехав в Оренбург через несколько дней после отъезда Пушкина, она оказалась вхожа в те же дома, в которых бывал поэт. Отец ее подруг П. И. Шелашников был принят губернатором* и сам, устроившись, стал принимать у себя гостей. Сообщая об этом, Воронина называет и его

зятя, Верстовского**, который фантазировал на фортепиано, а потом аккомпанировал еще одному гостю, Дурасову, пропевшему «несколько итальянских арий и романсов».

Даль, как информирует свою подругу Воронина, спел вместе с женой несколько русских песен.

Вот такой состоялся в Оренбурге музыкальный вечер после отъезда Пушкина. Но, значит, и он мог слышать в исполнении Даля русские песни. Причем, возможно, новые, неизвестные ему ранее.

Насыщенным и разнообразным по впечатлениям складывалось пребывание Пушкина в Оренбурге.

* В одном из писем Е. Воронина упоминает даже такую деталь: мебель в панятую ими квартиру привозят с дачи Перовского, «который не более трех дней как переехал в город».

** Это, судя по всему, «другой» Верстовский. Композитор А. Н. Верстовский был женат на актрисе Надежде Васильевне Репиной.

Возможно, в тот же день, когда Даль знакомил его с городом, Пушкин посетил и Оренбургский архив. Там был сделан для поэта ряд важных выписок, которые пригодились ему в работе*.

На следующий день вместе с Далем, Артюховым и, возможно, Перовским** он поехал в казачью слободу Берду, расположенную в семи верстах от Оренбурга.

Даль вспоминает, что по пути в Берду Пушкин рассказывал ему о своей работе и замыслах. «Он усердно убеждал меня написать роман», — пишет Даль и приводит слова Пушкина, которые тот повторил несколько раз:

«Вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три — начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу».

Мы знаем, что у Пушкина к тому времени был начат роман «Арап Петра Великого» и даже напечатаны из него два отрывка в альманахе «Северные цветы» и в «Литературной газете»; были начаты романы «Рославлев» и «Дубровский» и еще один роман, в письмах, над которым он работал четыре года назад и тоже не закончил, не дав ему названия.

Почему он заговорил с Далем об этих романах? Почему убеждал его написать свой? Наконец, почему заговорил об этом, направляясь в Берду?

К своей прозе он обращался в мыслях не раз. В ту поездку — особенно. Историю Пугачева он *должен* был написать, тут даже сомнений быть не могло. Для того и отправился в путешествие. В дорожном сундуке лежала рукопись первого варианта этой книги. Но различался все яснее и сюжет иной, художественной прозы. Не зря он обмолвился в письме к жене — «уехал писать, так пиши же роман за романом...».

Даль был писателем, который мог оценить

* Так, на выписках из «Журнала Рейнсдорпа» (это один из трех экземпляров, которые были в руках Пушкина) рукою поэта написано: «Из Оренб. (ургского) архива» (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 2. С. 512, 800).

** На то, что при посещении казачьей слободы был и губернатор, указывает письмо Пушкина Перовскому при

«Вышла снег, и мы вчера съездили в Берды к старушке, которая рассказывала Пушкину о Пугачеве. Мы посетили ее с тою же целью. Взяли с собою бумаги и карандаш, чтобы записывать, если она будет нам, как

именно романтические замыслы. Он был прозаиком. К тому же отменно чувствовал стихию живой, простонародной речи. Из него со временем мог выйти хороший писатель — он явно тяготел к простым, правдивым историям, к простым героям и этим, в глазах Пушкина, выгодно отличался от многих авторов, которые продолжали писать романтическую прозу. В его «Русских сказках», изданных год назад, проглядывал острый и трезвый взгляд. Недаром автор был моряком и военным лекарем. Пушкин сразу поверил в него и, хотя засыпал тогда, в Петербурге, в первую встречу множеством замечаний, напроорочил славное будущее. *Сказочник* * Казак Луганский мог и должен был взяться за иную прозу.

По дороге в Берду Пушкин думал и о своей прозе. Все очевиднее ему становилось, что замысел о молодом дворянине, захваченном пугачевщиной, должен вскоре обрести стройность. Пушкин достиг мест, где разворачивались события его *истории*, где, возможно, произойдут главные события романа. После дня, проведенного в Оренбурге, он чувствовал, что город, выдержавший многомесячную осаду Пугачева, даст ему, автору, немало. Мятежная слобода Берда, куда он ехал, должна была открыть еще что-то, может быть самое главное. Ведь там, по словам его оренбургских друзей, были живы казаки, которые знали о пугачевщине не понаслышке и наверняка не так, как напуганные на всю жизнь купцы и дворянчики, встреченные им в Казани и Симбирске.

Даль вспоминал, что, затронув романы, Пушкин заговорил о Петре Великом.

Это и неудивительно. Первым опытом в прозе был у Пушкина роман из эпохи Петра. Время, предшествовавшее поездке (и не один год), было занято у Пушкина работой в архиве и в библиотеке Вольтера — важные шаги над задуманной им историей Петра.

посылке книги: «Посылаю тебе Историю Пугачева в память прогулки нашей в Берды...» (Подчеркнуто мною. — И. С.).

* Когда в 1835 году журнал «Библиотека для чтения» опубликовал написанную в Болдине «Сказку о рыбаке и рыбке», Пушкин подарил Далю экземпляр с такой надписью: «Твоя от твоих. Сказочнику Луганскому сказочник Александр Пушкин».

и Пушкину, петь песни... Старуха свежая, здоровая, даже не беззубая, а, говорят, что при Пугачеве была лет двадцати».
Из письма Е. З. Ворониной к Е. А. Энгельсу от 26 ноября 1833 года

Пушкин, как вспоминает Даль, «воспламенился в полном смысле слова», заговорив о Петре.

«Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина,—приводит Даль слова Пушкина,—он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко,—надо отодвинуться на два века*,—но постигаю это чувством; чем более его изучаю,

Портрет В. И. Даля.
Неизвестный художник. 1830-е годы

Оренбург. Неплюевское училище

тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю! Ведь даром что товарищи мои все поседели да оплешивели, а я только что перебесился...»

Свидетельство Даля подтверждает вывод, сделанный впоследствии А. А. Ахматовой.

Она напоминала о том, что Пушкин с большой радостью сообщил ближайшим друзьям, Плетневу

* Пушкин словно напророчил роман А. Н. Толстого «Петр Первый», созданный через два столетия после эпохи Петра и спустя сто лет после пушкинской работы над романом и историей Петра Первого.

и Нащокину, о разрешении царя работать в архивах для написания истории Истра. Для Пушкина это было очень важно. Это была неомненная победа. Он, справедливо полагает Ахматова, 130-е годы упорно размышлял о своем социальном статусе. С одной стороны, он все прочнее укреплялся в роли профессионального литератора («Взялся за гуж, не говор:, что не дуж <...> пиши роман за романом, поэму за пэмой»^{*}). С другой — осмыслял себя «как представителя родовой аристократии».

В 1831 году он написал Бенкендорфу: «Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамина». Но это звание он по существу брал, замышляя историю Петра, работая над историей Пугачева.

В сочетании ролей профессионального литератора и родового аристократа крылось противоречие. Звание *историографа* к примиряло, оно было для Пушкина неотделимо «от образа Карамзина — советника царя и вельможи, достигшего высокого придворного положения своими историческими трудами»^{**}.

О «выском придворном положении» Пушкин, конечно, не помышлял (мы знаем, как через год он негодовал по поводу его «награждения» званием камер-юнкера). А вот с высоким положением писателя, который открывает соотечественникам историческую правду, несомненно, думал.

Его забтит *правда* — неперменное условие всякой литературной работы, тем более вторгающейся в историю. Он помышляет об *истории* и о *романе* как исторической эпохе, «развитой в вымышленном повествовании».

Так он писал еще три года назад в статье о первом, достойномзаслуженной похвалы русском романе — «Юрий Милосавский, или Русские в 1612 году» Михаила Николаевича Загоскина. Сейчас он повторил бы все, что было сказано в той статье.

Ему быль смешны потуги многих современ-

* В письме к А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 года он объяснял свои «обстоятельства»: «Мне не может подойти подчиненная должность, какую только могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни...»

** Ахматова .. О Пушкине. Л., 1977. С. 31.

ных авторов, которые наряжали в одежды нынешних dandy героев прошлого: «Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх того, как мало жизни!»

Однако сии бледные произведения с охотой читают. Отчего же? Оттого, что люди, как утверждала мадам де Сталь*, «знают только историю своего времени и, следовательно, не в состоянии заметить нелепости романтических анахронизмов». Оттого, что «изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразной пестротой настоящего, ежедневного».

Когда это писалось? Неужели более ста лет назад?

Так и кажется, что слова эти произнесены в нашу эпоху. Она тоже проявляет нетребовательность ко многим произведениям исторических жанров, завоевывающим популярность, но полным «нелепостями романтических анахронизмов».

Пушкин размышляет об историческом романе своего времени, но мысли его созвучны и нашей эпохе. Отправляется в путешествие для завершения *своей* работы и увлекает в это путешествие и нас. Обжигает наш ум такими верными, такими современными наблюдениями.

«Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугачева,— пишет Даль.— <...> Я взял с собою ружье, и с нами было еще два человека охотников. Пора была рабочая, казаков ни души не было дома...»

Теперь Бердская слобода — район города, но и сейчас это *слобода* — одноэтажные дома, сады, тишина. Приезжаете вы сюда на автобусе и первым делом идете к бюсту Пушкина, который установлен в сквере. Потом по пыльной улице к тому месту, где стоял дом Пугачева, то есть не его собственный дом, а дом бердского казака, у которого Пугачев устроил свою резиденцию.

«В Берде Пугачев жил в доме Константина Ситникова», — записал Пушкин в своей дорожной книжке, посетив это место**.

* Жермена де Сталь (1766—1818) — французская писательница.

** Расшифровка имени казака Ситникова имеет свою историю. О ней и о других поисках и находках историков и краеведов,

«Дом этот, — рассказывала свидетельница посещения этого дома Пушкиным, — стоял на Большой улице, на углу, на красной стороне* <...> Он был на шесть окон. Со двора открывался чудесный вид на Сакмару, озеро и лес. Сакмара подходила совсем близко ко дворам. Курчавый господин похвалил место, говорит: «Прекрасное!»**

Мы можем увидеть этот дом и глазами Пушкина, то есть Гринева. В главе «Мятежная слобода» герой романа «Капитанская дочка» рассказывает:

«Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец», — сказал один из мужиков <...>.

Я вошел в избу <...>. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотой бумагой; впрочем, лавки, столы, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе».

Нетрудно догадаться, что обстановку этой избы Пушкин видел собственными глазами. Вплоть до «золотой бумаги», которая могла сохраниться там до его времени***.

Сейчас избы этой нет. На ее месте — мемориальная стена с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором с ноября 1773 по март 1774 г. жил вождь крестьянского восстания Емельян Пугачев». Возле стены укреплена пушка пугачевских времен, подобная, возможно, той, которую увидел возле «дворца» Пугачева Петруша Гринев.

В Берде разыгрывалось немало драматических событий тех месяцев.

О последнем дне пребывания Пугачева в Бер-

раскрывших реальные имена пушкинских собеседников в Оренбургском крае, можно прочитать в книге Р. В. Овчинникова «Над «пугачевскими» страницами Пушкина» (М., 1985).

* То есть фасадом к восходу солнца.

** Этой свидетельницей была старая казачка А. Т. Блинова. В 1899 году ее воспоминания записал С. Н. Севастьянов и опубликовал их в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» (Оренбург, 1900. Вып. VII).

*** Изба была оклеена шумихою — бумагой, покрытой тонкой пленкой сусального золота. Это был товар бухарских купцов. Ящик с шумихою захватили однажды пугачевцы.

де (после его разгрома в сражении у крепости Татищево) Пушкин в своей тетради записал так: «Когда прибежал он из Тат. <ищевой>, то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, дабы драки не учинилось. Вино хлынуло по улице рекою».

Те самые бочки, которые видел Гринев...

Впечатления, почерпнутые при посещении пугачевской резиденции, обогатили воображение поэта. Приметы обстановки, создающие реальность картин в «Капитанской дочке», были взяты Пушкиным во время знакомства с Бердой, Оренбургом и его окрестностями. Без знания таких «примет» художник не чувствует себя свободным, рисуя картины жизни.

Однако главным в ту встречу Пушкина с Бердой было даже не это. Там состоялась иная встреча.

О ней поэт сообщает жене (уже из Болдина, приступив к написанием второго варианта «Истории Пугачева»): «В деревне Берде <...> имел я une bonne fortune — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал».

За шутливой интонацией — серьезность оценки этой встречи. Взглянем на нее глазами Владимира Даля: «...мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила Пугачева».

Значит, не только то «время», но и самого Пугачева, которому вместе с жителями Нижнеозерной крепости приносила присягу.

«Пушкин,— свидетельствовал Даль,— разговаривал с нею целое утро <...> Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец».

Вот куплет одной из этих песен:

*Ты, ворона ли, ворона,
Загуменная карга
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать.*

Речь в песне шла, очевидно, о генерале Каре — игра

«5 числа октября, поутру в 10-м часу, показались по двум дорогам, то есть по Каргалинской и Бердской, в великих толпах; в то время в городе ударена была тревога, от которого страха все себе жители представляли смерть, и был великий плач и неутешное рыдание; армия вся уже стояла на стене вокруг города, в том числе и купцы были весьма стройно вооружены, а по стене артиллерия хорошо уставлена... как разбойнические толпы подъехали в предпо-

слов: кара — карга, то есть ворона. Кар был разбит войсками Пугачева*.

Песня недвусмысленно выражала отношение народа к Пугачеву и его противникам.

Пушкин чутко уловил все это.

В «Истории Пугачева» он отразил официальную, дворянско-помещичью точку зрения на события во время пугачевской войны. Особенно резко эта точка зрения как раз и проявилась в оценке того, что происходило в Бердской слободе.

«...Она была вертепом убийств и распутства, — повествует третья глава бесстрастным слогом историка, в котором тем не менее легко улавливаются интонации противников Пугачева. — Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвертованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности». Пушкин не скрывает жестокости крестьянской войны. Но жестокость была обоюдной. В «Оренбургских записках», сделанных тогда же со слов «старухи в Берде», есть такое свидетельство: «когда под Тат. <ищевой> разбили Пугачева» и его казаки (многие были ранеными) бросились спасаться, то «гусары галицынские и Хорвата так и ржут по улицам, да мясничают их»**.

Пушкин подчеркивает эту фразу. Она запала ему в память своей страшной правдой. Два глагола, употребленные рассказчицей, — ржут и мясничают — до жути реально передавали характер безжалостной расправы правительственных гусар с разбитым и рассеянным противником. Передавали накал той давней *гражданской* войны.

Из уст старой казачки Пушкину был передан харак-

* Рязанов А. А. С. Пушкин в Оренбурге // Вестник просвещения (Оренбург). 1926. № 5-6.

** Генерал-майора И. М. Голицына и полковника Г. И. Хорвата.

рцию на пушечный выстрел, то вдруг со стены в толпы разбойнические открылась страшная и сильная пушечная пальба, чем толпы злодейские были остановлены...»
Из «Прибавления о разбойнике и самозванце Пугачеве из дневных записок 1773 года города Оренбурга Благовещенской церкви, что на гостином дворе, священника Ивана Осипова» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 2. 1940. С. 555)

тер этой войны — предельно жестокой к одним, милостивой к другим.

В тетрадь с «Оренбургскими записями» он заносит: «В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали».

Не обижали обижаемых десятилетиями. Не обижали тех, кто после поражения Пугачева вновь становился в разряд обижаемых.

Река Сакмара у Оренбурга

В результате общения со свидетелями и участниками пугачевских событий Пушкин приходил к выводу, который был им с такой прямотой сформулирован в «Замечаниях о бунте»:

«Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало <...>. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».

Еще читая «Записки о жизни и службе Александра Бибикова», Пушкин приоткрывал для себя классовую непримиримость пугачевских событий. Он отмечает на полях стр. 262 фразу (приводим ее не полностью): «Дворянство и высшие чиновники оставались неколебимы в чувствах приверженности к законной власти...» — и подчеркивает карандашом выделенные слова *.

* В Публичной библиотеке Ленинграда на экземпляре этой книги есть любопытная дарственная надпись: «Ея Высокопревосходите-

«Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал».

Имени этой казачки в «Замечаниях о бунте», адресованных царю, Пушкин не назвал.

Оно долго оставалось неизвестным, пока в 1899 году оренбургский краевед С. Н. Севастьянов не установил ее фамилию, а уже в советское время, 1965 году, другой оренбуржец, С. А. Попов, по ревизской переписи населения Бердской слободы выяснил ее имя и отчество*.

Этой столь важной для Пушкина собеседницей оказалась Ирина Афанасьевна Бунтова. В 1833 году ей было семьдесят три года. Во время пугачевского восстания она жила в Нижнеозерной крепости, а отец ее служил в пугачевском отряде. Отец и рассказывал ей о событиях в Бердской слободе.

В 1848 году слободу посетил старший адъютант штаба Оренбургского отдельного корпуса А. И. Макшеев. Он писал, что застал еще в живых старую казачку, с которой встречался Пушкин, «когда собирал материалы для истории Пугачевского бунта». На вопрос адъютанта, каков был из себя Пугачев, она бодро ответила: «Молодец был батюшка-государь Петр Федорович!»**

Как известно, в народе верили, что Пугачев — царь Петр III. В «Замечаниях о бунте» Пушкин передает свой разговор с яицким казаком: «Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович».

Бунтова рассказала Пушкину о том, что, проезжая через Нижнеозерную из Оренбурга в Яицкий городок, Пугачев «останавливался обыкновенно у каз.〈ака〉

льству Наталье Кирилловне Загряжской — с почтением от сочинителя». Н. К. Загряжская — двоюродная бабка жены Пушкина, та самая, рассказами которой, по словам П. А. Вяземского, заслушивался Пушкин.

* Попов С. А. Оренбургские собеседники А. С. Пушкина // Советские архивы. 1969. № 5.

** Рассказы о Пугачеве // Русская старина. 1870. № 10.

Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство»*.

На ее рассказ опирается в основном и сцена принятия Пугачевым присяги в «Капитанской дочке», а также в «Истории Пугачева», вначале конспективно записанная в тетрадь «Оренбургских записей»: «Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву.— У Пугачева рука лежала на колене — подходящий кланялся в землю, а потом перекрестясь целовал его руку»**.

Оренбург. Слобода Берда. Дом Н. А. Бунтовой

Оренбург. Слобода Берда. На этом месте стоял дом казака Ситникова, где жил Пугачев. Об этом извещает надпись, укрепленная на кирпичной стене. Перед ней пушка пугачевской эпохи

О драматических событиях в крепости Нижнеозерной Пушкин также впервые услышал от Бунтовой (о них речь пойдет в следующей главе).

Многое рассказала поэту старая казачка. События и люди, как живые, вставали из этих рассказов.

Беседу с ней, свидетельницей тех памятных событий, с живым человеком, который не скрывал симпатии к вождю народного восстания, нельзя было заменить никакими свидетельствами, почерпнутыми из печатных

* Фамилия этого казака промелькнет в «Капитанской дочке». «Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — спрашивает урядник Максимыч жену капитана Миронова. «Врешь, Максимыч, — отвечает она, — у Полежаева и так тесно: он же мне кум и помнит, что мы его начальники».

** О ритуале присяги Пушкин знал и по ряду письменных источников, в частности по рукописи П. Рычкова.

и рукописных источников. Недаром, по словам Даля, поэт «разговаривал с нею целое утро».

Под конец разыгрались события, неожиданные для всех участников. Причиной оказался золотой червонец, подаренный Пушкиным на прощание Ирине Афанасьевне Бунтовой.

Вот как об этом событии пишет Даль, на глазах которого все это происходило: «Бабы и старики не могли понять <...> за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры <...> И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должно быть, антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти».

Забеспокоились казачки, хотя сей незнакомец прибыл с известными в Оренбурге людьми — чиновником особых поручений при губернаторе (Даль) и начальником военного училища (Артюхов). Мало того, старожилы Бердской слободы оповестил о приезде гостей начальник одной сотник Оренбургского казачьего войска И. В. Гребенщиков, а того загодя предупредил сам губернатор.

Однако золотой червонец смутил простодушных людей, а также ногти — предмет особых забот Пушкина. Было бы все это еще само по себе, а то ведь с расспросами о событиях, про которые вспоминать и распространяться не очень-то полагалось. А тут еще пришли на ум слова Священного писания, в котором сказано, что «антихрист будет любить старух, заставляя их песни петь и деньгами станет дарить». Бабы-то и сказали Бунтовой: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, ведь это — антихрист».

Вот и поспешила она в Оренбург с повинной.

Обо всем этом через малое время рассказала она девицам Шелашниковым и Ворониной, которые захотели съездить в Берду и все услышать от Бунтовой — им об этом эпизоде поведали Даль и Артюхов. Съездили. Улышались. А Воронина, так та и дотошно все записала, обрисовав своей подруге в Самаре старую казачку и разговор с ней.

Бунтову в Оренбурге успокоили. «Не бой-

ся,—сказали ей,—это ему сам государь позволил о Пугачеве везде расспрашивать». И, успокоившись, она добавляла: «Он же—дай ему бог здоровья—наградил меня за рассказы. Да гут же с ним был и приятель наш, полковник Артюхов; уж он бы не захотел ввести нас в беду» *.

Полковником Артюхов не был, но, наверное, и эту деталь Евгения Захаровна Воронина передает верно: старая казачка, конечно, не случайно «повысила» в звании «приятеля нашего», который в случае чего всегда мог и защитить. Даже и от «антихриста».

Благодаря очевидцам и современникам пушкинского посещения Берды мы довольно много знаем об этом событии. Спасибо Владимиру Далю, спасибо девице Ворониной, спасибо соседке Бунтовой, казачке А. Т. Блиновой, воспоминания которой в конце века записал С. Н. Севастьянов **.

Пушкин был прав, когда с воодушевлением написал жене, что имел в Берде *une bonne fortune*.

Общение с Бунтовой, ее рассказы дали ему возможность почувствовать живое дыхание истории.

Оживили они в полном смысле слова одну из страниц исторического труда потрясающим по своей человеческой и социальной сущности фактом.

«Вскоре настала весенняя оттепель,—повествует Пушкин-историк в пятой главе своей книги о событиях после поражения Пугачева под крепостью Татищевое,—реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей. В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: Не ты ли, мое детище? не ты ли, мой Степушка? не твои ли черные кудри свежа вода моет? — и, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп».

Эта неожиданная и, пожалуй, единственная по своей трагической выразительности во всем тексте исторического труда картина имела в тетради с «Оренбургскими записями» дополнительный, особый смысл. Бунтова

* Русский архив. 1902. Кн. 8. С. 660.

** Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VI. С. 233. А. Т. Блинова ничего Пушкину не рассказывала, но угостила его молоком.

назвала Пушкину фамилию казачки, разыскивавшей среди погибших своего сына, — Разина.

Мать отыскивала своего сына *Степана Разина*.

Мог ли пройти спокойно мимо этого факта Пушкин? Мог ли не сделать его одним из смысловых, и не просто смысловых, а наполненных вещим смыслом эпизодов своей книги? Мог ли ограничиться одним лишь указанием на сам *факт* и не сделать его художественной, выпуклой *картиной*?

В потоке суховатой, едва ли не протокольной прозы «Истории Пугачева» она действительно вспыхивает эпической, былинной фреской.

Пушкин слово в слово записывает за Бунтовой скорбный речитатив матери по погибшему — скорее всего погибшему — сыну и переносит на страницы своей «Истории». Но убирает одно лишь слово — в самом конце. Мать Степана Разина в «Оренбургской записи» «тихо отталкивала тело и плакала». В «Истории Пугачева» это изображается несколько по-иному: «и, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп».

Слово «труп» сильнее, грубее слова «тело». Пушкин же добивался именно этого впечатления. Но, видимо, не случайно он убирает и «плач» матери: она всматривается в лица погибших, не видит сына и, конечно, всей душой надеется, что он жив. Вместе с ней надеется и автор, и мы с вами, читатели. Нам хочется верить, что сын этой казачки жив, что его не убили, не казнили. Нам нельзя плакать по нем. Плач преждевременен. Мы еще, возможно, вместе с этой казачкой, матерью Степана Разина, убедимся в том, что ее сын жив... *

Подобных чувств и ассоциаций не мог разделить лишь один читатель, но именно ему первому легла на стол рукопись «Истории Пугачева». Этот читатель на полях пушкинской рукописи начертил своей монаршей рукой против того места, где говорилось о казачке Разиной

* Ныне благодаря разысканиям ученых установлено, что Бунтова действительно называла Пушкину фамилию Разиной, что это не поэтический домысел автора; что сын ее, казак Степан Андреевич Разин, остался жив и даже, возможно, находился в одном из селений (Кинделинский форпост), через которые проезжал Пушкин, когда отправился из Оренбурга в Уральск. См. об этом главку «Пугачевец Степан Разин» в книге Р. В. Овчинникова «Над «пугачевскими» страницами Пушкина» (М., 1985).

(ее фамилию Пушкин приписал в скобках): «Лучше выпустить, ибо нет связи с делом».

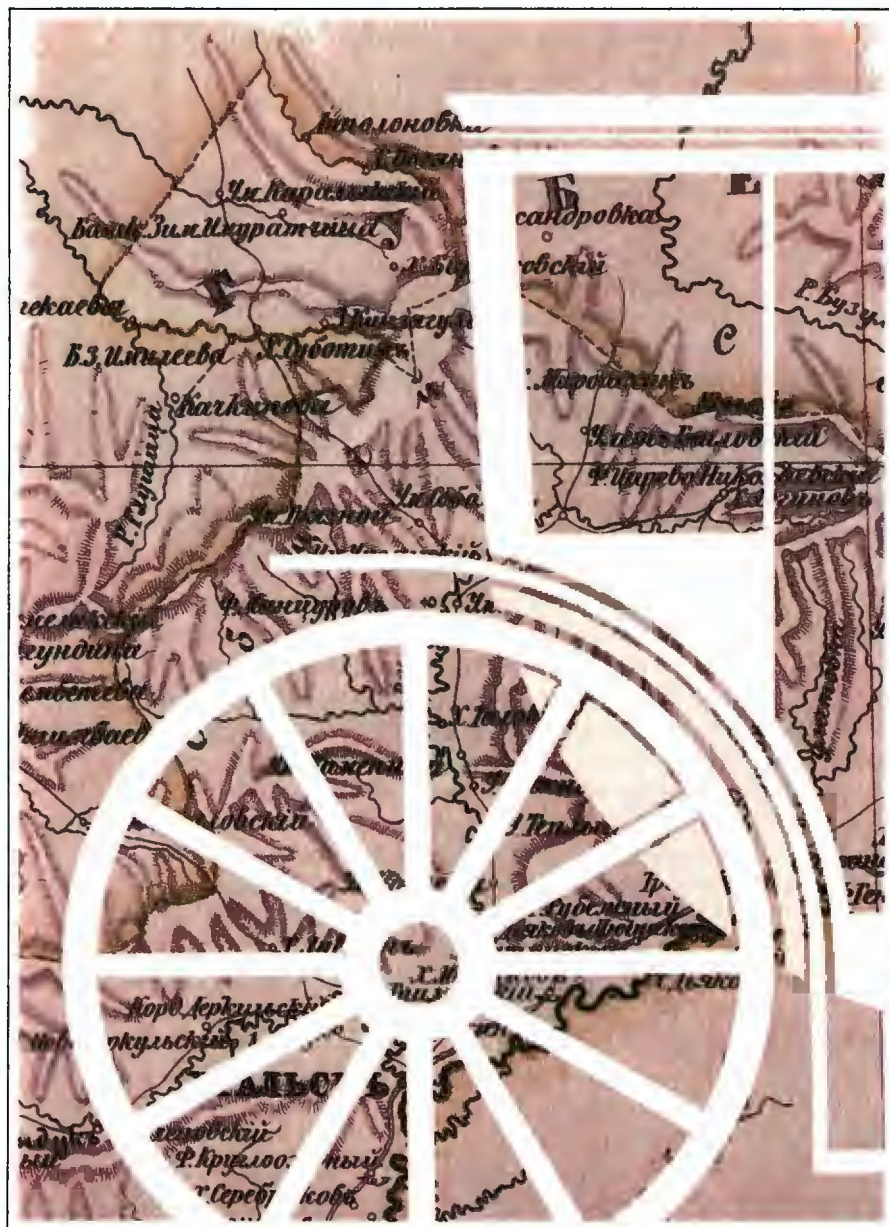
Он очень хорошо почувствовал эту *связь*. Но он не хотел, чтобы ее почувствовали и другие читатели «Истории Пугачева» — крамольную связь между предводителями крестьянских и казачьих восстаний в прошлые времена.

Ослушаться царя было невозможно. Но не мог Пушкин безропотно вымарать из своей книги весь этот символический, исполненный трагической силы эпизод. Пушкин переносит его в примечания, опустив фамилию казачки.

Символика эпизода исчезла, но поэтическая сила его была сохранена для книги *.

* Впервые по первоначальному пушкинскому тексту «История Пугачева» была напечатана в издании: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* М.; Л., 1938. Т. 9. Кн. 1.

Глава пятая

От Оренбурга
до Уральска и Болдина

*Оттуда поехал я в Уральск — тамошний
атаман и казаки приняли меня славно...*

Из письма А. С. Пушкина жене

Теперь моя пора...

А. С. Пушкин. Осень

Пушкин выехал из Оренбурга 20 сентября и все утро находился под впечатлением забавного эпизода.

Буквально перед тем, как ему покинуть кабинет Перовского, тот распечатал конверт из Нижнего Новгорода. Василий Алексеевич захохотал, потом прочитал письмо вслух, и они хохотали вдвоем — нижегородский губернатор Бутурлин предупреждал по дружбе своего оренбургского коллегу: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но, должен признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях...» *

Пушкин весело вспомнил это письмо. Хотя, если вдуматься, ни о чем веселом оно не сообщало. Как немного, оказывается, надо, чтобы нагнать страху на русского человека. А если и не страху, то озадачить его, озаботить. Даже губернатор не верит в намерение литератора писать полезный Отечеству труд. А вот в то, что известного всем образованным людям литератора послали тайно выслеживать неисправности, поверили охотно.

Можно представить, какие о нем, за его спиной, в канцеляриях тех городов, где он появлялся, летели слухи!

И ведь прав почтенный Михаил Петрович Бутурлин: неисправностей во вверенных им губерниях хоть отбавляй, а видны они невооруженным глазом, начиная и кончая, кстати, дорогами. Сколько раз останавливались ящики перед каким-нибудь мостом

* Цитируется по запискам П. И. Бартенева о Пушкине (Русский архив. СПб., 1865. С. 1212—1213).

Из дела № 78 (гриф «Секретно») «Об учреждении тайного полицейского надзора за прибывшим временно в Оренбург поэтом титулярным советником Пушкиным», начатого 23 октября 1833 года и решенного 24 октября 1833 года:

«В случае прибытия его в Оренбургскую губернию учинить надлежащее распоряжение о учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его».

и проверяли его надежность! Кое-где, правда, настил моста сиял свежим деревом, но чаще... Нет, никуда не деться ему от им же сочиненных строк. Они живы, доколе жива будет дорожная маята России:

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснут минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокомерный и голодный
Для вида прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.*

Но ему грех жаловаться: коляску починили в Москве на этот раз на совесть. Серьезных поломок больше не происходило. А дорога все дни на удивление суха. Тучи временами собираются, и солнце прячется в них, но дождя не было ни разу. А можно представить, во что превращается эта степная дорога в ненастье!

Она только называется Большой Уральской дорогой, а по сути просто наезженная вдоль Урала, никем и никак не обихаживаемая полоса вытопанной копытами, выглаженной колесами земли.

В отчете оренбургского губернатора за 1834

год признавалось: «По бедности, малочисленности и удаленности жителей от дорог состояние их не доведено до надлежащего совершенства»; «при нынешнем состоянии почтовых дорог проезжающие лишены на пути своем и крова, и всякого убежища»; «по всей губернии станционные смотрители помещаются на квартирах с большими неудобствами». Лишь Управление Уральского казачьего войска сообщало, что «по всей линии имеются опрят-

Резолюция... рукою военного губернатора Оренбурга В. А. Перовского: «Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу доверять, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий».
Русская старина. 1883. Кн. 1. С. 78.

ные комнатки для проезжающих»*. Имелась в виду диспанция от станицы Мухрановской до Уральска — зона действия Уральского войска; как раз полпути, которые должен был проделать Пушкин, двигаясь со стороны Оренбурга.

Без приключений Пушкин доехал до станицы Татищево. Он уже проезжал ее по дороге в Оренбург. От Татищева дороги расходились. Одна вела на Переволоцкую, Новосергиевскую, Тодскую и далее на Самару и Симбирск. Другая — вдоль Урала по линии, то есть через бывшие крепости, форпосты и редуты, учреждавшиеся чуть менее ста лет назад.

По дороге в Оренбург Пушкин в Татищеве не задерживался. Теперь, после сведений, почерпнутых в столице края, решил в Татищеве задержаться.

Вот и мост на подъезде к станице. Новый, двухарочный, кирпичный. Перекинут через широкий овраг; в распутицу — спасение. Такой мост украсил бы и дорогу между Петербургом и Москвою. А здесь он прямо как из сказки**. Молодец, Перовский! Похоже, он всерьез взялся за коммуникации своей губернии.

А вот и сама станица.

Нетрудно представить, какой она была шесть десятилетий назад. Видны еще остатки оборонительного вала и место, где находились въездные ворота в крепость...

Татищево как военное укрепление было заложено одним из «птенцов гнезда Петрова» — Иваном Кирилловым, который уже после смерти Петра устраивал крепости по всему течению Яика, от верховий до Каспийского моря.

В библиотеке Пушкина сохранилась книга И. Кириллова под таким характерным для XVIII века пространным названием — «Цветущее

* Цит. по статье А. И. Белого во «Временнике пушкинской комиссии. 1980» (Л., 1983, С. 135).

** Это единственный мост на всем пути Петербург — Москва — Оренбург, сохранившийся с пушкинских времен. Сохранился он оттого, что остался в стороне от современной трассы и стоит по сути дела среди распаханной ныне степной целины.

«Со вступлением в Уральскую землю вы можете завязать кошелек, никто и отнюдь никогда не попросит на водку; никто не возьмет платы за съестные припасы, радушно вам предлагаемые... Казачки всех чинов и состояний, все одеваются одинаково — по-русски, богато и даже роскошно. Сарафаны их отличаются от русских тем, что покрывают грудь и шею, а рукава рубахи бывают цветные и обыкновенно

состояние Всероссийского Государства, в которое начал, привел и оставил изреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая». Во втором томе этого труда описаны среди прочих губернии Астраханская и Сибирская, в которых И. Кириллов трудился на благородном поприще обустройства сего обширного края.

Крепость располагалась в шестидесяти верстах от Оренбурга при впадении в Урал речки Камыш-Самары, а до того и была первоначально названа Камыш-Самара. Прежде преемник Кириллова Василий Никитич Татищев, впоследствии тайный советник, прославленный историк, переименовал крепость, видимо, в память того, что немало занимался ею. Так и было сказано в одном старинном документе, что он «немалую и регулярную крепость в том же месте при себе застроил».

«Немалость» ее была относительной. Татищев, как и большинство других крепостей на Яике, представляла собою... Но лучше дадим слово пушкинскому герою Петруше Гриву. Вот его первое впечатление от такой крепости, которое нам знакомое по роману «Капитанская дочка»:

«Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором... У ворот увидел я старую чудную пушку...»

Вот такая невзрачная картина открылась юному прапорщику Гриву. Но он несколько преувеличивал, вернее, преуменьшал (мы ведь помним, в каком состоянии и с каким настроением он ехал *служить отечеству*).

• Вспомнить Белогорскую крепость из романа мы имеем полное право. Она, как утверждают некоторые знатоки творчества Пушкина, «списана» с Татищевой*.

Почему именно с нее? Причин было, надо полагать, несколько.

Пушкин дважды побывал в ней. Уже поэтому можно

* Другие называют Нижнеозерную и Рассыпную.

шелковые. (...) Зубные буквы: и, д, р, т произносятся тверже и острее, почти как Англичанин, говорящий по-русски. Отсюда это? На целой Руси не слышать такого произношения, которое здесь, особенно у женщин, весьма заметно».

В. Даль. Письмо к Гречу из Уральска от 15 сентября 1833 года («Северная пчела», № 230. 11—12 октября 1833 года)

*Мост на старом почтовом тракте при подъезде
к станции Татищево*

предположить, что она запечатлелась в его памяти прочно. В тетради с «Оренбургскими записями» Пушкин зафиксировал такую историю: «В Татищ.^(ево) Пугачев пришед вторично спрашивал у атамана, еств ли в кр.^(епости) провиант.— Ат.^(аман), по предварительной просьбе старых казаков, опасавшихся голода, отвечал, что нет.— Пугачев пошел сам освидетельствовать магазины, и нашед их полными, повесил атамана на заставах».

В Татищеве произошло и другое страшное дело, о котором также записал Пушкин в своей тетради. Это история пугачевского писаря Кальминского (в пушкинской записи он неточно назван Карницким). Он был пойман пугачевцами с письмами коменданта Яицкого городка Симонова к губернатору Рейнсдорпу в Оренбург, но помилован Пугачевым, остался у него служить и даже сделался его любимцем. «Уральск^(ие) каз^(аки),— запи-

сывает Пушкин,— из ревности в Тат.<ищевой> посадили его в куль и бросили в воду. Где Карн.<ицкий>, спросил Пугачев.— Пошел к матери по Яику, отвечали они. Пугачев махнул рукою и ничего не сказал.— Такова была воля яицк.<им> казакам!»

Не раз упоминается эта крепость на страницах «Истории Пугачева». Приведем отрывок из второй главы, где рассказывается о взятии этой крепости Пугачевым:

«В сей крепости начальствовал полковник Елагин. Гарнизон был умножен отрядом Билова...<...> Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость <...>. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесплезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время скирды сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожженные осаждающими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Билев оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины».

Отрывок очень характерен для Пушкина — для «Истории Пугачева», для той пушкинской прозы, в которой описывались военные действия. Это проза очевидца. Проза человека, который сам побывал на месте описываемых событий.

Во время работы над «Историей Пугачева», а затем «Капитанской дочкой» это соединялось у Пушкина с его военным опытом. Пусть небольшим, но его личным, давшим ему возможность точно и конкретно изображать главное в батальной прозе. А главное — это состояние человека во время военных действий.

Не углубляясь в анализ пушкинской прозы*, остановимся на некоторых моментах в связи с «Капитанской дочкой».

Наше пребывание в Татищеве просто обязывает к этому. Ведь именно здесь Пушкин получил впечатле-

* Она ведет и к некоторым стихам, и к «Полтаве», и к «Истории Петра I», выявляя эволюцию этой темы и пушкинского мастерства в изображении войны.

ние от места действия и реальных баталлий, описываемых им сначала на страницах «Истории Пугачева», а затем и «Капитанской дочки».

Вспомним батальную сцену романа — защиту крепости и ее штурм:

««Ну, ребята,— сказал комендант,— теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!»»

Комендант Иван Кузьмич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что же вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузьмич.— Умирать, так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибило было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость».

Как все удивительно просто, буднично, без всякой внешней картинности. А она — не исключено — тоже имела место при штурме Белогорской крепости и, возможно, была бы отмечена другими свидетелями, которые стояли где-нибудь поодаль и наблюдали за тем, как происходит штурм.

У Пушкина ничего такого нет. Он изображает решающую в судьбе главного героя баталью его собственными глазами. Он, юный прапорщик Гринев, — рядовой участник печального для него военного события. Участник! Вот откуда такие точные, достоверные, непарадные детали в рассказе об этом событии.

Это детали художественного произведения. Они и создают у нас ощущение того, будто мы сами присутствуем при этом штурме, все видим, слышим, ощущаем.

Сравните этот отрывок из романа с приведенным выше текстом из «Истории Пугачева». В научном труде дана прежде всего информация о штурме. Она, правда, по-пушкински выразительна, но без личных ощущений обороняющихся. В одной лишь фразе сказано, что начальник крепости и командир приданного ему отряда Билов «оборонялись отчаянно».

«Одет он был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху — шинель су-конная с бархатным воротником и обшла-гами, на голове — измятая поярковая шля-па. На руках — левая на большом, а пра-вой — на указательном пальцах — по пер-стню. Ногти на пальцах длинные, лопат-ками. В фигуре сто и в манерах было что-то чрезвычайно оригинальное.

Это и понятно. В научном труде в отличие от романа Пушкин не ставил перед собой задачи образной характеристики события. Но и в романе он предельно сдержан, немногословен. Рассказчик Гринев словно сквозь зубы признается: «...меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость».

Другой свидетель действительно не удержался бы от щедрой живописи в таком драматическом эпизоде*. Но Петруша Гринев, как мы хорошо знаем, предельно честен во всем. Он не может себе позволить «размазывать» драматический эпизод.

Из «Крайне станицы Татищевы»

Образы, детали, при помощи которых в романе «Капитанская дочка» рисуется война, естественны для такого необстрелянного офицера, каким был Гринев. А подсказаны они Пушкину и его собственным, пусть и очень коротким, военным опытом**, и пристальным знакомством с обстановкой, где происходили описываемые им военные действия.

Мы это очень хорошо чувствуем, когда стоим на том месте, где наверняка стоял и он, оглядывая земляной вал, небогатые домишки станицы, кupy деревьев, за которыми угадывался Урал.

Сейчас вала нет, облик станицы иной, но и вы можете все хорошо представить: местность осталась пре-

По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух и рассказы их записывал в книжку.
Из воспоминаний Н. А. Кайдалова (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XXIII- XXIV. Петроград. 1916. С. 78)

* Такой свидетель может предстать в лице современника Пушкина Н. А. Полевого, автора «Рассказов русского солдата» (напечатаны в 1834 г.), где в сходном с пушкинским эпизоде пространно живописуется баталия.

** Из «Путешествия в Арарум во время похода 1829 года» Пушкин прямо переносит одну фразу — результат виденного им собственными глазами: «Генерал Муравьев приказал стрелять. Картечь хватила в самую середину толпы». Срав-

жней, такие же деревья растут на берегу Урала, а то пространство, на котором располагалась крепость, обозначено по углам памятными блоками из розового гранита. Это сделали наши равнодушные к истории современники.

После пугачевщины Татищево укреплений не имело, они были не нужны*.

Затем за многие десятилетия никаких бурных событий в ее окрестностях не происходило. Казаки несли сторожевую службу, обеспечивали лошадьми проезжающих через их земли, ловили в сезон рыбу — сига, осетра, севрюгу, судака, сома и разную прочую, помельче, вели сельское хозяйство. На другой стороне Урала едва ли не до середины XIX века простирались полузависимые от казаков территории кочевых народов, обозначенные на карте начала века как «зимнее кочевье трех семиродских родов». Это были земли киргиз-кайсацких племен.

Пламенем пожаров озарился вновь этот край в начале XX века, в гражданскую войну. Немало казаков станицы Татищево принимали участие в ней.

Но не эта История ударяет по сердцу, когда путешествуешь по пушкинскому маршруту из Москвы в Оренбург и Уральск и прибываешь в Татищево. И не та, еще более отдаленная от нас — из пугачевской эпохи. А другая, соприкасающаяся с нами живой памятью и живыми людьми и до сего дня обжигающая нас своим трагизмом и величием, когда мы встречаемся с ней неожиданно и вплотную, как это происходит в уральской станице.

Историю в ней помнят, гордятся ею. Энтузиасты местной школы — учителя и ученики — создали в школе музей. Замечательный музей. Он размещен в школе. Там все есть — и предните: «Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. *Картель хватил в самую середину толпы*» («Капитанская дочка»).

* Об этом говорится в книге Иосифа Дебу «Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии» (М., 1837).

Некоторые сведения об Уральске и крепостях по «Топографии Оренбургской» П. Рычкова и «Материалам для географии и статистики России. Уральское казачье войско». Ч. I. Санкт-Петербург, 1866.

Перволюцкая крепость «построена в верховьях реки Самары, впадающей в Волгу. Звание свое имеет от назначенной тут прирафии Перволюцкой...» (Рычков П. Топография Оренбургская. Крепость Рассыпанная основана в 1713 году: название происходит якобы от окружаю-

меты, и документы; оружие пугачевской эпохи и гражданской войны, казачья одежда, домашняя утварь, газеты, книги, рисунки, фотографии. Музей оформлен со знанием тонкостей музейного дела. Таким музеем могла бы гордиться не только станица, но и большой город. В этом музее все подлинное, все заставляет остановиться, задуматься, соотнести свою судьбу с судьбой людей, которые и двести, и сто, и пятьдесят лет назад брались за оружие, чтобы защитить независимость и честь Родины.

И вот один стенд... Он завершает славную ратную историю татищевцев. Заставляет поставить эту историю — историю одного из тысяч селений нашего Отечества — в один ряд с историей всего государства, всего народа.

На этом стенде список тех, кто пал смертью храбрых на полях Великой Отечественной войны. Огромный список... Огромный для такого по сути небольшого в масштабах русской земли места, как станица.

Сто двадцать два человека.

Сто двадцать два своих сына отдала станица Татищево на алтарь Победы.

Когда смотришь на этот список, читаешь фамилии, до жути реально представляешь себе, как эта отдаленная от фронта станица превращалась в одну из крепостей, встававших несокрушимо на русской земле в ту страшную и героическую пору.

Станица Татищево. В годы Великой Отечественной войны она вновь обрела гордый статус военной крепости.

Таких списков, какой помещен в Музее станицы, немало на русской земле. Но *татищевский* имеет одну особенную черту. Читая этот список, вы видите, что фамилий в нем не сто двадцать две, а меньше. Ряд фамилий повторяется и дважды, и четырежды, и большее число раз.

Познакомимся, читатель, с этими фамилиями; назовем число погибших в каждой из этих семей: Пашковы — 14, Прохоровы — 5, Русиновы — 4, Горбу-

щих ее бусраков леса, именуемого Рассынным.

Крепость Нижнеозерная основана в 1754 году на нескольких озерах бердским казаками и ссыльными.

Крепость Татищева основана в 1735 году. Яицкий городок (Уральск) — в 1613 или в 1622 году.

К началу 60-х годов XIX века в нем было жителей: 5368 мужского пола и 5779 женского, не считая востаных.

Около двухсот камешных торговых лавок. К концу столетия — 12 церквей, 3 мечети.

новы — 4, Готины — 5, Дюгаевы — 11, Сурначевы — 2, Крипаковы — 5.

Казак. Пехотинцы. Пулеметчики. Саперы. Связисты. Солдаты Великой Отечественной.

Мужья, отцы, сыновья, братья... Целые семьи, роды. Какой обескровленной, обездоленной чувствовала себя эта земля, когда война завершилась Победой! Как чувствовали цену Победы те, кто остался в станице, кто вернулся в нее...

Неподалеку от школы, в сквере, среди щедро разросшихся кустов стоит бюст Александра Сергеевича Пушкина. Очень живой и выразительный скульптурный портрет Пушкина, вырезанный из камня.

Многое видится в лице поэта, который смотрит на вас, на людей, проходящих по широкой станичной улице, на современное Татищево.

Бюст этот стоит здесь не случайно. Это и благодарная память татищевцев поэту, который увековечил их станицу в своих произведениях — в «Истории Пугачева», в «Капитанской дочке». Это и благодарная память татищевцам, подарок им, родной станице. Его сделал оренбургский скульптор Петр Григорьевич Сурначев — один из славной семьи татищевцев, которые навечно занесены в список погибших в последней великой войне.

От Татищевой до Нижнеозерной дорога шла вдоль Урала, то приближаясь к нему, то удаляясь. Русло реки здесь особенно прихотливо, извилисто. Правый берег, по которому ехал Пушкин, часто высок, крут, а у самой станицы обрывается к воде утесом.

Жизнь здесь шла своим заведенным на Руси порядком; по дороге гнали стадо, в воздухе лениво проплывал вечерний перезвон колоколов бревенчатой, зеленова-то-серой от времени церквушки.

Крепость эта привлекала внимание Пушкина не только потому, что он читал о ней в реляциях и воспоминаниях, что ее упоминала в своих рассказах старуха Бунтова. Еще год назад он прочитал в «Невском альманахе» повесть под названием «Рас-

Из первого указа Емельяна Пугачева (по выписке, сделанной рукою Пушкина из архивных документов):

«Сим моим именованным указом в Рассыпной крепости всякого звания людям повелеваю: как вы, мои верные Рабы, служили и покойны были напред сего мне, будьте верны и послушны, ожидать меня старайтесь»

сказ моей бабушки», события которой разыгрывались здесь, на берегу Урала, в крепости Нижнеозерной*.

Повесть была примечательной. Хотя автор и наполнил ее романтическими бреднями, она перекликалась с тем, что приходило в голову и Пушкину, когда он размышлял над своей пугачевской повестью.

Татищев. Бюст А. С. Пушкина.
Скульптор П. Г. Сурмачев

По привычке Пушкин вступил в боренье со своим предшественником. Одолеть автора «Невского альманаха» труда не составляло, но он давал завидный образец. Героинею он сделал дочь коменданта крепости, капитанскую дочку Настиньку. А капитаном был храбрый воин Шпагин, которого, захватив крепость, казнили пугачевцы. Он да молодец драгун Бравин, назначенный недавно на службу в Нижнеозерную, выказывали доблесть и верность присяге. Настинька и Бравин, понятно, полюбили друг друга, но на их пути встала пугачевщина. Страшный Хлопуша хочет завладеть девушкой, а старуха-мельничиха вы-

думкой наводит страх на разбойников и спасает ее. Кончилось все «пирком да свадьбой», царские войска освобождали Нижнеозерную, бравый поручик входил в крепость вместе с победителями...

Но было... было в повести неведомого автора нечто такое, что заставляло задуматься. Он, несомненно, знал немало о событиях и судьбах той поры, знал обстановку, верно выбирал героев для повествования...

Перед глазами Пушки-

к себе (...). За что жаловать буду вас всех, вперво: вечною вольностью, реками, лугами, всеми выгодами, жалованием, провиантом, порохом и свинцом, чинами и честию, а вольность, хоть и не легулярные, навеки получат. Кто ж сего моего указа преслушает, тот сам узнает праведный гнев противинкам моим.

* Невский альманах. СПб., 1832. Повесть подписана инициалами А. К. Автором был оренбургский писатель А. П. Крюков (1803—1833). О нем есть статья Н. И. Фокина в «Ученых записках Ленингр. гос. ун-та» (1958. № 261).

кина открывалось место, где происходили бурные события, описанные его предшественником. Как бы ни оценивать его повесть, как бы по справедливости ни отмечать ее несовершенства, автор заслуживал доброго слова, ибо напоминал русским людям о времени, которое рекомендовалось забыть.

Пушкин с живым интересом вглядывался в станицу. Вот и тын с остатками ворот, слева и справа показывались казачьи домики, впереди, возле церкви, стоял дом станичного атамана.

Мало чем отличалась нынешняя Нижнеозерная от той, про которую говорилось в повести. Хотя и прошли десятилетия, и самой крепости нет, и новые улицы в станице появились, а все равно «домы в ней были все маленькие, низенькие, по большей части сплетенные из прутьев, обмазанные глиною, покрытые соломой и огороженные плетнями» *.

Атаман Нижнеозерной зауряд-сотник В. И. Агапов был уже извещен губернатором о приезде Пушкина — встретил его со всем возможным радушием и почетом. Он показывал ему остатки крепостного вала, водил на берег Урала, собрал в станичную избу стариков, которые помнили восстание **. От них-то Пушкин и услышал много интересного, записал в свою тетрадь, а потом использовал в работе над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой». Рассказы стариков подтверждали то, что он уже отчасти знал из письменных источников. Те были и скудные, и нередко неточны. Воспоминания живых людей оказались полнее и содержательнее.

Прежде всего Пушкин подробно записал обстоятельства взятия Нижнеозерной пугачевцами и рассказ о поведении ее коменданта премьер-майора Захара Ивановича Харлова.

Я не буду делать подробных параллельных выписок из тетради с «Оренбургскими записями» к «Истории

* Невский альманах. СПб., 1832. С. 259.

** Фамилии и имена некоторых собеседников Пушкина, равно как и личность коменданта, установил Р. В. Овчинников (см. книгу «Над «пугачевскими» страницами Пушкина». С. 72—79).

Ур. (альские) казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд *

Слова песни из дорожной записной книжки Пушкина

* Недописано.

Пугачева». Характер пушкинской работы над документальным материалом (при использовании его в историческом труде) в общих чертах нам ясен из приведенных выше, в других главах, примеров *. Назову лишь факты и эпизоды, записанные Пушкиным со слов стариков: взятие крепости, поведение Пугачева под выстрелами пушек («Берегись, государь,— сказал ему старый казак,— неравно из пушки убьют»), казнь татарина Бикбая, расправа над Харловым и другими офицерами, судьба пугачевского секретаря, сержанта Дмитрия Кальминского.

Задержимся, однако, на одном эпизоде.

«Харлов приказывал стрелять,— записывал Пушкин слова очевидца,— никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю.— Потом подбежал к другой пушке— но в сие время бунтовщики ворвались». Этот рассказ сохранен Пушкиным и в «Истории Пугачева».

Это был один из тех драматических эпизодов, которые помогали читателям исторического труда увидеть и почувствовать накал событий. Все было основано на реальных фактах. Ни капли домысла. Стиль изложения сдержан и суров. Но именно благодаря таким документальным частным, казалось бы, по своей сути «вкраплениям» в эпическую поступь повествования вырисовывалась грандиозная картина событий, вовлекавших в себя и «перемалывающих» в себе сотни и тысячи отдельных судеб.

В романе «Капитанская дочка» эти судьбы на авансцене. Мы видим, как герой художественного произведения капитан Миронов повторяет то, что демонстрировал реальный герой перед лицом смерти.

Старая казачка, мать станичного атамана Марфа Сергеевна Пичугина спела Пушкину песню, отрывок из которой он записал в дорожную книжку, а впоследствии строфу из нее включил в одно из примечаний ко второй главе «Истории Пугачева». Это старинная песня о капитане Петре Сурине, который

Главные предметы вывоза — красная и черная икра, рыба, шерсть, армячища, кошмы, мерлушки.

«Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско». Ч. I. Санкт-Петербург, 1866.

* Желающие проделать эту работу и дальше могут взять обе книги девятого тома Полного собрания сочинений Пушкина и сравнить соответствующие места из «Истории Пугачева» и «Материалов» к ней.

был выслан на помощь коменданту крепости Рассыпной майором Харловым. Рота Сурина перешла на сторону Пугачева, а сам капитан был повешен.

Вот эта пушкинская запись:

*Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной*
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один.
Он нечаянно в крепость въехал,
Начальников перевешал,
Атаманов до пяти,
Рядовых сот до 6**.*

«Степь да степь кругом, путь далек лежит...»
Песня не обманывает: куда ни взгляни — направо от дороги, налево, вперед ли, назад — перед глазами нескончаемая степь, то расстилающаяся по равнине, то взбегающая на холмы и пропадающая за горизонтом. И путь, пролегающий через эту степь, действительно далек, так далек, что едешь и день, и два, а перед глазами все та же бескрайняя картина степных просторов.

Еще по дороге в Нижнеозерную справа от коляски открылась невысокая гряда с белыми известковыми выходами породы. Блеклые краски осенней степи чуть оживились. Рыжая, выбитая трава, белые, со следами дождевых потоков склоны, бледно-голубое небо создавали довольно живописную, с оттенком грусти картину. Никого в тот час не было видно вокруг — ни всадника, ни отары овец, ни встречного путника. Коляска казалась затерянной в каком-то странном, отрешенном от современности мире. Тишину нарушал лишь дробный топот копыт по сухой, пыльной земле, поскрипывание колес да звон колокольчика под дугой коренника.

Может быть, проезжая это место, седок заинтересовался им, спросил о нем казака, который правил лошадьми, а тот ответил: мол, место в округе известное, зовется Белыми горами, до Нижнеозерной от них верст десять...

* То есть из крепости Озерной (Нижнеозерной).

** Исследователи допускают, что эту песню Пушкин мог услышать и от Бунтовой. Цифра «6» стоит в пушкинской рукописи.

А потом дорога увела в сторону, белая гряды скрылась из виду, и опять по обе стороны коляски потянулись холмистые степные дали. Промелькнула одинокая могила — холмик да покосившийся крест. Коляска подъезжала к оврагу с крутым спуском... А вот вновь впереди, меж деревьев, промелькнула вода. На крутом берегу Урала, словно заглядывая в него с кручи, стояли избы...

Недолго Пушкин ехал мимо тех Белых гор, но они запали в память. А спустя время воскресли в хорошем нам известном названии Белогорской крепости в романе «Капитанская дочка»...

Хорошо ехать по степи.

Навстречу изредка попадаете то бричка, запряженная тройкой, то казак верхом; коляска обгоняет медлительные карandasы — повозки на длинных дрогах, груженные разными товарами; когда дорога приближается к Уралу, с высокого берега можно увидеть наездника на другой стороне в остроконечной белой шапке, в малиновом халате — это киргиз-кайсак.

Высоко над степью парит орел...

На память приходит шотландец Джон Кук, попавший в наши южные степи за несколько лет до пугачевщины и на всю жизнь пораженный их диким величием.

Он ехал в Персию через русские земли... Над ним тоже кружил дикий орел и казался этому путешественнику гордым и независимым существом, настоящим уроженцем степных мест, как и сопровождавшие его, англичанина, казаки. Казаки его поразили, сказав, что такой орел может унести в когтях не только гуся или ягненка, но и взрослую овцу*.

Вот он парит — легко и свободно. Это, конечно, не тот, что был вчера. Вчерашний остался над Нижнеозерной. У каждого из них свой участок степи, над которым они высматривают добычу. Они сменяются и, словно дозорные, передают друг другу проезжающего под ними человека.

* Voyages and Travels through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia. By John Cook. Edinburgh. M. DCC. LXX (1770). Vol. 1. P. 148—149. В экземпляре, который принадлежал Пушкину, между этими страницами находится закладка. Книга попала к Пушкину в 1835 году. См. об этом в книге Ильи Файнберга «Читая страницы Пушкина» (М., 1985. С. 371—381).

Жизнь твою охраняют? Смерть ли подкарауливают?

«Нет, мой друг,— напишет Пушкин из Болдина, закончив свое странствие по степи,— плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому! ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься».

Степь притягивала к себе, напевала странные песни, маячила смутными всадниками у горизонта. Прав был Даль, сказав: «Вы еще полюбите эту степь: нигде более в России природа не красуется так, как здесь, в степях оренбургских».

В казачьих станицах без задержки меняли лошадей. Оставались позади бывшие крепости и форпосты— Рассыпная, Мухрановский, Кинделинский, Кирсановский, Рубежинский.

В пригородной слободе Уральска зажигались огоньки. Несмотря на поздний час, на улицах было людно— казаки, казачки, русские, инородцы. Казак в шапке с малиновым верхом, в синих шароварах заводил в открытые ворота гнедую лошадь...

Молодая казачка в глазетовом сарафане (пуговицы посредине сверху донизу, в два ряда галуны), в накинутой на плечи душегрейке стояла у крыльца, смотрела загадочно на проезжающего...

Гаврила, как всегда при подъезде к ночлегу, начинал не в меру ерзать, задавать ненужные вопросы. Пушкин старался не обращать на него внимания. Он вглядывался в город, уходящий в плотнеющие сумерки. Первая встреча, первое впечатление всегда важны. Потом будут иные картины, разговоры, лица, многое прибавится, что-то пропадет, но первое впечатление, создающее образ, останется. Оно, возможно, укрупнится, усилится или, наоборот, раздробится на несколько отдельных образов, картин. Но в основе всего, что увидишь и услышишь, скорее всего останется впечатление первых минут.

За вечерней лентой улиц угадывался иной

Уральск. Дом накинутаго атамана

«Белые» горы по дороге в станцию Нижнегорскую

характер. Этот с неспешной поступью казак имел гордую осанку и крутые плечи. Темные глаза казачки на миг глянули с вызовом и огоньком. А тут и вовсе вечерний покой сломался гиком и настегиванием нагайкой по мохнато-малу крупу верблюда — мимо коляски проскакал киргиз, без шапки, бритоголовый, в красных сапогах, и пропал, подняв пыль, в конце улицы.

Улицы стелились под колеса мягко, ласково и превращались в вечернем, быстро меркнущем свете в сказочно-фиолетовые ковры с однообразным узором из белеющих по бокам домиков да чахлах деревьев*. Посередине ковры имели борозду — вырытую для стока воды канаву.

* В Уральске из-за нехватки воды (как ни странно) с зелеными насаждениями было бедно.

Колеса, дробно стуча, покатались по мостовой главной Михайловской улицы *. Коляска остановилась у каменного дома наказных атаманов. Здесь Пушкина ждали. Сам атаман, полковник Покатилов, спустился вниз со второго этажа встречать позднего гостя. Ждал здесь Пушкина и ужин, и первый, до полуночи, разговор с начальником здешнего края.

Но как сразу выяснилось, Василий Осипович Покатилов мало что мог сообщить о пугачевских временах. Он в них, похоже никогда особенно не вникал, хотя служил в Оренбургском крае тринадцать лет — сначала в самом Оренбурге, затем в Уральске: в тридцатом году его назначили войсковым атаманом («управляющим войском») **.

Как мог заметить Пушкин, это — молодой и молодцеватый полковник мало интересовался жизнью казаков, а те его недолюбливали. Это проявлялось в мелочах, мало заметных а то и вовсе незаметных для невнимательного взгляда: в подчеркнутой исполнительности подчиненных; в том, что даже во время застолья, устроенного в честь столичного гостя, казачьи офицеры ни на минуту не оставляли официально-почтительного тона по отношению к своему начальнику.

Пушкин уловил все это, но вникать не стал. Его в Уральске волновало иное, а сам Покатилов был к нему предельно внимателен и любезен ***. 2 октября из Болдина поэт сообщил жене: «...тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, на перерыв давали мне все известия, в кото-

* Ныне улица Советская.

** Наказным атаманом он был утвержден лишь в декабре 1833 года, то есть после отъезда Гушкина (сведения о нем уточнил А. И. Бый по архивным данным; см.: Временни: Пушкинской комиссии. М., 1980. С. 19).

*** Один из трех экземпляров «Истории Пугачева», посланных на имя Перовского в Оренбург Пушкин предназначил Покатилову. Что же касается его самого, то в 1837 году казаки подали цесаревичу (будущему царю Александру II), посетившему Уральск, жалобу на самоуправство наказного атамана. Итог для них был плачевен: казаков обвинили в мятеже,

Из воспоминаний казачьего офицера Никиты Федоровича Савичева «Нечто из времени катастрофы»:

«Один из тех казаков, которых расспрашивал А. С. Пушкин, именно Бахирев, рассказывал, что когда священник Червяк, бывший некоторое время писарем у Пугачева, стал умирать, то Бахирев... просил по-дружески Червяка перед смертью сказать истину: был то Петр III или самозванец Пугачев. На это Червяк положительно отвечал, что «это никто иной был, как

рых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной» *.

Кто же были эти казаки и какие сведения они «на перерыв давали» поэту?

На обедах в его честь присутствовали казачьи офицеры, которые могли о чем-то рассказывать со слов старых людей. Так, очевидно, и было. Поэтому самыми ценными оказались для Пушкина не эти застольные беседы, а встречи и разговоры со стариками, рядовыми казаками, которые помнили восстание, а кое-кто и принимал в нем активное участие на стороне Пугачева.

Такие казаки жили еще в Уральске, их было немало — сорок шесть человек (мужчины). Были еще и казачки **. С ними тоже разговаривал Пушкин.

Он умел говорить с простыми людьми. Они доверяли ему. Ни Перовский, ни тем более Покатиллов или другие начальники Уральского войска не могли бы заставить казаков быть искренними, разговаривать. Они «на перерыв давали» поэту необходимые ему известия не потому, что начальство им приказало или разрешило (хотя такое разрешение тоже играло немалую роль), а прежде всего потому, что этот странный штатский человек с ясными голубыми глазами и располагающей к себе улыбкой проявлял неподдельный интерес к их жизни, к прошлому, которое не умирало, не затухало в их памяти. В разговоре он выказывал удивительные знания о том времени, о тех людях и тем укреплял доверие к себе. Он так заразительно и безудержно смеялся, когда слышал о чем-нибудь смешном, что его собеседники сами начинали от души хохотать

император Петр III, потому, — прибавил он, — что таких знаний, распорядительности и пронизательности не может быть в простом человеке. И мне, — говорит, — Александр Сергеевич Пушкин толкавал, что это был самозванец, донской казак Емельян Пугачев и присвоил себе имя умершего императора; но я этому не верю. Где новым людям знать, что в старину было!»

Уральские войсковые ведомости. 1884.
№ 18

и все войско было в административном порядке наказано.

* В примечании к первой главе «Истории Пугачева» Пушкин приводит обширную выписку из книги А. И. Левшина «Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков», где говорится о сезонных способах ловли рыбы на реке Урал и, в частности, об отправке «наилучшей икры» в Петербург ко двору. Угощая поэта икрой, при нем изготовленной, казаки Уральска оказывали гостю высокую честь.

** Казачек было 24. Сведения эти установил по ревизской переписи населения Р. В. Овчинников.

*Портрет А. С. Пушкина.
Художник В. А. Тропинин. Масло. 1827*

и уже не придавали значения тому, что перед ними человек приезжий, судя по всему, значительный, что сам войсковой атаман относится к нему с почтением.

Была и еще одна причина, которая заставляла беседовавших с Пушкиным людей тянуться к нему.

Полвека с лишним минуло с той пугачевской поры, а впервые они видели не своего брата казака или иного человека простого звания, а барина, который с такой жадностью выслушивал их рассказы об их преступной в глазах начальства молодости. А ведь кое-кто из собеседников Пушкина был не только прощен после разгрома пугачевского восстания, но и наказан. Одним из таких казаков был Михаил Денисович Пьянов, девяностопятилетний старик. Встреча с ним оставила глубокий след в сознании поэта.

Отец Михаила Денис Пьянов знал Пугачева задолго до того, как тот выступил на Яике в роли самозванца, царя Петра III. В его доме Пугачев жил некоторое время еще до первого своего ареста в 1772 году, когда (как сообщает Пушкин в своей книге) «отличался дерзостью своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана»*.

Спустя недолгое время, когда пламя восстания вспыхнуло, Пугачев возобновил дружбу с семейством казака Дениса Пьянова и даже был посаженным отцом на свадьбе его младшего сына Михаила.

Один из приближенных к Пугачеву людей, его секретарь Иван Почиталин, давал показания в январе 1774 года, будучи допрошен Оренбургской секретной комиссией: Пугачев выбрал «двух девок, которые ему были нравны, и женил двух своих любимцев: меня — Почиталина и Михайлу Пьянова; свадьба была зделана на щот Пугачева, и платье на невесту положил он свое; моя жена — дочь казака Семена Головачева, который умер, а Пьянова — дочь же казака Ивана Пачколкина, который ныне на Яике»**.

Возможно, и о самой свадьбе рассказывал старик, но Пушкин записал его слова о Пугачеве.

В десятом «Замечании о бунте» Пушкин приводил цитировавшийся нами по другому поводу разговор:

* Сам Денис Пьянов скончался в 1774 году в возрасте пятидесяти лет.

** Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 109.

Портрет Е. И. Пугачева.
Неизвестный художник. Масло. Конец XVIII века

Уралык. Дом Устины Кузнецовой

«Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову*, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович».

В основном тексте «Истории Пугачева» Пушкин опирается на свидетельство Михаила Денисовича Пьянова в одной из важнейших оценок Пугачева как руководителя народного восстания. В главе третьей Пушкин пишет: «Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошельца <...>. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле <...>. Пугачев скучал их опекою. *Улица моя тесна*, говорил

* Пушкин ошибочно записывает имя Михаила Пьянова, ставя инициалы его отца.

он Денису Пьянову, пируй на свадьбе младшего его сына».

А в примечании к этому месту Пушкин прямо указывает, что слышал это от самого младшего Пьянова, «доныне здравствующего в Уральске».

Слова старого казака подтверждали то, что Пушкин уже не раз слышал от других *. Но именно эти слова воплотили в наиболее емкой, выразительной и лапидарной форме важнейшую характеристику Пугачева как вождя восставших и одновременно их «заложника», исполнителя их не всегда разделяемой им воли **.

Слова Пугачева, услышанные Пушкиным от Пьянова («улица моя тесна»), вошли и в одно из ключевых (для понимания личности и судьбы Пугачева) мест романа «Капитанская дочка». Каждый, кто внимательно читал роман, помнит это место.

«А ты полагаешь идти на Москву?» — спрашивает Гринев Пугачева, оказавшись с ним в одной кибитке. «Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро...»

Многое стало яснее в Уральске. И судьба Пугачева, и его личность, и отношение к нему казачества.

Пушкину показывали Петропавловскую церковь, где венчали Пугачева с яицкой казачкой Устиньей Кузнецовой***. В старой части города, так называемых Куренях, на Кабанковой улице он видел каменный дом атамана М. Толкачева, у которого останавливался Пугачев в свои приезды из Оренбурга в Яицкий городок. В этом доме он праздновал свою свадьбу с молодой казачкой****.

* В том же 10-м «Замечании о бунте» он пишет: «Когда упоминал я о его (Пугачева) скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его была воля; наши пьяницы его мutilи».

** Пушкин не получил доступа к секретным архивам с материалами допросов Пугачева. Они подтверждают характеристику, данную поэтом на основании разговоров с живыми людьми. В одном из протоколов следственных показаний Пугачева прямо записано, что казаки держались при нем независимо и «делали што хотели» (Вопросы истории. 1966. № 7. С. 131).

*** Церковь горела в 1821 году и к тому времени, когда осматривал ее Пушкин, не была еще восстановлена. Она не сохранилась.

**** От этого дома (он находился неподалеку от дома Устиньи Кузнецовой) сохранились груды заваленного землей кирпича. По преда-

Эта история не могла не занимать воображение Пушкина, она приоткрывала существенные черты в характере вождя восстания.

Уральск. Купола собора Михаила Архангела

Еще в Берде от Бунтовой Пушкин услышал эту невеселую историю: «Устинью Кузн.<ецову> взял он насильно, отец и мать не хотели ее выдать, она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем». Затем более пространно изложил это в «Истории Пугачева»...

Дом родителей Устиньи по-прежнему крепко стоял на углу, сложенный из могучих бревен, под тесовой крышей, с украшенными резьбой наличниками, воротами и нарядным крыльцом. Добротный, уютный внутри дом богатого казака, сохранивший в себе печаль и тайну девичьей судьбы...*

нию, Пугачев в стенах дома прятал клад; после пугачевщины дом был куплен состоятельным человеком и равобран по кирпичику, но никакого клада в нем не оказалось.

* В нем размещен музей, восстановлена типичная обстановка дома зажиточного казака.

Устинье Кузнецовой было семнадцать лет, когда ее увидел Пугачев. Увидел, заслал сватов, склонил близких себе казаков согласиться на этот брак. Склонить же было непросто: казаки стали сомневаться в том, подлинный ли он царь (это отчетливо прозвучало в словах Бунтовой)*. А те, кто продолжал верить в это, не были согласны с тем, что он от живой жены (что на троне) женится на другой.

«Какая она мне жена, когда с царства сверзила! Она мне злодейка»** — так отвечал на это Пугачев своей невесте, когда и она выразила сомнение в законности его сватовства.

Но Пугачев не посчитался ни с чем; и не только с «женой» на троне, но и с настоящей своей женой, которая вместе с его детьми в это время жила на Дону. Приглянулась ему семнадцатилетняя красавица...

А что она? Хотела ли быть царицей?

Не так просто ответить на эти вопросы. Одно несомненно — нравом она была отнюдь не в героиню пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке», которая рвалась на трон. Она «процарствовала» чуть больше двух месяцев и предстала перед Оренбургской секретной комиссией 12 мая 1774 года.

«Подлинно ли-де ты государь, — спрашивала она однажды Пугачева, — и я сомневаюсь в том, потому что ты женился на казачке. И как-де я вижу, что ты меня обманул и заел мою молодость, ибо ты — человек старой, а я молодіохонька»***.

Находясь в доме Устиньи Кузнецовой на Стремлянной улице, хорошо представляешь страшную судьбу этой девушки, выданной насильно замуж за «старого», каким он ей представлялся, человека. Два неполных месяца замужества, тревожная слава, затем заключение, полная беззащитность.

В записанном Пушкиным со слов поэта И. И. Дмитриева «Предании» есть фраза: «Ген.<ерал>

* Или они его склонили, как показывал сам Пугачев на следствии.

** Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 199.

*** Там же. С. 198—199. О чем отец разговаривал с Пугачевым во время сватовства, она не помнила, «ибо она тогда была в великих слезах. Потом Пугачев приказал ей, Устинье, не плакать и готовиться к венцу» (С. 198).

Потемкин имел связь с Устиньей, второй женою Пугачева». Это был «другой» Потемкин, не «тот», не фаворит Екатерины. Но все они — генерал, офицеры, чиновники — вели себя одинаково с казачкой, имевшей несчастье понравиться Пугачеву. Имевшей несчастье быть молодой и красивой...

Не один дом на Стремянной мог бы поведать о драматических событиях, которые разыгрывались в Яицком городке. Но этот притягивал к себе особо.

Сейчас, в нынешнем Уральске, он один и остался из десятков домов южной части старого города — Куреней. Давно уже город не тот, и дома другие, и улицы переименованы. Но и сейчас этот уголок города сохраняет в себе отдаленные черты того *пугачевского, пушкинского, казачьего* Уральского.

Дома здесь в основном одноэтажные, с садами да огородами. По одной из улиц, прямо от дома Устиньи Кузнецовой, вы можете выйти к Уралу. А здесь все так же, как и сто, и двести лет назад. Крутой берег, кусты у самой воды, быстрый, мутный бег реки. Зауральские дали.

Сюда, на это место, на заросшую травой площадку над рекой, можете не сомневаться, приходил и Пугачев. Может быть, с молодой женой... Показывал ей на поднимающиеся вдали над домами купола собора Михаила Архангела, который находился на территории Яицкой крепости и сам являл собою несокрушимую для пугачевцев крепость (оттуда слышалась пальба из ружей и отдельные, тяжелые выстрелы пушек), — показывал и говорил... Что он мог при этом говорить? Что-нибудь вроде того, что недолго еще держаться солдатам да офицерам, что скоро крепость падет и все свои силы он бросит на Оренбург. А потом... Потом, может быть (как и в разговоре с Гриневым), он называл и Москву... А молодая «царица» и верила, и не верила, и сердце ее замирало, и не понимала она всего...

Из журнала коменданта Яицкой крепости подполковника И. Д. Симонова (выписки сделаны Пушкиным):

«Нам оставалось только стараться об удалении врага от крепости, по чему и старались обжечь около оной площадку, атакуя укрепленные избы. Сии опасные вылазки чинимы были всегда с успехом, иногда 2 раза в короткий зимний день, солдаты были остервенены. Пугачев наконец писал в крепость угрожительное письмо, в коем запрещал сии вылазки».

«Злодеи тотчас открыли огонь по крепости, особенно по развалинам, и с криком бросились на приступ — по резерв наш

Слишком все было неожиданно и грозно, беспокойно. Одни новости сменялись другими. В доме отца говорили всякое. Веры «царю» после его женитьбы стало меньше. Это она тоже видела...

Не радовали ее, как могли бы радовать, ни парчовые сарафаны, ни богатая шуба, ни праздничные сороки*, украшенные дорогим жемчугом...

«...Ты — человек старой, а я молодіохонька».

«Я-де со временем бороду-то обрею,— говорил он ей, склоняя ее на доверие и ласку,— и буду молоде».

Но Устинья-то знала, что казаки не жалуют бритобородых: «Так казаки любить не будут!»**

И чего-то недоговаривала, отводила глаза, которые все реже смотрели с вызовом и огоньком, приворожившим его совсем еще недавно на девичнике, где он впервые увидел ее...***

На стенах собора Михаила Архангела еще видны были следы от ядер пугачевцев. На месте каменной колокольни, взорванной при осаде, возвышалась деревянная. Ее построили недавно, она вся сияла свежим деревом.

На площади перед собором было людно. По праздникам здесь устраивали парады войск, а до пугачевщины собирался казачий круг (после подавления восстания его упразднили). Праздник в честь покровителя собора святого Михаила был еще не скоро — 8 ноября. Площадь имела будничный вид. Проезжали через нее повозки, шли люди, у восточной стены,

тотчас занял сии развалины, куда вывезены были и пушки. Непр. <иятель> весь день и ночь старался овладеть крепостию, но безо всякого успеха — с нашей стороны уб. <ито> 42, ран. <ено> 13, в том числе Симанов контузией».

«17 февраля кинуты против ретраншементов* на лед реки Старицы через нездешнего казака письмо возмутительное от Пугачева. Между тем Пугачев с высоты батареи, от стороны Куренской, с коей весь ретранш. <смент> открылся, смотрел, что будет. Ему ответствовано пушечными выстрелами. На что и он возразил тем же».

* Внутренняя оборонительная ограда (вал).

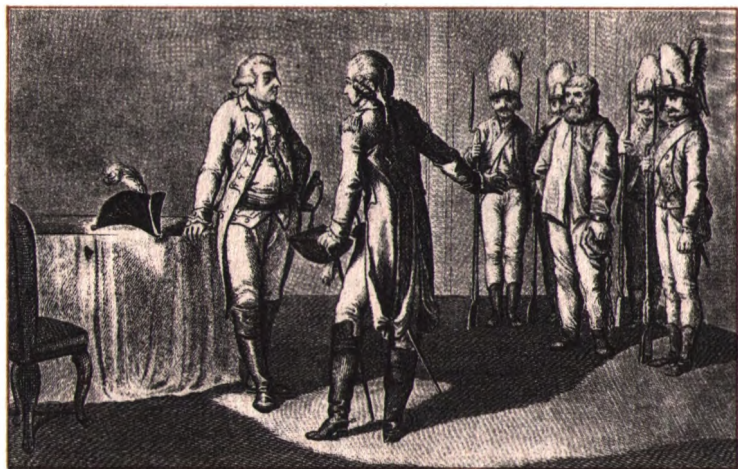
* Головной убор казачки.

** Пугачевщина. С. 199.

*** Всею жизнью поплатилась она. По приговору сената ее сослали в Кексгольм, да еще вместе с прежней семьей Пугачева, его первой женой и тремя детьми. Тридцать лет провела она в заточении: последние документальные известия об Устинье Кузнецовой помечены 1803 годом.

выходившей к валу, мальчишки играли в *альчи* — так назывались здесь российские бабки. Мальчишки шумели, горячились, им не было никакого дела до господина, который вылез из коляски и медленно обходил собор.

А Пушкин вспоминал рассказ Ивана Андреевича Крылова, записанный еще в апреле. Крылов рассказывал, как после подавления бунта он с матерью воз-

Арест Пугачева уральским командантом.
Правора Гисера с оригинала Шуберта

вратился из Оренбурга к отцу в Уральск (тогда еще Яицкий городок) и как среди мальчишек завелась игра в пугачевщину.

«Дети разделились на две стороны, — записывал Пушкин рассказ баснописца, — городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Кр.<ылов>, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишник сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить».

Любопытное свидетельство.

По играм детей можно, оказывается, изучать приметы времени.

Пушкин записал 11 апреля 1833 года следующие «Показания Крылова (поэта):
«Отцу Крылова (капитан) был при Симанове в Яг.<ком> гор.<олке>. Его твердость

*Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив.
Шалуи уж отморозил пальчик,
Ему и больно смешно...*

В тех играх было не до смеха. Одного мальчишку, вспоминал дальше Крылов, повесили кушаком на дереве. «Его отцепил прохожий солдат».

Сейчас, если судить по виденному у собора, игры опять были азартные, но вполне мирные...

А Пугачев тогда, под стенами Яицкого городка, злобствовал: ему никак не удавался штурм. Однажды «приступ длился десять часов сряду, при неумолкной пальбе и перестрелке». Поручик Толстовалов сделал удачную вылазку, очистил ров и прогнал пугачевцев с большим для них уроном. «Пугачев скрежетал,—пишет Пушкин в своей «Истории». — Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом, обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов».

История оживала в судьбах знакомых Пушкину людей. Крылов, Державин, Дмитриев... Три больших поэта, каждый по-своему, вовлечены были в ту историческую драму, начавшуюся в далекое уже от нынешнего, «смутное» время, когда по казачьим дворам стал шататься «неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремесла» (так начинал Пушкин вторую главу «Истории Пугачева»).

«Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков,— писал далее Пушкин, касаясь первого взрыва казачьего негодования против правительственных утеснений,— уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупа рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова».

и благоразумие имели большое влияние на (...) тамошние дела и сильно помогли Симонову, который вначале было струсил. Иван Андреевич находился тогда с матерью в Оренбурге».

В дорожную записную книжку Пушкин занес фамилию одного из тех «хозяев», у которых Пугачев принимался за «всякие ремесла» (об этом сооб-

Схема возможных маршрутов от Уральска в сторону Волги: 1 — Уральск, 2 — Чувашский Умет, 3 — Теплый Умет, 4 — Красный Умет, 5 — Хутор Каменной, 6 — Умет Чаганский, 7 — Соляной Умет, 8 — Умет

Ирмачой, 9 — Умет Каралыцкий, 10 — Умет Перелаз, 11 — Константиновка, 12 — Слобода Песчавка, 13 — Тугловка, 14 — Умет Сестрицкий, 15 — Саяный Тай, 16 — Александровка, 17 — Яблонка, 18 — Сызрань

щили Пушкину, видимо, в Уральске): «Вас. Плотников. Пуг. (ачев) у него работником». Он был одним из первых казаков, кому доверился будущий предводитель восстания. Вместе с другими главными пособниками Пугачева он был судим в Москве и отправлен на каторжные работы в Прибалтику (по дороге он заболел и умер).

В примечании к первой фразе второй главы Пушкин пишет: «Пугачев на хуторе Шелудякова косил сено. В Уральске жива еще старая казачка, носившая червики его работы».

Оказывается, он был на все руки мастер, Емельян Иванович Пугачев. Настоящий казак.

Немало новых сведений почерпнул о нем Пушкин в Уральске. Имена многих пушкинских собеседников

не сохранились. Но сохранилось переданное ими отношение к Пугачеву, которое так верно и бережно отразил Пушкин как на страницах «Истории Пугачева», так и в романе «Капитанская дочка».

Сорок дней путешествия подходили к концу. Пушкин прощался с гостеприимным Уральском.

Накануне отъезда, как и все последние дни, было холодно и сухо. Днем двадцать третьего погода изменилась.

«При выезде моем (...) вечером пошел дождь, первый по моему выезде,— писал Пушкин жене, приехав в Болдино.— Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой».

Но, несмотря на обычные в ненастье неудобства и трудности, Пушкин не беспокоился. Главная цель путешествия была достигнута. Теперь можно было спокойно ехать в Болдино и садиться за работу.

Казачьи лошади привычно справлялись с раскисшей дорогой и на ночь глядя довели до Талового Умета.

Ничего особенного он из себя не представлял. Умет как умет*: несколько изб, одна из которых с комнатой для проезжающих, широкий двор с навесами для лошадей, сенные сараи, амбары. Но Пушкин во все вглядывался со вниманием: отсюда начинался путь Пугачева по земле Яицкого войска, здесь он укрывался в доме уметчика Степана Оболева и договаривался со своими первыми сторонниками о решительных действиях; здесь

Портрет В. А. Наумов. Неизвестный художник. Аквафорс. 1830-е годы

* «Постоялый двор, или, по-тамошнему, умет...» («Капитанская дочка»).

его конвоиры длали с ним, закованным з цепи, привал, когда везли его из Яицкого городка в Симбирск.

Общановка в Таловом Умете мало переменялась с тех пор. Вот только в одной избе выгородили комнату для тех кто останавливался на нчлег. А так все было по-прежнему: неспешные заботы о лошадах, о про-

*Вид Сызрани.
Гравюра М. И. Махаева, 2-я половина XVIII века*

питании; те же запахи и звуки, та же лучина, которой освещалась изба.

Пушкин, расположившись, велел Гавриле достать свечи. Тот, как всегда, долго возилс: — то одного не мог найти, то другого... Пушкин стойчеси терпел, понимая, что по крайней мере до Болдина принужден пользоваться услугами этого на редкость нерастойропного и бесцеремонного слуги. И как он его в Петербурге не раскусил?

Еще из Оренбурга, не выдержав, пожаловался жене:

«Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только».

В воспоминаниях жены П. В. Нащокина Веры Александровны находим «финал» их совместной поездки. Уже по дороге в Петербург, за Москвой, в селе Всехсвятском, терпение Пушкина лопнуло, он столкнул Гаврилу «с козел за то, что тот был пьян, и приказал ему отправиться к Нащокину, что тот и исполнил». Утром на другой день Павел Воинович нашел пушкинского камердинера спящим на лестнице их квартиры*.

Но это произойдет еще не скоро, а пока Гаврилу, как и начавшийся дождь, приходилось терпеть.

За Уральском дорога раздваивалась. Одна уходила на Самару, другая — на Сызрань.

Пушкин выбрал дорогу еще в Уральске.

Мы же, как былинные герои, останавливаемся на распутье. Какую дорогу выбрать? По какой поехал Пушкин?

Вновь перед нами маршрутная задача. Причем на этот раз никаких подсказок. Пушкин не оставил ни заметок, ни намеков об этом этапе своего маршрута — от Уральска до Языкова. Ни-

чего не находим мы (по крайней мере до сих пор исследователи не находили) и у современников.

Считается, что Пушкин поехал из Уральска в Сызрань.

Опирается эта версия на то, что в начале путешествия он думал отправиться из Оренбурга в Болдино через Саратов и Пензу. Однако, узнав в Уральске, что дороги (почтовой дороги) из Уральска в Саратов нет, поехал на Сызрань. В письме жене от 19 сентября 1833 года он сообщал: «Завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три — и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу».

* См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 204.

Схема маршрута от Уральска до Сызрани:
1 Уральск, 2 Умет Переметный, 3 Умет Таловой, 4 Умет Камелицкий, 5 Умет Сестринский, 6 Умет Тепловский, 7 Овсяный Тай, 8 Марбина, 9 Александровка, 10 Владимирское, 11 Олещукская, 12 Яковлевка, 13 Сызрань

Кстати, в пушкинской литературе считается, что идея ехать в Уральск возникла у Пушкина лишь в Оренбурге; ссылаются на его слова из письма от 12

Схема маршрутов от Уральска в сторону Самары и Сызрани. Составлена по карте из книги «Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско». Часть I. СПб., 1866: 1 — Уральск.

2 Акирово, 3 Таловой Умет, 4 Умет Озный, 5 Умет Соболева, 6 Пилковский Умет, 7 Умет Караяльский

сентября: «Сегодня еду в Симбирск (...) к вечеру отправляюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия». Выделенное мною слово все же не позволяет безоговорочно строить эту версию. О значении Уральска в пугачевской эпохее Пушкин знал заранее, вряд ли он не думал раньше о посещении этого города и уральских станиц, находящихся в непосредственной близости от Оренбурга.

Итак, исходят из предположения, что после Уральска Пушкин направился к Волге по сызранской дороге.

Но откуда это следует? То есть то, что он поехал именно на Сызрань? Ниоткуда не следует. Так что нам предстоит, как и в случае с дорогой от Симбирска до пригорода Алексеевского (Самары, Смышляевки), рассмотреть варианты.

Заметим сразу, что почтового тракта от Уральска до Сызрани в то время не существовало. На «Подробной карте Российской империи и близ лежащих заграничных владений» дорога на Сызрань обозначена как «большая не почтовая».

Что же это значит? Прежде всего то, что и в направлении Саратова, и в направлении Сызрани ямской службы, то есть почтовых станций, не существовало.

Кстати, отказ Пушкина от пути через Саратов исследователи объясняют именно отсутствием на этой дороге почтовой службы. Но в таком случае возникает вопрос: если отсутствие почтовой дороги до Саратова заставило Пушкина отказаться от этого маршрута, то почему такое же отсутствие почтовой дороги до Сызрани его не остановило?

Ссылаются также на большую протяженность пути в Болдино через Саратов. Это аргумент: стремясь быстрее попасть в Болдино и с головой уйти в работу, Пушкин должен был бы отказаться от более долгого маршрута.

Однако так это или нет, мы не знаем.

Существовала в то же время еще одна причина. И возникла она лишь в день выезда из Уральска. Ее почему-то никто не учитывает. Между тем она могла сыграть решающую роль. Это *ненастье*. Раскисшие дороги могли кого угодно заставить выбрать путь на четыре сотни верст короче*. Дождь, как пишет сам Пушкин, «через полчаса сделал дорогу непроходимой».

Осенняя грязь могла влиять на выбор маршрута и в сторону Самары, и в сторону Сызрани.

* От Уральска до Болдина через Сызрань примерно 690 верст, через Саратов и Пензу — около 1070.

Стень в районе Глового Уезда

Кроме грязи на выбор маршрута оказывали влияние и другие дорожные условия.

Как и путешественник того времени, мы все должны учитывать.

Посмотрим на карты начала века, 30-х годов, начала 60-х. Во все это время *почтовой* дороги в сторону Сызрани и Самары не было. Лишь в начале 60-х годов стал рассматриваться вопрос об открытии почтового сообщения на Самару (от направления на Сызрань вообще отказались из-за торгово-экономических соображений). Что касается торговой дороги на Самару, то она была наезженной, но и тут имелись свои «тонкости». Дело в том, что по этой дороге лишь в пределах границ земель Уральского казачьего войска можно было рассчитывать на казенных — казацких — лошадей. От границы этих земель и далее по Самарской губернии езда была на так называемых вольных, то есть нанятых у местных жителей.

Это, как я уже обращал внимание, тогдашними путешественниками тоже бралось в расчет.

Исследователи считают, что Пушкин ехал по тому же маршруту, по которому везли пленного Пугачева, то есть через Таловой Умет*. А эта дорога, как можно убедиться, читая карту, вела не на Сызрань, а на Самару. Если бы путник захотел попасть на сызранскую дорогу, ему лучше было следовать до Умета Каралыкского и там сворачивать на проселочную дорогу вдоль реки Большой Ирғиз по направлению к Овсяному Гаю.

Но зачем понадобился бы такой крюк? Ради чего? Да и говорим мы не о гипотетическом путнике, а о Пушкине. Если предположить, что он действительно захотел посетить Таловой Умет как одно из мест, связанных с Пугачевым, то после этого умета он должен был проследовать прямо на Самару.

Так было логичнее во всех отношениях.

Однако и эта дорога — дорога «прямо» на Самару — тоже имела варианты.

«От главной дороги близ ум. Озерного, — читаем в «Материалах по географии и статистике России», — отделяется побочный путь, который через земли I юрты башкирского уральского отделения ведет прямо на

* См., например: *Овчинников Р. В.* Над «пугачевскими» страницами Пушкина. С. 130.

Самару, между тем как первый выходит на бузулукско-самарский тракт» *.

Какую дорогу мог выбрать Пушкин?

Предпочтительнее дорога в сторону бузулукского тракта. Почему? Да потому, что таким образом он скорее попадал на *почтовый* тракт Оренбург — Симбирск. Однако почему он должен был бы стремиться именно на этот тракт? Отвечая на данный вопрос, мы вновь задумываемся над тем, как были устроены дороги внутри и за пределами земель Уральского казачьего войска. В этом суть.

«Внутри Уральских земель,— читаем в том же труде,— по кордонным пунктам нет станций; там перемена лошадей и остановки производятся в местах жительства почтосодержателей» **.

Несколько загадочная характеристика. Но, зная границы земель Уральского казачьего войска (около ста километров севернее реки Урал), вникнув в смысл понятия «кордонные пункты» ***, можно убедиться, что значительную часть пути за пределами земель Уральского войска Пушкин должен был проделать на вольных лошадях, так что он вполне мог предпочесть ту дорогу, которая позволяла быстрее попасть на почтовый тракт.

К сожалению, как мы уже отметили, свидетельств о пушкинском маршруте на этом участке у нас нет. Мы можем только гадать. Он мог свернуть на Бузулук, мог поехать от Умета Озерный прямо к Самаре.

Так или иначе, он ехал скорее всего именно здесь, в этом общем направлении. Но не в сторону Сызрани.

Есть еще одно, косвенное свидетельство, ставшее под сомнение сызранский маршрут.

Если Пушкин ехал на Сызрань, то он должен был переправляться через Волгу неподалеку от Кашпурских хуторов, а возможно, и проезжать их. На другой, правой стороне Волги против этих хуторов тянулись на несколько верст Кашпурские горы и располагался старинный пригород Кашпур, в семи примерно верстах ниже

* Материалы для географии и статистики России: Уральское казачье войско. Ч. I. СПб., 1866. С. 148.

** Там же. С. 411.

*** То есть пункты, в которых располагались *кордоны* — помещения для караульной службы.

Сызрани *. Названия эти Пушкин должен был бы запомнить, как он запоминал и многие другие.

Но он удивительным образом путает и название пригорода, и само его местоположение.

В «Истории Пугачева», рассказывая о сопровождении Суворовым пленного Пугачева, он пишет: «В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября».

В свое время эта топографическая и топонимическая ошибка Пушкина в «Истории Пугачева» была замечена **.

Ошибка эта наводит на размышления.

Против Самары нет места с названием, созвучным Кашпүру или Коспорью. Суворов переправился через Волгу у Сызрани. Это известно. Но тогда резонно предположить, что возле Сызрани не было Пушкина, иначе трудно объяснить допущенную им ошибку.

У Сызрани его не было, а место переправы Суворова он записал, видимо, с чьих-то слов, на слух, а оттого и неточно (сравните неточную запись имени мордовского бога — оцюш кайбас).

Учитывая все вышеизложенное, большее предположение вызывает тот пушкинский маршрут, который выводил его прямо на Самару или на почтовый тракт Оренбург—Симбирск (через Бузулук) ***.

Дожди, дожди, дожди. Дали сузились — все было затянато туманной пеленой. Птицы — степные птицы — исчезли, только вороны, нахохлившись, сидели вдоль обочин. Они не отлетали, когда коляска едва не наезжала на них.

Смотреть по сторонам была тоска. Все мокро, однообразно. Пушкин сидел, закутавшись в шинель, зябнул. Мечтал о теплом доме, об ароматном кофе. Мечтал

* Их рисовали в своей «Параллели берегов реки Волги» братья Г. и Н. Чернецовы, отмечая, что эти горы богаты окаменелостями.

** *Преображенский П.* Пушкин в Самарских краях // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском гос. университете. 1925. № 3. С. 21.

*** Тогда, кстати, и на обратном пути он должен был проехать вблизи Самары или по окраине ее.

о чистых листах, которые разложит на столе; о свечах, которые зажжет в двух бронзовых канделябрах, принадлежавших еще деду, полюбившихся внуку три года назад, в первый приезд в Болдино.

По крыше коляски стучал дождь, выбивал какие-то несурзные, унылые ритмы. У него на волю просились иные ритмы, они уже осаждали его, перебивали друг друга, торопили...

Обрушивался каскад сказочных строчек, сметая все остальное. Потом на время затихал, и начинали звучать иные стихи, с простыми, слегка печальными интонациями, с уходящей в глубину доброй улыбкой, звучали в самом прекрасном на свете ритме — в ритме ямба.

Они рождали картины омраченного Петербурга, в котором так же, как здесь, в степи, наводил уныние дождь, дул холодный ветер, поднимал воду в Неве, и шел вдоль этой Невы, по гранитной набережной, герой.

Герой, Евгений, все отчетливее представлялся Пушкину:

*Мы будем нашего героя
Звать этим именем — оно
Звучит приятно; с ним давно
Перо мое, к тому же дружно.
Прозванья ж нам его не нужно
Хот<я> в миноваши време<на>
Оно быть может и блистало
И под пером Кар<амзина>
В родных преданьях прозвучало
[Но ныне светом] и молвой
Оно забыто — наш герой
Живет в чулане, где-то служит
Дичится знатных — и не тужит
[Что дед его великий <муж>
Имел 16 т <тысяч> душ!..]**

Где-нибудь на почтовой станции, согревшись чаем с мадерой, Пушкин доставал старую тетрадь, в которой была переписана набело поэма «Полтава» и сделаны зарисовки карандашом высокого берега Сороти в Тригорском, — доставал эту тетрадь, раскрывал где придется и на-

* Черновик начала первой главы «Медного всадника». Цит. по: Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 5. С. 461—462. В прямых скобках — зачеркнутые слова и строки.

брасывал новые, рвавшиеся на свободу строки — зачеркивал, вписывал новые слова, некоторые недописывал — ему-то потом, в Болдине, эта исчерканная запись будет понятна, как ясновидцу*.

На пятой день он приехал в Симбирск и там узнал, что все три брата Языковых у себя в имении. Не задерживаясь в юрде, к вечеру он прибыл к ним.

Братья радушно его встретили. Пушкин с жаром рассказывал о результатах поездки. Но, странное дело, пожалуй, лишь Петр Михайлович слушал его с неподдельным интересом. Его вопросы выдавали знание предмета и еще то, что Пушкину было, оказывается, дорого: веру в успех его замысла.

Два других брата, в особенности Николай Михайлович, проявляли сдержанность. Что-то их не устраивало, не убеждало... Пушкин это почувствовал.

Затем когда он прочитал своего «Гусара», написанного еще в апреле, все приняли его с восторгом.

Пушкин ничем не выдал своих чувств. Было досадно: Николай Михайлович словно не верил в то, что он, Пушкин, способен написать серьезный исторический труд**. Александр же Михайлович сказал без обиняков

* В этой тетради находится еще один отрывок — он посвящен картине наводнения Петербурга. Тетрадь эта, как и все рукописи повтѣ, хранится в Институте русской литературы (Пушкинском доме), фонд 244, опись 1, № 839, с. 1478—1479. Эти страницы с черновиками «Медного всадника» могли быть написаны, конечно, и не в дороге, а в Болдине.

** Из письма Н. М. Языкова историку М. Н. Погодину от 3 октября 1833 года: «...у нас был Пушкин с Янка — собирал-де сказания о Пугачеве. Много-де собрал, по его словам, разумеется. Заметно, что он вторгается в область Истории (для стихов еще бы туда и сюда) — собирается собирать плоды с поля, на коем он ни зерна не посеял, — писать историю Петра, Екатерины I и даже вплоть до Павла Первого.» (Литературное наследие. 1934. Вып. 16—18. С. 715).

Из письма А. М. Языкова В. Д. Комовскому (брату лицеиста, с которым учился Пушкин):

«Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Янка в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарем Камены. Он сдѣл-де собирать изустные и письменные известия о Пугачеве, историей времени которого будто бы теперь занимается. Из интересных новостей он прочитал нам свою сказку Гусар, ее купил, дескать, у него Смирдин за 1000 рублей сто стихов... Написана она живо и занимательно. Знаете ли Вы, что Гоголь написал комедию «Чиновник»? Из нее Пушкин сказал нам несколько пассажей; чрезвычайно острых и объективных...»
Исторический вестник. 1883. № 12

о другом. Он считал преждевременным само написание книги о Пугачеве: не все правильно поймут, не настало еще время для того, чтобы обнародовать историю этого бунта — у нас, того и гляди, новые закипают...

Когда Пушкин посетовал, что для работы ему не хватает протоколов допроса самого Пугачева, Александр Михайлович и это расценил по-своему. Он не посо-

Портрет Н. М. Языкова.
Гравюра Паннемакера с портрета Иордана

Огороженная площадка и лестница, ведущая из парка в дом, — все, что сохранилось из сооружений усадьбы Языкова

чувствовал Пушкину. Он сказал: это не случайно, что правительство проявляет мудрую предосторожность, оберегая современников от всех подробностей того ужасного бунта. Не хватало, мол, еще знакомить русских людей с откровенностями Емельяна Пугачева...

Вечер тем не менее прошел неплохо. Ярко горели свечи, потрескивал камин... Пушкин и Николай Михайлович вспоминали Тригорское, Михайловское. Николай Михайлович, пожалуй, и примирил с собою Пушкина этими воспоминаниями и тем еще, что показал ему дубовую шкатулку пушкинской няни. Оказывается, он привез эту шкатулку из Михайловского пять лет назад.

Он тоже был сердечно привязан к Арине Родионовне...

За это ему можно было простить остальное.

Скептическое же отношение к тому, что задумывал и писал последние годы Пушкин, поэт чувствовал не только у одного Языкова...

Ему отвели ту же комнату, в которой он ночевал прошлый раз.

За окном стонал ветер. По стеклу стекали струи дождя. В неровном свете свечей появлялись и исчезали процарапанные его алмазом буквы — *А. Пушкин*.

А. Пушкин не был согласен со скептиками. Он знал, что только ему под силу справиться с тем историческим трудом, который был им задуман.

Которого ждала Россия.

Россия всегда чего-то ждет. И всегда кто-то за нее решает — что ей можно знать, а чего нельзя.

В судьбу «Истории Пугачева» вмешиваются и царь, и Бенкендорф, и другие сановники...

Заглядывая в будущее, можно выхватить отдельные штрихи.

Царь прочитал пушкинский труд и сделал лишь ряд замечаний на полях, а также потребовал перемены названия: вместо «Истории Пугачева» (Пугачев, по мнению царя, истории не имел) повелел назвать «История Пугачевского бунта». Бенкендорф, не вникая в рукопись, препятствий к изданию тоже не чинил*. Сановники... По крайней мере один из них, имевший непосредственное отношение к печати, министр просвещения Уваров (портрет которого красовался в доме Языковых), вознегодовал. Печатание книги прошло мимо него, а в ней он узрел крамолу.

Чуткий и умный Иван Иванович Дмитриев, передавший Пушкину в свое время

* О сложностях печатания «Истории Пугачева» и отношении к этому царя, правительственных кругов см. в кн.: *Чкеидзе А. И.* «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963; *Эйдельман Н.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.

Из воспоминаний К. И. Савостьянова, пушкинского знакомого, жительствовавшего в селе Шатки (между Лукояновом и Арзамасом):
«Пушкин заехал ко мне в дом и с большим интересом рассказывал свежие впечатления о путешествии своем по Оренбургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собирал исторические памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени, старух, о Пугачеве. Доверие, произведенное к себе этим историческим злодеем во многих исхвалях, говорил Пушкин, до такой степени было сильно, что некоторые самовидцы говорили ему лично с полным убеждением, что Пугачев был не бродяга, а законный

некоторые сведения о пугачевщине, откликнулся из Москвы дружеским письмом. В нем сообщал:

«Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным: одни дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению.— Нужды нет, что осталась бы прореха в русской истории...»*

Это и впрямь было удивительным для одних, возмутительным для других: *писатель* посмел *напомнить* о том, что *велено было забыть***. А что касается *прорех*, то мы их вроде никогда и не замечаем...

Дождь преследовал почти до болдинских пределов. Но на шестой день еще больше похолодало, за Ардатовым выпал снег — «и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях»***, сообщает поэт жене.

Там его ждали (он еще раньше известил управляющего о дне приезда). Все было приготовлено согласно его привычкам, которые хорошо изучили болдинские в прошлое его пребывание. Комнаты были жарко натоплены, готовой стояла баня...

Пушкин разглядывал себя в большое зеркало, улыбался. Натали бы его сейчас, пожалуй, и не узнала.

В конце месяца, получив от нее сразу два

письма, он с удовольствием ответил на ее вопрос — «похорошел» ли он? «Во-первых, отпустил я бороду: ус да борода — *молодцу похвала; выду на улицу, дялюшкой зовут*».

Но всю первую неделю, до первых ее писем, было то-скливо и тревожно.

* Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 2. С. 303.

** «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении», — записал Пушкин в дневнике в феврале 1835 года. Слово «возмутительном» употреблено Пушкиным в прямом, старинном смысле, то есть подстрекающем к возмущению.

*** Возможно, в Ардакове Пушкин оставил коляску, сменив ее на сани.

царь Петр III и что он только напрасно потерпел наказание от злобы и зависти людей.
Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен, говорлив и весел.
Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л., 1928. Вып. XXXVII. С. 149—150

«Теперь надеюсь многое привести в порядок, много написать и п(отом) к тебе с добычею. <...> Прости — оставляю тебя для Пуг.(ачева). Христос с вами, дети мои. Цалую тебя, женка — будь умна и здорова».

Из письма Пушкина жене от 2 октября 1833 года из Болдина

Все, казалось ему, складывалось против него:
«Въехав в границы Болдинские,— а это произошло в воскресенье, к вечеру первого октября,— встретил

Схема маршрута от Симбирска до Болдина:
1—Симбирск, 2—Тагай, 3—Языково, 4—Карлинская, 5—Алатырь, 6—Ардатов, 7—Князюха,

8—Болдино, 9—Абрамов, 10—Лукоянов, 11—Арзамас

я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром все эти встречи».

Не накликали бы они неприятностей... Мысли о том, как она там одна, с детьми в Петербурге, не давали ему покоя. К этому прибавлялись тревоги иного рода:

«Смотри, женка. Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня— искокетничаешься. Одна надежда на бога да на тетку*. Авось хранит тебя от искушений рассеянности».

Это из того же первого болдинского письма.

А вот из Оренбурга, двумя неделями раньше. С тою же доверчивой, шутливой, но и выдающей озабоченность интонацией:

* Е. И. Загряжская—тетка Н. Н. Пушкиной, фрейлина, опекавшая ее в высшем свете.

«Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: на чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример». Возможно, эту башкирку он зарисовал в своей дорожной книжке, так же как во время путешествия в Арзрум — калмычку. Но той кроме рисунка он посвятил целое стихотворение*, а башкирка не вдохновила его на стихи.

Башкирка.

Рисунок А. С. Пушкина. 1833

Вот только этот рисунок и упоминание о ней в письме жене.

8 октября он получил от нее «вдруг два письма»!

Он ответил ей сразу. Он стал успокаиваться, хотя ее милые известия о светской жизни, об успехах на балах не доставляли ему большой радости. «Кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к тону, а к чему-то уже важнейшему».

В Болдине все было по-старому — крестьяне, староста, управляющий. Кучер Михей Савохин искренне обрадовался Пушкину. Вновь, как и три года назад, с удовольствием готовил ему лошадь для прогулок верхом.

Роща, что была в версте от Болдина и куда любил ездить Пушкин, оказывается, с его легкой руки — точнее, с его легкого слова — именовалась теперь среди болдинцев Лучинником**.

* «Калмычке».

** По преданию, в этой роще был задержан крестьянин-порубщик. Допрос чинил сам управляющий, когда в контору зашел Пушкин. На его вопрос, зачем мужик срубил молодую березу, тот ответил, что на лучины для освещения. Пушкин сказал, что роща молодая, березки только в силу входят — они и впрямь пока годятся только на

Теперь она выглядела по-иному, не так, как в сентябре и октябре тридцатого года. Тогда она долго горела золотом и багрецом, долго стояла бесснежной, обнаженной, с бронзовым ковром из опавших листьев.

Сейчас падал и не таял снег. Небо висело над землей тяжело, свинцово. Пушкин привыкал к этому новому для себя Болдину и его окрестностям.

Въехав в рощу, Пушкин сдерживал коня. Останавливался под облетелыми березами, доставал записную книжку...

Вначале, до получения писем от Натали, стихи в голову не шли, проза давалась с трудом.

8 октября он поделился с нею:

«Вот уж неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов и заживем припеваючи».

В письмах от 11 и 21 октября отмечены ступени постепенного увлечения работой:

«Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины»; «Все эти дни голова болела, хандра грызла меня; нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со мною делается. Старам стал, и умом плохам. Приеду оживиться твоею молодостию, мой ангел».

Но все входило в привычную и отрадную осеннюю колею. 30 октября он сообщал своей мадонне:

«Просьпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался и уже начал пропасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо».

К соседям он не ездит. Некогда. Не до них. Работа занимает все его внимание.

Шутливо извещает жену:

«Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настой-

лучины и сама роща пока только *лучинник*. Мужик от наказания был Пушкиным освобожден.

ки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава».

И вслед за этим, доставляя приятное и себе и ей, добавляет:

«Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше».

Это — в шутку. Но это и всерьез. В этих строчках — любовь, обожание, гордость своей красавицей-женой.

Шутливые интонации в его письмах сменяются строгими, деловыми. Он просит ее съездить к Плетневу и сказать ему, чтобы тот «к моему приезду велел переписать из Собрания законов * <...> все указы, относящиеся к Пугачеву».

В октябре он закончил новую редакцию «Истории Пугачева». В октябре к нему вновь пришли стихи:

*Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дождя осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...*

Болдинские пруды сковало льдом. Он был еще тонок, но уже покрыт достаточным слоем снега. И верхний пруд, и нижний, и тот, что встречал гостей болдинской усадьбы при въезде в нее...

«Теперь моя пора» — так начал Пушкин вторую строфу нового большого стихотворения, которое назвал «Осень».

*Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.*

Пушкин произносил вслух эти стихи. Медленно, с грустью и наслаждением растягивая слово «мила» — «но мне она ми-ла, читатель дорогой». На его глазах блестели слезы.

Осень всегда влекла его к себе: «Сказать вам

* То есть из «Полного собрания законов Российской империи начиная с 1649 года».

откровенно, из годовых времен я рад лишь ей одной, в ней много доброго...»

Стихи лились свободно, славя это удивительное время года:

*Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...*

Золотую осень этого года он встретил в дороге. Степи вытеснили леса. Долго, пока не переправился через Волгу, не углубился на север, к симбирским и нижегородским землям, не видел он этого великолепия и богатства осенних лесов и рощ.

Болдино было окружено полями, перелесками. Самым любимым был Лучинник — Пушкин отправлялся в него ежедневно, знал каждую его тропку, каждый склон оврагов, на которых росли веселые березы. Здесь и дышалось и думалось особенно легко и привольно.

*И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь...*

Вновь приходили осенние вечера, когда можно было сидеть пред «камельком забытым» —

*...а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.*

Стихи уводили в эту святая святых его жизни:

*И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.*

Перо-бежало дальше, увлекая по этой дороге:

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просят к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.*

Процесс рождения стихов требовал сравнения. Достойного сравнения. И он нашел его:

*Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.*

Ура!.. Куда ж нам плыть?

Образ корабля подсказывал новую аллерию:

...какие берега

*Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
Иль опаленные Молдавии дуга,
Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.*

Пушкин кончил писать, перечитал, задумался — решительно отбросил всю последнюю строфу: стихотворение кончалось не на ней!

Он написал:

Плывет. Куда ж нам плыть?..

И поставил многоточие. Не оборвав стихотворение, вставив в этот вопрос все, что задумал для этой осени, все, что уже начал писать, все, что лежало на его столе, занесенное беглым почерком на белых листах бумаги, все, что требовало еще неустанной, ежедневной работы в эту вторую *болдинскую* осень.

Он закончил свое «плаванье» этой осенью — свое путешествие в пространстве и времени. На это ушел сентябрь, этому были отданы тысячи верст пути. Теперь предстояло плаванье во времени и пространстве стихов и прозы.

Корабль уплывал к сказкам «О рыбаке и рыбке» и «О мертвой царевне и о семи богатырях», к поэмам «Медный всадник» и «Анджело», к повести «Пиковая дама».

В паруса дул свежий ветер. *Громада двинулась...*

Заключение

Наше путешествие закончено.

В Болдине мы задержимся. Надо привести в порядок впечатления, вернуться к самым памятным, ну и, конечно, как водится по завершении всякого путешествия, подвести предварительные итоги. Лучшего места, чем осеннее Болдино, мы для этого не найдем.

Остановиться можно в гостинице или у кого-нибудь из местных жителей, в деревянном доме, на тихой улице, возле одного из болдинских прудов. Вас радушно примут, вы каждый день сможете приходить в усадьбу, где жил Александр Сергеевич Пушкин, и ваше общение с ним продлится.

Мне в свое время повезло. Я останавливался у Натальи Николаевны Кривойкиной, одной из запевал знаменитого болдинского хора.

О нем надо сказать несколько слов.

Хор состоял из старых женщин и пел прекрасные народные песни, которые пели еще матери исполнительниц, а еще раньше — их бабки и прабабки. В мои посещения Болдина хор собирался в мезонине барского дома, в просторной комнате с низким потолком. Десять пожилых женщин. Как-то не поворачивался язык называть их старухами, хотя в ту пору, когда я их слушал, самой младшей было далеко за шестьдесят.

Пели они профессионально. Правильнее даже сказать, не пели, а играли свои песни. Этих женщин надо было не только слушать*, но и смотреть. Они сопровождали пение сдержанным действием: то слегка приплясывали, то взмахивали платочками, то разыгрывали сценку. Были они в старинных русских нарядах — в длинных сарафанах, вышитых рубашках, передниках. Все это было пестро, цветисто, наполняло комнату радостным светом. При одном виде этой лучащейся улыбками группы стано-

* В 60-е годы записана была пластинка с их песнями.

вилось празднично на душе. Слушатели переставали замечать, что за окном хмурое небо, блеклый осенний день.

Самое же главное состояло в том, что пели эти женщины те песни, которые когда-то слушал в Болдине Пушкин. Ведь песни-то передавались от одного поколения исполнительниц к другому.

Ученые установили, что Пушкин слушал здесь

Болдинский дом и памятник А. С. Пушкину

и «Прялочку», и «Тещиньку», и «Сватушку»*. Пелись эти песни так, как когда-то их пели те крестьянки, которых наверняка хоть раз да пригласил скрасить свое одиночество голубоглазый, обходительный, жадный до народных песен хозяин этого дома.

Общение с хором позволяло современным слушателям переноситься в пушкинскую эпоху. Певицы помогали *озвучить* ее. А Наталья Николаевна Кривойкина вообще могла вдруг перекинуть туда, в давно минувшее, живой неожиданный мостик.

Она была небольшого роста, с круглым добрым лицом, хлопотунья, любила угощать чаем из самовара... Однажды стала вспоминать, как находилась в услужении у болдинского попа.

* См. об этом статью Л. А. Чеснова «Пушкин и песни болдинского края» в сб.: Болдинские чтения. Горький, 1976.

— Одна усадила меня попадья за стол,— рассказывала она быстрым говорком. — Гляжу— чего только нет: и сало-ти, и хлебушка вволю, и мед. Я девчонка была. Намазала медушка на хлеб, укусила—батюшки мои! Раскубрила рот— не закрыть, моченьки нетути. Попадья трясется: я-то на горчицу прельстилась. Вона-а. Я же ее отродясь не видывала. Какая такая горчица? Мед, думаю. На мед позарилась. Вот эдак-то и жили.

Да, так жили. Так давно не живут. И попа болдинского давным-давно нет. А рассказ старой болдинки воскрешал— и воскрешает— и этого последнего дореволюционного батюшку, и другого, которого все мы хорошо знаем по пушкинской сказке.

Не жаловал Пушкин священников. Как ни звучит это некоторым диссонансом в нынешнее время, возвращающее церкви ее бывшее достоинство, из песни слова не выкинешь. Не зачеркнешь ни сказки пушкинской «О попе и о работнике его Балде», ни слов из первого болдинского письма осенью 1833 года:

«Въехав в границы Болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром все эти встречи».

Наталья Николаевна Кривойкина, кстати, подтвердила мне народную примету: встретить попа— к недобру. Не знаю, сколько уж она их встречала за свой век, а жизнь не баловала ее: «добра» в ней было не так уж и много. Особенно в молодости. Да и потом...

До революции батрачила. Едва ее трудовая, крестьянская семья встала на ноги, окрепла— накатила коллективизация. Потом война. На войне был убит ее родной брат...

Сама-то она мало что рассказывала. Как и другие болдинские женщины, пережившие и гражданскую войну, и коллективизацию, и многое другое. Они по вечерам вроде бы безмятежно посиживали на завалинках своих домов, обсуждали разные новости. А ведь за каждой— судьба. И судьба каждой вмещала большую судьбу России. Они и фронту все отдавали, и за мужей тяжелую деревенскую работу ворочали, и за двадцать с лишним верст, на станцию Ужовка, ходили зимой и ранней весной в первый послевоенный год, когда никакого автотранспорта в селе и в помине не было, а семенное зерно со станции надо было непременно доставлять.

Большое Болдино. Обычное село в глубине России. Находясь в нем после путешествия по пушкинскому маршруту, невольно вспоминаешь другое село, бывшую станицу и крепость Татищево, также со всей страной переносившую и военное лихолетье.

Болдинский пруд

Пушкин заставляет нас зорче взглянуть на эти села, в этих людей, которые жили и трудились на своей земле из века в век; в обстановку, которая, конечно, меняется, но сохраняет какие-то главные родовые черты — достоинство, простоту, неприхотливость, даже бедность, если взяться сопоставлять жилье, хозяйственные постройки, бытовую обслугу там ли, на бывшей территории Уральского войска, здесь ли, на Нижегородской земле, — сопоставлять с тем, что можно увидеть в каких-нибудь иных землях, с иными традициями, с иной цивилизацией...

Впрочем, в нашу задачу не входит углубление в проблемы переустройства отечественного бытия и быта, начиная с организации сельского хозяйства и кончая прокладкой дорог. Последнего мы отчасти уже касались. Здесь же, итожа впечатления, можно было бы лишь заметить, что со времен Пушкина не иссякает — увы — эта проблема. Нынешнему путешественнику тоже порой приходится несладко, особенно в распутицу. Да ведь даже и летом, когда пойдут дожди, вы не проедете без нервоотрепки ни из Васильсурска в Козьмодемьянск и далее в Чебоксары (я имею в виду дорогу вдоль Волги, без выезда на магистраль Казань — Ульяновск), ни из Ульяновска в Тетюши, ни от Лаишева (с переправой через Каму) к Великим Булгарам, ни тем более вдоль извилистого берега Урала, через старинные села и станицы, которые проезжал когда-то Пушкин. Сейчас шоссе проложено по левому берегу Урала от Оренбурга в Уральск, а Татищево, Нижнеозерная, Рассыпная и другие населенные пункты остаются на правом

берегу, недоступные для простого колесного транспорта, ежели он не усилен каким-нибудь там передним ведущим мостом или, если нет такового, цепями на задних колесах.

Справедливости ради надо отметить, что все эти трудности, вся эта дорожная маета возникает лишь в «период дождей». А в иную пору, когда припекает солнце, все эти находящиеся в первоизданном виде дороги вполне приемлемы для неспешной езды. Я лишь не стал бы вам рекомендовать читать в экипаже на этой дороге. Как сказал Александр Сергеевич Пушкин по сходному поводу в своих письмах жене во время того путешествия, «коляска требует подправки. Дороги проселочные были скверные», «книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке». Однако не будем сетовать на дорожную неустроенность. В конце концов не она самое важное. И не эта «переключка» прошлого с настоящим является главным в наших выводах из путешествия.

Главное — радующая нас близость личности Пушкина, творчества Пушкина. Главное — чувство сопричастности с тем, что видел, о чем думал, что чувствовал поэт. Километр за километром мы углублялись в неоглядную и неисчерпаемую страну по имени *Пушкин* и открывали для себя новые грани в ней.

Прехав в Болдино, мы оглядываемся на проделанный путь. Вспоминаем людей, встречи, разговоры. Вспоминаем города, села, деревеньки. Все они запали в душу. Все заставили вглядываться в себя, сопоставлять новое, современное со старым, из пушкинской эпохи.

Не всегда эти сопоставления были радостными, не всегда позволяли свысока смотреть на то, что было когда-то. В путешествии по пушкинским местам с особой очевидностью обозначаются утраты — в природе, в ландшафтах, в архитектуре. Путешествие взывает к совести, к активному действию за сохранение природы.

В этом смысле пушкинские маршруты могут стать той основой, той путеводной нитью, которая соединит отдельные, разрозненные оазисы культуры, сохраняемые и оберегаемые людьми и законом (не всегда, правда, с достаточным эффектом). Есть пушкинские места в приволжских городах и на реке Урал. Есть Большое Болдино. Есть памятники поэту в Казани, Самаре, Оренбурге. Но нужно ратовать за то, чтобы весь пушкинский путь, вся эта тысячеверстная Россия оберегалась как единая националь-

ная святыня. Прошлое в этом смысле помогает настоящему, протягивает ему руку. Помогает нам не только понять историю, но и по достоинству оценить то, чем мы владеем сегодня и что можем утратить при дальнейшей нашей нерадивости, утере исторической памяти и пренебрежении к традициям.

Нам есть о чем подумать...

Пушкин пробыл в Болдине до начала ноября. В последнем письме из деревни обращался к жене: «Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши (<...> для чего? — Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc., etc.».

А за три года до этого письма здесь же, в Болдине, у него вырвались такие строки: «Сулит мне труд и горе Грядущего волнуемое море». Путешествуя вместе с ним, мы отчасти прикоснулись к этому «грядущему». Поэт был прав: оно оказалось наполнено трудом и не приносило безоглядной радости. Разве можем мы обо всем этом забыть, находясь в болдинском доме, ступая по дорожкам болдинского парка? Прекрасные творения, выходявшие из-под его пера, покупались дорогой ценой.

Понимает ли, осознает ли это наш современник, когда наслаждается его стихами и прозой, когда приезжает сюда, в Болдино, и окунается в осеннюю благодать заповедного края? Поэт *мыслил и страдал*. А мы, его духовные наследники — ведь именно так не без гордости мы нередко называем себя, — умеем ли мыслить и страдать хотя бы в малую долю той силы, что была отпущена ему?

Верно сказал Александр Николаевич Островский в речи на пушкинских торжествах 7 июня 1880 года: «Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть» *. Иначе разве отваживались бы мы вновь и вновь прочитывать его стихи, написанные в Болдине осенью 1830 года?

*Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...*

* Островский А. Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. XIII.

Смоляльников И. Ф.

С 51 Путешествие Пушкина в Оренбургский край.—
М.: Мысль, 1991.— 270, [1] с.: ил.

ISBN 5-244-00477-8

Осенью 1833 года А. С. Пушкин путешествовал по местам пугачевского восстания. Задуманная им «История Пугачева» требовала работы в архивах Казани, Симбирска, Оренбурга. Поэту удалось встретиться и с некоторыми свидетелями казачьих восстаний времен царствования Екатерины II.

Повторив маршрут Пушкина, автор не только знакомит читателя с историей этого путешествия поэта, но и помогает ощутить связь времен.

Для широкого круга читателей.

С 180500000-016
004(01)-91 78-91

ББК 63-3(а)47

Научно-художественная

**Игорь
Федорович
Смоляльников**

*Путешествие
ПУШКИНА
в Оренбургский
край*

Редактор

Н. В. Боровицкая

Редактор карт

Д. Г. Фаттахова

Художественный редактор

Е. М. Омеляновская

Технические редакторы

В. Н. Корнилова,

А. П. Гришина

Корректор

Т. М. Шинделенко

ИБ № 3697

Сдано в набор 11.06.90. Подписано в печать 05.05.91. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Офсетная печать. Гарнитура «Баскервиль». Усл. печатных листов 17. Усл. кр.-отт. 86,50. Учетно-издат. листов 16,27. Тираж 80 000 экз. Заказ № 719. Цена 5 р.

Издательство «Мысль».

117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Общезаводская типография» Государственного комитета СССР по печати.

113054, Москва, Валуевая, 28.

